РОМАНЪ ГУЛЬ

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ

(СЪ КОРНИЛОВЫМЪ)

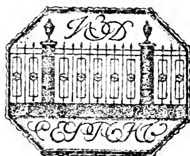
ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

РОМАНЪ ГУЛЬ.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ.

(СЪ КОРНИЛОВЫМЪ).

«J'aime mieux être guillotiné
que d'être guillotineur.»
Danton.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Книгу посвящаю

горячо любимой матери.

Часть первая.

Съ фронта — до Ростова.

Съ фронта.

Была осень 1917 года. Мы стояли въ Бессарабіи... Голубые, морозные, душистые бессарабскіе дни. Желто-красно-зеленыя деревья. Высокое, золотое, негрѣющее солнце. Красивый народъ въ кожаныхъ, съ рисунками, безрукавкахъ. Бѣлыя хаты, внутри увѣшанныя самотканными коврами, богатыхъ, яркихъ тоновъ...

Я любилъ Бессарабію...

По утрамъ полуодѣтый выбѣгаешь въ сливовый садъ, умываешься ледяной водой, пахнущей какой-то особенной свѣжестью, вбираешь грудью морозный ароматъ слегка заиндевѣвшаго утра и вспоминаешь гдѣ-то читанное: «каждое утро, душа моя, у порога своего дома ты встрѣчаешь весь міръ»...

И тамъ же вспоминается... Около старенькой церкви митинги толпъ вооруженныхъ людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Злобныя рѣчи, почти безъ смысла. Знамена съ надписями: «Миръ безъ аннексій и контрибуцій», «Долой войну», «Смерть буржуазіи»...

Рѣчи, полныя злобы и ожесточенія, ревъ толпы и тысячи махающихъ въ воздухѣ рукъ...

Попытки сдержать безсильны...

Разливалась стихія...

Получилъ телеграмму: «Имѣнье разграблено, проси отпускъ». Командиръ отпускаетъ, обнимаетъ, провожаетъ. Ѣду въ обозъ второго разряда. Сѣлъ на поѣздъ. Все сѣро — все переполнено. Сѣрыя шинели лежатъ на полу, сидятъ на скамьяхъ, лежатъ на полкахъ для вещей. Тронулись. Я смотрю на лица солдатъ: на всѣхъ одна и та же усталая злоба и недовѣріе.

Съ дороги пишу письмо знакомымъ: «кругомъ меня все сѣро, съ потолка висятъ ноги, руки... лежатъ на полу, въ проходахъ . . . Эти люди ломали нашу старинную мебель краснаго дерева, рвали мои любимыя старыя книги, которыя я студентомъ покупалъ на Сухаревкѣ, рубили нашъ садъ и саженыя мамой розы, сожгли нашъ домъ . . . Но у меня нѣтъ къ нимъ ненависти или жажды мести, мнѣ ихъ только жаль. Они полу-звѣри, они не вѣдаютъ, что творятъ» . . .

Узловая станція. Вокзалъ, платформа, пути запружены тысячами людей въ сѣромъ. Они всѣ ѣдутъ-бѣгутъ съ войны. И это «домой» такъ сильно въ нихъ, что они замерзаютъ на крышахъ поѣздовъ, убиваютъ начальниковъ станцій, ломаютъ вагоны, сталкиваютъ другъ друга . . .

Поѣзда нѣтъ. Матерная брань превращается въ ревъ: «Ему вставить штыкъ въ пузо — будетъ поѣздъ!» — «Для буржуевъ есть поѣзда, а для нашего брата подожди!!» — «Пойдемъ къ начальнику!» — «Пойдемъ!!»

Тихо подходитъ поѣздъ. Всѣ лѣзутъ въ окна. Звонъ разбитыхъ стеколъ, матерная

брань... Сѣли. Плохо ѣдемъ, останавливаясь на каждомъ разъѣздѣ.

День... два...

Поздній вечеръ. Подъѣзжаемъ къ родному городу. Тотъ же старенькій вокзалъ. Залъ I класса. Вонъ стоитъ знакомый носильщикъ. Прохожу. Сажусь на извозчика...

Темныя улицы. Лошадь тихой рысью бѣжитъ по мягкому снѣгу, ударяются комья въ передокъ. Извозчикъ чмокаетъ и постегиваетъ лошадь кнутомъ.

Я смотрю на каждый домъ, на каждый переулокъ. Все знаю. Все знакомое. Вотъ сейчасъ подъѣду. Вотъ вижу огонь въ дальней столовой. Извозчикъ остановился. Подхожу къ двери. Что-то замираетъ, дрожитъ, сладко рвется у меня въ груди. Сильная радость наполняетъ меня, и одновременно слегка грустно... Шаги за дверью. Отперли. Иду къ корридору, отворяю дверь... Изъ столовой ко мнѣ бросается мама... обнимаетъ, плачетъ...

Я счастливъ. Всѣ счастливы, всѣмъ радостно...

. . . .

Дома.

Я нѣсколько дней живу у себя, въ семьѣ, съ любимыми людьми. Я не хочу ничего. Я усталъ отъ фронта, отъ политики, отъ борьбы. Я хочу только ласки своей матери. Я помню, я думалъ: «истинная жизнь любящихъ людей

состоитъ въ любованіи другъ другомъ». Я чувствовалъ всю шкурную мерзость всякой «политики». Я видѣлъ, что у прекрасной женщины Революціи подъ красной шляпой, вмѣсто лица, — рыло свиньи. Я искалъ выхода. Я колебался. Въ душѣ подымались протесты и сомнѣнія, но я пытался убѣдить себя: «все это плохо, но не надо отстраняться, надо взять на себя всю тяжесть реальности, надо взять на себя даже грѣхъ убійства, если понадобится, и дѣйствовать до конца . . .

И мнѣ показалось, что я себя убѣдилъ . . .

. . . .

Былъ сочельникъ. Звонокъ. Я удивленъ: входитъ прапорщикъ нашего полка К. Онъ сибирякъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Я догадываюсь. К. разбинтовываетъ ногу и передаетъ мнѣ письмо моего командира.

. . . Корниловъ на Дону. Мы, обливаясь кровью, понесемъ счастье во всѣ углы Россіи . . . Намъ предстоитъ громадная работа . . . Пріѣзжайте. Я жду Васъ . . . Но, если у Васъ есть хоть маленькое сомнѣнье, — тогда не надо» . . .

Я напряженно думаю. День, два. Сомнѣнье мое становится маленькимъ, маленькимъ. Можетъ быть, я просто «боюсь»? спрашиваю я себя. Можетъ быть, я «подвожу теоріи» для оправданія своей трусости? . . . какъ звѣрски и ни за что дикіе люди убили М. Н. Л. . . . А Шингаревъ? Кокошкинъ? . . Ихъ семьи!? . . Тысячи другихъ!? . . — Нѣтъ, я долженъ и я готовъ. Я вѣрю въ правду дѣла! Я вѣрю Корнилову! И я поѣду. Поѣду, какъ ни тяжело мнѣ оставить мать, семью, уютъ.

И одновременно со мной думаетъ и страдаетъ мама.

Я рѣшилъ. Мама готова перенести новую боль . . .

. . . .

Зимнія сумерки темнымъ узоромъ ложатся на зеленую гостиную. — Слышно, какъ, около дома, поскрипываетъ на морозѣ деревянный тротуаръ. Въ гостиной нѣтъ огня. Я сижу съ мамой. Она плакала и тихо говоритъ: . . . мнѣ очень больно, но будетъ еще больнѣе, если ты поѣдешь и разочаруешься, — если ты не найдешь тамъ того, о чемъ думаешь» . . . — «Я объ этомъ думалъ, я этого боюсь, но гарантія — имя Корнилова и Учредительное Собраніе. И мы оба хотимъ вѣрить. —

И я вѣрю . . .

. . . .

Былъ, кажется, третій день Рождества. Мы уѣзжали: семь человѣкъ офицеровъ. Солдатскіе документы, видъ солдатскій, мѣшки — все готово. Пора идти.

Мама зашиваетъ ладанки, надѣваетъ на насъ съ братомъ и беззвучно плачетъ. Мы ободряемъ. Прощаемся. И я чувствую на щекахъ своихъ слезы матери . . .

. . . .

Синій вечеръ. Въ воздухѣ серебрятся блестки. Небо звѣздное. . . . Мы идемъ на вокзалъ. На душѣ грустно, но успокоеніемъ служитъ: добровольно иду дѣлать большое дѣло . . .

Вокзалъ набитъ солдатами. Все переполнено Братъ и другіе попали въ уборную уходящаго

поѣзда и уѣхали. Я и N. остались. Мы ждемъ среди солдатъ — на полу. Подходитъ солдатъ нашего полка, о чемъ-то развязно говоритъ.

Подъ утро, усталые, съ трудомъ садимся въ поѣздъ и ѣдемъ на Донъ . . .

На Донъ.

Слѣдующій день зимній, яркій. Поѣздъ тихо тащится по снѣжнымъ полямъ и подолгу стоитъ на станціяхъ. Помню станцію Лиски. Я послалъ мамѣ шифрованную телеграмму. Пересѣли и ѣдемъ.

Ночью — обыскъ. Въ вагонѣ темно. Вошли люди съ фонаремъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, съ винтовками.

«Документы предъявите . . . У кого есть оружіе, сдавайте, товарищи».

Подошли ко мнѣ. Я закрылъ глаза и притворился спящимъ, прислонившись къ окну вагона.

— «А это чей чемоданъ?» (у меня былъ мѣшокъ-вьюкъ).

— «Вашъ, товарищъ?» — «Товарищъ!» сказалъ онъ и взялъ меня за плечо. Я «проснулся.» — «Мой». — «Откройте!» Открываю. Онъ роется. — «А документы есть?» — «Есть», и лѣзу въ карманъ. — «Ну, ладно» — и проходятъ дальше . . .

. . . .

Утро. Слава Богу, переѣхали на казачью сторону. Народу въ поѣздѣ стало мало. Я не

бывалъ на Дону: вглядываясь въ людей, смотрю въ окна. Вошли нѣсколько казаковъ съ винтовками, шашками. Сѣли рядомъ. Разговариваютъ. Я ищу новыхъ, бодрыхъ настроеній — преграды анархіи.

Казакъ лѣтъ 38, съ рябымъ звѣрскимъ лицомъ, съ громаднымъ вихромъ изъ-подъ папахи, сиплымъ голосомъ говоритъ: — «Ежели самъ хочетъ, пущай и стоитъ, есаулъ, а мы четыре года постояли, съ насъ будя. Прошлый разъ на митингѣ тоже сталъ: «станичники, вы себя защищаете, казацкую волю не погубите», (онъ представилъ есаула). — «Четыре года слухали» . . . мрачно отозвался хмурый, молодой казакъ.

Вскорѣ они вышли изъ вагона. Я понялъ, что эти казаки — изъ частей, стоявшихъ на границѣ области, на случай вторженія большевиковъ. Изъ разговора ихъ было ясно: они самовольно расходились по домамъ, открывая дорогу войскамъ Крыленки . . .

. . . .

Ст. Каменская. Я вышелъ изъ вагона. На платформѣ много военныхъ: солдатъ, офицеровъ, встрѣчаются юнкера. Офицеры въ погонахъ. Чувствуется оживленіе, приподнятость. Ѣдемъ дальше . . .

Я думаю: «Скоро Новочеркасскъ. Туда сбѣжалось лучшее, — лихорадочно организуется. Отсюда тронется волна національнаго возрожденія. Во главѣ — національный герой, казакъ Лавръ Корниловъ. Вокругъ него объединилось все, забывъ партійные, классовые счеты . . .

«Учредительное Собраніе — спасеніе Родины!» заявляетъ онъ. И всѣ подхватываютъ лозунгъ его. Идутъ и старъ и малъ. Буржуазія — Минины. Офицерство — Пожарскіе. Весь народъ подымается. Организуются національные полки, арміи. Рѣютъ флаги, знамена.

Оркестры гремятъ какой-то новый гимнъ!!..

«На Москву» — отдаетъ приказъ онъ.

«На Москву» — гудитъ вездѣ.

И армія возрожденія, горящая одной страстью: счастье родины, счастье народа русскаго, — идетъ какъ одинъ. Она почти не встрѣчаетъ сопротивленія...

Вѣдь она народная армія!!..

Вѣдь это нація встала!!..

Вѣдь лозунгъ ея: все для русскаго народа!!..

Бѣгутъ обольстители народные, бѣгутъ авантюристы и предатели.

Казакъ Корниловъ спаялъ всѣхъ огнемъ любви къ націи! Онъ спасъ родину! и передаетъ власть представителямъ народа — Учредительному Собранію.

Россія сильна счастьемъ всѣхъ гражданъ. Она могуча своей свободой.

Она говоритъ міру «свое слово», и въ словѣ этомъ звучитъ что-то простое, русское, христіанское...

. . . .

Въ воображеніи бѣгутъ радостныя картины.

Поѣздъ быстро мчитъ меня къ Новочеркасску.

Новочеркасскъ.

Яркіе, морозные дни. Деревья улицъ — бѣлы отъ инея. На голубомъ небѣ блещутъ золотомъ купола Новочеркасскаго собора.

Въ городѣ — оживленіе; плавно несутся военные автомобили, шурша по снѣгу; крупной рысью пролетаютъ верховые казаки; скользятъ извозчичьи сани, звеня бубенчиками; поблескивая штыками проходятъ небольшія части офицеровъ и юнкеровъ.

На троттуарѣ трудно разойтись; мелькаютъ красные лампасы, генеральскіе погоны, разноцвѣтные кавалеристы, бѣлые платки сестеръ милосердія, громадныя папахи текинцевъ.

По улицамъ расклеены воззванія, зовущія въ «Добровольческую армію», въ «партизанскій отрядъ есаула Чернецова», «войск. старш. Семилѣтова», въ «отрядъ Бѣлаго дьявола — сотника Грекова.»

Казачья столица напоминаетъ военный лагерь.

Преобладаетъ молодежь-военные.

Всѣ эти люди — пришлые съ сѣвера. Среди потока интеллигентныхъ лицъ, хорошихъ костюмовъ, иногда попадаются солдаты въ шинеляхъ на распашку, безъ пояса, съ озлобленными лицами. Они идутъ не сторонясь, бросая злобные взгляды на офицерскіе погоны. Если бъ это было въ Великороссіи — они сорвали бы ихъ, но здѣсь иное настроеніе, иная сила . . .

Въ воскресное утро идемъ въ соборъ, къ обѣднѣ.

Великолѣпный храмъ полонъ молящимися; въ серединѣ, ближе къ алтарю, — группа военныхъ, между ними ген. Алексѣевъ, худой, средняго роста съ простымъ типично-военнымъ лицомъ.

На паперти встрѣчаю кадета-выборжца Н. Ѳ. Езерскаго. Съ первыхъ же словъ Н. Ѳ. горячо говоритъ о ген. Корниловѣ и Добровольческой арміи, вѣритъ, что Корниловъ объединитъ вокругъ себя людей разныхъ направленій и создастъ здоровую національную силу. Онъ говоритъ о тяжелой борьбѣ окраинъ съ центромъ и вѣритъ, что первымъ удастся побѣдить и снова сплотить возрожденную Россію . . .

Запись въ армію.

Черезъ два дня мой командиръ полк. С. пріѣхалъ и мы идемъ записываться въ бюро Добровольческой арміи.

Подошли къ дому. У дверей — офицеръ съ винтовкой. Доложилъ караульному начальнику и насъ провели наверхъ.

Въ маленькой комнатѣ прапорщикъ-мужчина и прапорщикъ-женщина записывали и отбирали документы; подпоручикъ опрашивалъ.

«Кто васъ можетъ рекомендовать?»

— «Подполковникъ Колчинскій», называю я близкаго родственника ген. Корнилова.

Подпоручикъ дѣлаетъ мину, пожимаетъ плечами и цѣдитъ сквозь зубы: — «Видите, онъ собственно у насъ въ организаціи не состоитъ . . .»

Я удивленъ. Ничего не понимаю. Только послѣ объясняетъ мнѣ подполк. Колчинскій: офицеры бюро записи — ставленники Алексѣева, а онъ — корниловецъ; между этими теченіями идетъ скрытый раздоръ и тайная борьба.

Мы записались. Знакомимся съ завѣдующимъ бюро и общежитіемъ гв. полк. Хованскимъ. Низкаго роста, вылощеный, самодовольно-брезгливаго вида полк. Хованскій говоритъ, «аристократически» растягивая слова и любуясь собой: «поступая въ нашу (здѣсь онъ дѣлаетъ удареніе) армію, вы должны прежде всего помнить, что это не какая-нибудь рабоче-крестьянская армія, а офицерская». Послѣ знакомства размѣстились въ общежитіи. Меня поражаетъ крайняя малочисленность добровольцевъ. Новочеркасскъ полонъ военными разныхъ формъ и родовъ оружія, а здѣсь, въ строю арміи — горсточка молодыхъ, самыхъ армейскихъ офицеровъ.

Штабъ арміи.

Съ каждымъ днемъ въ Новочеркасскѣ настроеніе становится тревожнѣе. Среди казаковъ усиливается разложеніе. Ожидается выступленіе большевиковъ. Калединъ по прежнему нерѣшителенъ. Войсковой кругъ теряется . . .

Штабъ Добровольческой арміи рѣшаетъ перенестись въ Ростовъ. Верхомъ, со своими адъютантами, переѣхалъ туда Корниловъ. Въ

этотъ же день переѣхалъ полк. С. и мы, первые офицеры его отряда.

Въ Ростовѣ Штабъ арміи — во дворцѣ Парамонова. Около красиваго зданія — офицерскій караулъ. У дверей часовые.

Стильный, съ колоннами залъ полонъ офицерами въ блестящихъ формахъ. Среди нихъ плотная, медленная фигура Деникина. Въ штатскомъ, хорошо-сшитомъ костюмѣ онъ больше похожъ на лидера буржуазной партіи, чѣмъ на боевого генерала. Изъ угла въ уголъ быстро бѣгаетъ нервный, худой Марковъ. Появляется начальникъ штаба — молодой, надменный ген. Романовскій, хитрый Лукомскій съ лицомъ городничаго, старикъ Эльснеръ; изъ штатскихъ — чл. I Думы Аладьинъ, въ формѣ англійскаго офицера, сотрудникъ «Русскаго слова» — маленькій, горбатый Лембичъ, живой, худенькій брюнетъ, матросъ Баткинъ, Борисъ и Алексѣй Суворины . . .

Но и съ перенесеніемъ штаба въ Ростовъ, общая тревога за прочность положенія не уменьшается. Каждый день несетъ тяжелыя вѣсти. Казаки сражаться не хотятъ, сочувствуютъ большевизму и непріязненно относятся къ добровольцамъ. Часть изъ еще не расформированныхъ войскъ перешла къ большевикамъ, другіе разошлись по станицамъ. Притока людей изъ Россіи въ армію — нѣтъ. Командующій объявилъ мобилизацію офицеровъ Ростова, но въ армію поступаютъ немногіе — большинство же умѣло уклоняется.

На вокзалѣ.

Въ это время въ сто человѣкъ сформировался отрядъ полк. С. и черезъ нѣсколько дней мы несемъ первую службу — занимаемъ караулъ на станціи Ростовъ.

Настроеніе въ городѣ тревожное. Вокзалъ набитъ народомъ. То тамъ, то сямъ собираются кучки, говорятъ и озлобленно смотрятъ на караульныхъ.

Офицеры караула арестовали подозрительныхъ: громаднаго роста человѣка съ сумрачнымъ лицомъ «партійнаго работника», пьянаго маленькаго лакея изъ ресторана, человѣка съ аксельбантами и полковничьими погонами, офицера-армянина и др.

Пьяный лакей, собравъ на вокзалѣ народъ, кричалъ: «афицара, юнкаря — это самые буржуи, съ кѣмъ они воюютъ? съ нашимъ же братомъ — бѣднымъ человѣкомъ! Но придетъ время съ ними тоже расправятся, ихъ тоже вѣшать будутъ!»

Ночь онъ проспалъ въ караульномъ помѣщеніи. «Отпустите его, только сдѣлайте внушеніе, какое слѣдуетъ» говоритъ утромъ полк. С. — поручику З.

Мимо меня идетъ З. и лакей. З. дѣлаетъ мнѣ знакъ: войти въ комнату. Вхожу. Они за мной. З. запираетъ дверь, вплотную подошелъ къ лакею и неестественнымъ, хриплымъ голосомъ спрашиваетъ: «Ну, что же, офицеровъ вѣшать надо? да?» — «Что вы, ваше благородье», подобострастно засюсюкалъ лакей, «извѣстно дѣло — спьяна сболтнулъ» — «Сболт-

нулъ! .. твою мать!» кричитъ З., размахивается и сильно кулакомъ ударяетъ лакея въ лицо разъ, еще и еще... Лакей шатнулся, закрылъ лицо руками, протяжно завылъ. З. распахнулъ дверь и вышвырнулъ его вонъ.

«Что вы дѣлаете? И за что вы его?» рванулся я къ З.

— «А, за что? — За то, что у меня до сихъ поръ рубцы на спинѣ не зажили... Вотъ за что» прохрипѣлъ З. и вышелъ изъ комнаты.

Я узналъ, что на фронтѣ солдаты избили З. до полусмерти шашками.

Человѣка съ полковничьими погонами и странно привѣшенными аксельбантами допрашиваетъ полк. С. — «Кто вы такой?» — «Я — полк. Заклинскій», нетвердо отвѣчаетъ опрашиваемый и стоитъ по-солдатски вытянувшись. — «Гдѣ вы служили?» — «Въ штабѣ сѣвернаго фронта». — «Вы генеральнаго штаба?» — «Да». — «А почему у васъ погонъ золотой и съ синимъ просвѣтомъ?» Заклинскій мнется, смущается. — «Я кончилъ пулеметную школу» выпаливаетъ онъ — «Такъ» тянетъ полковникъ — «А почему вы носите аксельбанты такъ, какъ ихъ никогда никто не носилъ?» Заклинскій молчитъ. — «Ракло ты! а не полковникъ! обыскать его!» звонко кричитъ полк. С.

Заклинскій вздрагиваетъ, блѣднѣетъ и самъ начинаетъ вытаскивать изъ кармановъ бумаги. Его обыскиваютъ: бумаги на полковника, поручика и унтеръ-офицера. — «Къ коменданту», отрѣзаетъ полк. С.

На вокзалѣ офицеръ-армянинъ просилъ часового продать ему патроны. Часовому показа-

лось это подозрительнымъ, онъ арестовалъ его. При допросѣ офицеръ теряется, путается, говоритъ, что онъ «просто хотѣлъ имѣть патроны».

Полк. С. приказываетъ его отпустить. Офицеръ спускается съ лѣстницы. Кругомъ стоятъ офицеры караула. Вдругъ пор. З. сильно ударяетъ его въ спину. Офицеръ спотыкается, упалъ, съ него слетѣли шпоры и покатились, звеня по лѣстницѣ . . .

Многіе возмутились, напали. — «Что это за безобразіе! Одного вы бьете, другого съ лѣстницы спускаете!» «Что у насъ застѣнокъ что ли!» «Да онъ и не виноватъ ни въ чемъ». «Это чортъ знаетъ что такое!» З. молчитъ.

Смѣняться. Всѣ налицо кромѣ подпор. Крупенина. Вчера вечеромъ, послѣ караула онъ пошелъ на Темерникъ[1]), сейчасъ уже вечеръ, а его нѣтъ.

Смѣнились, выстроились. Колонной по отдѣленіямъ, четко отбивая шагъ по звонкой мостовой, идемъ по залитому огнями вечернему городу. Тенора бравурно, отрывисто запѣваютъ:

«Тамъ гдѣ волны Аракса шумятъ
Тамъ посты дружно врядъ
По дорожкѣ стоятъ»

И гулко подхватываютъ всѣ:

«Сторонись ты дорожки той,
Пѣшій, конный не пройдетъ живой!»

На тротуарахъ останавливаются прохожіе, извозчики сворачиваютъ съ дороги . . .

---

[1]) Расположенный около вокзала, рабочій поселокъ, большевистки-буйно настроенный.

Утромъ, недалеко отъ вокзала, на путяхъ нашли трупъ подп. Крупенина; онъ лежалъ ничкомъ, съ раздробленнымъ черепомъ...

На Новочеркасскомъ фронтѣ.

Красная армія наступаетъ съ сѣвера на Новочеркасскъ и на Ростовъ съ юга и запада. Красныя войска сжимаютъ кольцомъ эти города, а въ кольцѣ мечется Добровольческая армія, отчаянно сопротивляясь и неся страшныя потери. Въ сравненіи съ надвигающимися полчищами большевиковъ добровольцы ничтожны. Они едва насчитываютъ 2000 штыковъ, а казачьи партизанскіе отряды есаула Чернецова, войск. старш. Семилѣтова и сотника Грекова — едва ли 400 человѣкъ. Силъ не хватаетъ. Командованіе Добр. арміи перекидываетъ измученныя, небольшія части съ одного фронта на другой, пытаясь задержаться то здѣсь, то тамъ.

Нашъ отрядъ посланъ на ст. Горную.

Вечеромъ на вокзалѣ погрузили обозъ и тихо, безъ огней отъѣзжаемъ. Въ вагонахъ полутемно и холодно. Почти никто не говоритъ. Иногда звякнутъ штыки сцѣпившихся винтовокъ...

Офицеръ въ углу обтираетъ затворъ полой шинели и пробуетъ, щелкаетъ имъ. Другой смотритъ въ темное окно съ убѣгающими фонарями. Изъ сосѣдняго вагона, сквозь шумъ поѣзда, слабо доносится военная пѣсня, какъ будто её поютъ далеко, далеко...

Тихо... Поѣздъ мѣрно постукиваетъ... Ночь... Сѣрыя фигуры склонились, держа межъ колѣнъ винтовки... Дремлютъ. — Засыпаютъ. — Въ окна ползетъ сѣрый разсвѣтъ. Поѣздъ съ медленнымъ визгомъ остановился. Станція. По путямъ ходятъ усталыя фигуры съ винтовками.

— «Кто пріѣхалъ?» — «Отрядъ полк. С.» — «Наконецъ то, а то хоть пропадай, насъ всего пятьдесятъ человѣкъ, вторую недѣлю не спимъ», недовольно и со злобой отвѣчаетъ партизанъ... Полк. С. идетъ къ начальнику участка — ген. Абрамову. Генералъ самъ недавно пріѣхалъ, у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній.

Извѣстно: противникъ многочисленъ.

Приказано: держаться во что бы то ни стало.

Нужна развѣдка. Два паровоза, одинъ съ вагономъ I класса, другой съ площадкой съ пулеметами, рядомъ идутъ на ст. Сулинъ [1]) Въ первомъ — ген. Абрамовъ, полк. С. и нѣсколько офицеровъ, во второмъ — пулеметчики. Поѣзда остановились у моста подъ Сулиномъ. Ген. Абрамовъ, полк. С. и офицеры идутъ на станцію.

Увидя подъѣхавшіе поѣзда, сюда сходится народъ. Мы стоимъ съ винтовками у комнаты, гдѣ говоритъ съ начальникомъ станціи генералъ. Насъ окружили рабочіе, смотрятъ злобно и не желаютъ этого скрыть, разговариваютъ межъ собой, къ намъ не обращаясь.

Генералъ вышелъ. Идемъ по платформѣ. За

---

[1]) Заводскій, рабочій поселокъ.

нами — всѣ, слышны какія то замѣчанія, смѣшки. Мы остановились у лавочки, покупаемъ. И всѣ стали кругомъ. Я, торопясь, плачу деньги: «Эй, господинъ, получите-ка» — «Забыли, навѣрное, — нынче господъ нѣтъ» серьезно и рѣзко отрѣзаетъ кто то изъ толпы.

Ген. Абрамовъ выдвинулъ къ Сулину паровозъ съ пулеметной площадкой, но не прошло получаса, какъ съ противоположной стороны къ станціи подъѣхали два эшелона большевиковъ, съ бронированнымъ поѣздомъ впереди. Нашъ поѣздъ отступалъ, обстрѣлянный артиллеріей и пулеметами, а по отступающему поѣзду жители Сулина стрѣляли изъ винтовокъ.

Большевики заняли Сулинъ.

Мы стоимъ на Горной въ поѣздахъ, охраняясь полевыми караулами. На случай наступленія большевиковъ — выбрана позиція. Въ вагонахъ день проходитъ въ питьѣ чая, разговорахъ о бояхъ и пѣньи пѣсенъ . . . Изъ караула пришелъ подпор. К—ой и кап. Р. Подсѣли къ нашему чайнику. — «Сейчасъ одного «товарища» ликвидировалъ» говоритъ К—ой. — «Какъ такъ?» спрашиваетъ, нехотя, кто то. — «Очень просто» быстро началъ онъ, отпивая чай — «стою вотъ въ лѣску, вижу, — «товарищъ» идетъ, крадется, оглядывается. Я за дерево — онъ прямо на меня, шаговъ на десять подошелъ. Я выхожу — винтовку на изготовку конечно», захохоталъ К—ой — «стой!» говорю. Остановился. Куда идешь? — Да вотъ домой, въ Сулинъ, — а самъ поблѣднѣлъ. Къ большевикамъ идешь, сволочь! шпіонъ ты... твою мать! — Къ какимъ большевикамъ, что вы, домой иду,

— а морда самая комиссарская — Знаю, говорю... вашу мать! Идемъ, идемъ со мной — Куда? — Идемъ, хуже будетъ, говорю. — Простите, говоритъ за что же? Я человѣкъ посторонній, пожалѣйте. — А насъ вы жалѣли, говорю... вашу мать?! Иди!.. Ну и «погуляли» немного. Я сюда — чай пить пришелъ, а его къ Духонину направилъ...» — «Застрѣлилъ?» спрашиваетъ кто-то. — «На такую сволочь патроны тратить! вотъ она матушка, да вотъ онъ батюшка». К—ой приподнялъ винтовку, похлопалъ её по прикладу, по штыку и захохоталъ [1]).

Сулинъ.

Полк. С. задумалъ взять Сулинъ обратно. Но такъ какъ силы были неравны, то планъ, разсчитанный всецѣло на недисциплированность и паничность противника, строился немного фантастично.

Ночью храбрѣйшій офицеръ, георгіевскій кавалеръ, шт. кап. князь Чичуа долженъ съ десятью офицерами пробраться въ тылъ большевистскихъ поѣздовъ, взорвать пути, обстрѣлять, короче — «произвести панику въ тылу противника», а отрядъ по этому сигналу ударитъ въ лобъ и съ фланговъ на станцію.

---

1) К-ой въ мирное время былъ артистомъ плохого шантана; глядя на него, я часто думалъ: что привело его въ «бѣлую» армію? погоны? случайное офицерство? и мнѣ казалось, что ему совершенно все равно гдѣ служить: у «бѣлыхъ» ли, «красныхъ» ли, — грабить и убивать вездѣ было можно.

Была холодная ночь. Дулъ сильный, колючій вѣтеръ . . . Часть отряда пошла прямо по желѣзной дорогѣ, а другая съ полк. С. поѣхала на поѣздѣ, влѣво, по частной вѣткѣ.

Подъѣхали къ будкѣ, слѣзли. Вдали сквозь мятель заревомъ свѣтитъ Сулинъ. Князь Чичуа съ десятью офицерами быстро ушелъ впередъ. Артиллеристы устанавливаютъ два орудія на бумъ, по направленію вокзала. Вся пѣхота пошла, скрылась въ черно-бѣлой степи . . .

Ночь черна, ни звѣзды. Вѣтеръ поднялъ въ степи мятель, носитъ бѣлѣсыми столбами снѣгъ, не пускаетъ впередъ и протяжно воетъ на штыкахъ. Дорогу замело. Впереди проводникъ сбивается, разыскиваетъ и ведетъ. Дошли до большого бѣлаго оврага, перелѣзли и остановились. По вѣтру доносится лай собакъ — это въ Сулинѣ. Теперь недалеко. Здѣсь будемъ ждать сигнала . . .

Мятель не перестаетъ. Вѣтеръ еще злѣе. Мерзнутъ руки, лицо, ноги. Каждый напряженно прислушивается: не будетъ ли сигнала — взрыва. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а сигнала нѣтъ. Хоть бы скорѣе, думаетъ каждый, пошли бы впередъ, быстро, согрѣлись бы. Вѣтеръ съ воемъ налетаетъ, засыпаетъ снѣгомъ. Люди жмутся одинъ къ другому, ложатся на снѣгъ. Свертывается одинъ, второй, третій . . .

На бѣломъ снѣгу — темно-сѣрое пятно это всѣ, плотно прижавшись другъ къ другу, лежатъ въ кучѣ и каждый старается залѣзть поглубже, согрѣться, спрятаться отъ вѣтра. Одинъ полковникъ ходитъ около сѣраго пятна,

постукиваетъ ногами и руками и, волнуясь, ждетъ сигнала . . .

Выстрѣлъ! . . одинъ, другой . . .

Темная куча зашевелилась, люди вскакиваютъ и сразу какъ будто не холодно . . . Вотъ опять: та-та-та, пачками. И тихо . . .

«— Видно замѣтили нашихъ» шопотомъ говоритъ кто то.

«Перебили можетъ» еще тише говоритъ другой.

Та! — отдѣльный выстрѣлъ, и всё замерло.

Опять одинъ за другимъ ложатся, прячась отъ холода, и опять полковникъ ходитъ около темнаго пятна, но теперь онъ больше волнуется. «Знаете», тихо говоритъ онъ мнѣ, «боюсь не попались ли. Подстрѣлятъ кого-нибудь — не уйдетъ вѣдь по такому снѣгу».

Скоро разсвѣтъ. Надо идти, а князя нѣтъ. Люди подымаются. Идемъ въ вагоны, торопимся: разсвѣтетъ — замѣтятъ.

Въ степи показались какія-то фигуры. «Смотрите, люди, вонъ люди», зашептали одинъ, другой, «вонъ, вонъ, съ винтовками». Каждый хватается за винтовку, снимаетъ съ плеча, по тѣлу пробѣгаетъ холодная дрожь.

«Можетъ наши — князь», говоритъ кто-то.

Нѣсколько человѣкъ идутъ впередъ: «Кто идетъ?!» — «Свои, свои, князь», отвѣчаютъ фигуры. Всѣ довольны, винтовки на ремень, спѣшатъ къ нашимъ. «Ну, какъ? Это по васъ стрѣляли?»

Князь докладываетъ полковнику: — «невозможно, г-нъ полковникъ: только стали къ Сулину подходить, по насъ караулы сразу огонь

открыли; залегли, переползли, хотѣли другой дорогой — тоже самое». — «Вотъ какъ, — охраняются хорошо, сволочи, а я думалъ, что они дрыхнутъ всю ночь. Ну, идемте, идемте, слава Богу, что никого не ранили» . . .

Вкатываемъ орудія на платформу, ѣдемъ «домой», на Горную.

Только что пріѣхали — ген. Абрамовъ показываетъ приказъ: немедленно отъѣзжать, противникъ пытается отрѣзать насъ у Персіановки. Поѣздъ, не останавливаясь, мчитъ къ Новочеркасску. Успѣемъ ли проскочить? Проѣхали Персіановку. Новочеркасскъ. Въ вагонъ вбѣгаетъ офицеръ: «господа, Калединъ застрѣлился!» — Быть не можетъ?! Конецъ казакамъ, теперь на Дону — все кончено. Куда же мы пойдемъ??

Вечеромъ пріѣхали къ Ростову. Съ вокзала отрядъ идетъ въ казармы съ пѣсней, но пѣсня не клеится, обрывается, замолкаетъ . . .

Я съ полк. С. поѣхалъ въ штабъ арміи. Тамъ суета. Полковника вызвалъ Корниловъ. — «Сейчасъ же поѣдете на Таганрогскій фронтъ. Знаю, что вы устали, измучены, съ фронта, — но больше некого послать, а тамъ неладно».

Хопры.

Утромъ. Мы на вокзалѣ. На Таганрогскій фронтъ.

Ждемъ состава. На платформѣ публика.

Добровольцы поютъ, и гулко разносится припѣвъ:

«Такъ за Корнилова! За родину! За вѣру!
Мы грянемъ громкое ура!»

Кончили пѣсню.

«Князь! Князь! Наурскую! Наурскую! Просимъ!!»

Всѣ разступаются кругомъ, поютъ, хлопая въ ладоши, а красивый мингрелецъ, князь Чичуа, несется по кругу въ національномъ танцѣ...

«Браво! Браво!» — аплодисменты.

Подали составъ. Шумно садятся въ вагоны. Нѣкоторыхъ провожаютъ близкіе... Около нашего вагона подп. К-ой. Его провожаетъ молодая женщина съ добрымъ, хорошимъ лицомъ. Она плачетъ, обнимаетъ и креститъ его.

Сѣли. Ѣдемъ... ст. Хопры. Здѣсь фронтъ. На путяхъ нѣсколько поѣздныхъ составовъ: классные вагоны — штабовъ, товарные — строевыхъ, площадки съ орудіями.

Командуетъ участкомъ гв. полковникъ Кутеповъ. Людей, какъ всегда, очень мало. На позиціи — Георгіевскій полкъ. Въ немъ восемьдесятъ солдатъ и офицеровъ. Зато штабъ полный: командиръ, помощникъ, адъютантъ, зав. хозяйствомъ, командиръ батальона, начальникъ связи и др. Мы стали резервомъ.

Морозъ смѣнился оттепелью. Капаетъ сверху, подъ ногами грязно. Въ товарныхъ вагонахъ — холодно.

Раньше стоявшіе здѣсь разсказываютъ: «Вчера бой былъ, сильный, понесли большія потери, но отбили и даже плѣнныхъ взяли»...

«Тамъ на станціи сестра большевистская,

плѣнная и два латыша», говоритъ, влѣзая въ вагонъ прап. Крыловъ.

«Гдѣ? Гдѣ? пойдемъ, посмотримъ!» — заговорили . . .

«Ну ихъ къ чорту, я ушелъ . . . Ну и сестра», началъ онъ: «держитъ себя какъ!» — «А что?» — «Говоритъ: я убѣжденная большевичка . . . Этихъ латышей наши тамъ бить стали, такъ она ихъ защищаетъ, успокаиваетъ. Нашего раненаго отказалась перевязать» . . .

— «Вотъ сволочь!» протянулъ кто-то.

«Пойдемте, посмотримъ». — «Да нѣтъ, ихъ въ вагонъ приказано перевести».

Часть вылѣзла изъ вагона и пошла къ станціи . . .

Немного спустя ко мнѣ быстро подошелъ шт.-кап. кн. Чичуа: «пойдемте, безобразіе тамъ! караулъ отъ вагона отпихиваютъ, хотятъ сестру плѣнную заколоть» . . .

Мы подошли къ вагону съ арестованными. Три офицера, во главѣ подп. К., и нѣсколько солдатъ Корниловскаго полка съ винтовками лѣзли къ вагону, отпихивали караулъ и ругались: — «Чего на нее смотрѣть . . . ея мать! . . Пустите! Какого чорта еще!»

Караулъ сопротивлялся. Кругомъ стояло довольно много молчаливыхъ зрителей. Мы вмѣшались.

— «Это безобразіе! Красноармейцы вы или офицеры?!»

Поднялся шумъ, крикъ . . .

Блѣдный офицеръ, съ винтовкой въ рукахъ, съ горящими глазами, кричалъ князю: — «Они съ нами безъ пощады расправляются! А мы

будемъ разводы разводить!» — «Да вѣдь это плѣнная и женщина!» — «Что же, что женщина?! А вы видали, какая это женщина? какъ она себя держитъ, сволочь!» — «И за это вы ее хотите заколоть? Да?»

Крикъ, шумъ увеличивался . . .

Изъ вагона выскочилъ возмущенный полковникъ С., кричалъ и приказалъ разойтись.

Всѣ расходились.

Подп. К-ой шелъ, тихо ругаясь матерно и бормоча: «все равно, не я буду, заколю» . . . Я припомнилъ, какъ его, плача, провожала и крестила женщина съ добрымъ, хорошимъ лицомъ.

Солдаты расходились кучками. Въ одной изъ нихъ шла женщина-доброволецъ . . . Они очевидно были въ хорошемъ настроеніи, толкали другъ друга и смѣялись.

«Ну, а по-твоему, Дуська, что съ ней сдѣлать?» спрашивалъ курносый солдатъ женщину-добровольца.

— «Что? — завести ее въ вагонъ да и . . . всѣмъ, въ затылокъ, до смерти, — лихо отвѣчала «Дуська» [1]). Солдаты захохотали.

Первый разстрѣлъ.

Въ то время, благодаря агитаціи, съ одной стороны, и внезапному страху приближенія

---

[1]) Позднѣе, по приказу командующаго, эту доброволицу, «Дуську», женщину типа городской проститутки, въ одной изъ кубанскихъ станицъ подвергли тѣлесному наказанію за присвоеніе офицерской формы.

большевиковъ, съ другой, поднялись казаки ближайшихъ къ Ростову станицъ. Поднялись, главнымъ образомъ, старики. Кто въ чемъ, бородатые, на разномастныхъ коняхъ, съ разнообразнымъ оружіемъ, казаки напоминали войска Ермака, Разина, Булавина.

Какъ-то разъ на станцію возвращается разъѣздъ такихъ казаковъ. Они ѣдутъ, галдятъ . . .

Впереди на великолѣпномъ рыжемъ англичанинѣ, въ кавалерійскомъ сѣдлѣ, съ мундштуками — старый казакъ.

— «Откуда конь-то такой, станичникъ?» — «Большевистскій, захватили» — отвѣчаетъ казакъ, легко спрыгнуль съ коня и подвелъ привязать къ изгороди . . .

Казаки спѣшились. Обступили коня. Наперебой, громко крича, разсказываютъ, какъ они захватили разъѣздъ, и восторгаются добычей . . .

Нервный конь перебираетъ мускулистыми, крѣпкими ногами и бочится. Другой казакъ подвелъ захваченную кобылу. Кобыла — хуже. Всѣмъ нравится рыжій англичанинъ. Казаки спорятъ о немъ и нападаютъ на старика.

«На что онъ тебѣ?!» — «Отдай молодому!» — «Все равно, продашь», кричатъ казаки. Старикъ отнѣкивается: — «да я же его взялъ!» — «Ты взялъ, а я гдѣ былъ?!» кричитъ, вскидывая головой и размахивая руками, молодой казакъ-претендентъ.

Во время спора я замѣтилъ среди нихъ высокаго, черноусаго, съ блѣднымъ лицомъ солдата, въ сѣрой, хорошей шинели. Онъ стоялъ немного поодаль, не вмѣшиваясь въ разговоръ.

«Это вашъ, казакъ?» спросилъ я старика.

«Нѣтъ, ихъ — захватили», нехотя отмахнулся онъ, ему было не до разговоровъ — казаки отбивали коня въ пользу молодого.

Плѣннаго никто не замѣчалъ, всѣ были увлечены споромъ о конѣ, о немъ забыли.

Солдатъ не выдержалъ, дернулъ крайняго казака за рукавъ и тихо спросилъ: — «ну, куда же мнѣ-то?» Тотъ недовольно обернулся: «постой... ребята, кто-нибудь отведите-ка плѣннаго къ начальнику, Ведерниковъ, отведи ты», приказалъ казакъ и опять всѣ загалдѣли вокругъ коня.

Ведерниковъ нехотя вышелъ изъ толпы. Солдатъ, на ходу поправляя поясъ, двинулся за нимъ.

Я стоялъ — смотрѣлъ на галдежь казаковъ, но вдругъ сзади услыхалъ разговоръ проходившихъ солдатъ: «видалъ? поймали одного, сейчасъ разстрѣливать», и пошелъ вмѣстѣ съ ними къ путямъ. Навстрѣчу мнѣ солдаты Корниловскаго полка съ винтовками въ рукахъ вели этого самаго черноусаго солдата. Лицо у него было еще блѣднѣе, глаза опущены.

Со всѣхъ сторонъ изъ вагоновъ выпрыгивали и бѣжали люди: смотрѣть.

Черноусаго солдата вели къ полю. Перешли послѣдній путь... Я влѣзъ въ вагонъ. Выстрѣлъ, — одинъ, другой, третій...

Когда я вышелъ, толпа расходилась, а на мѣстѣ осталось что-то бѣло-красное. Отъ толпы отдѣлился, подошелъ ко мнѣ молоденькій прапорщикъ. —

— «Разстрѣляли. Охъ, непріятная штука...

Все твердитъ: «за что же, братцы, за что же?» — а ему: ну, ну, раздѣвайся, снимай сапоги... Сѣлъ онъ сапоги снимать. Снялъ одинъ сапогъ: «братцы, — говоритъ — у меня мать-старуха, пожалѣйте!» А тотъ курносый солдатъ-то нашъ: «Эхъ, да у него и сапоги-то дырявые...» и разъ его, прямо въ шею, кровь такъ и брызнула».

Пошелъ снѣгъ. Сталъ засыпать пути, вагоны и разстрѣлянное тѣло...

Мы сидѣли въ вагонѣ. Пили чай.

. . . .

У ген. Корнилова.

На другой день отъ офицеровъ отряда я и шт.-кап. князь Чичуа выѣхали въ Ростовъ къ ген. Корнилову просить его не разлучать насъ съ нашимъ начальникомъ полк. С.[1]).

Было около 9-ти часовъ утра, когда мы пришли въ переднюю штаба и вызвали адъютанта Корнилова, подпор. Долинскаго. Онъ провелъ насъ въ пріемную, сосѣднюю съ кабинетомъ генерала.

Въ пріемной, какъ статуя, стоялъ текинецъ. Мы были не первые. Прошло нѣсколько минутъ, дверь кабинета отворилась: вышелъ какой-то военный, за нимъ Корниловъ, любезно провожая его.

Л. Г. былъ одѣтъ въ штатскій потертый костюмъ, черный въ полоску, брюки заправлены

---

[1]) Отрядъ могъ быть влитъ въ другую часть.

въ простые солдатскіе сапоги, костюмъ сидѣлъ мѣшковато.

Онъ поздоровался со всѣми. «Вы ко мнѣ, господа?» спросилъ насъ. «Такъ точно, Ваше Высокопревосходительство». — «Хорошо, подождите немного», и ушелъ.

Дверь кабинета снова отворилась: «Корниловъ прощался съ штатскимъ господиномъ. — «Пожалуйста, господа». — Мы вошли въ кабинетъ — маленькую комнату съ письменнымъ столомъ и двумя креслами около него. — «Ну, въ чемъ ваше дѣло? Разсказывайте», сказалъ генералъ и посмотрѣлъ на насъ. Лицо у него — блѣдное, усталое. Волосы короткіе, съ сильной просѣдью. Оживлялось лицо маленькими, черными, какъ угли, глазами.

«Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, быть съ Вами абсолютно искреннимъ». — «Только такъ, только такъ и признаю», быстро перебиваетъ Корниловъ.

Мы излагаемъ нашу просьбу. Корниловъ, слушая, чертитъ карандашомъ по бумагѣ, изрѣдка взглядывая на насъ черными проницательными глазами. Рука у него маленькая, блѣдная, сморщенная, на мизинцѣ — массивное, дорогое кольцо съ вензелемъ.

Мы кончили. «Полковника С. я знаю, знаю съ очень хорошей стороны. То, что у васъ такія отношенія съ нимъ — меня радуетъ, потому что только при искреннихъ отношеніяхъ и можно работать по настоящему. Такъ должно быть всегда у начальниковъ и подчиненныхъ. Просьбу вашу я исполню». Маленькая пауза. Мы поблагодарили и хотимъ про-

сить разрѣшенія встать, но Корниловъ насъ перебиваетъ: «нѣтъ, нѣтъ, сидите, я хочу поговорить съ вами... Ну, какъ у васъ тамъ, на фронтѣ?» И генералъ разспрашиваетъ о послѣднихъ бояхъ, о довольствіи, о настроеніи, о помѣщеніи, о каждой мелочи. Чувствуется, что онъ этимъ живетъ, что это для него «всё».

Въ моемъ разсказѣ промелькнуло: «я видѣлъ убитыхъ на платформахъ». Корниловъ встрепенулся, вспыхнулъ, блеснувшіе глаза остановились на мнѣ: «какъ на платформахъ! въ такую погоду! Почему?! развѣ нѣтъ вагоновъ?!» Отвѣтить на вопросы я не могу. Корниловъ взволновался, быстро пишетъ что-то на клочкѣ бумаги[1]). Разговоръ продолжался. Въ концѣ его Корниловъ спросилъ, гдѣ мы служили на фронтѣ и, когда узналъ, что въ его арміи, задержалъ насъ, разспрашивая, а были тамъ-то? а были въ такомъ-то дѣлѣ?

Генералъ прощался. «Кланяйтесь полк. С.», говорилъ онъ намъ вслѣдъ. Выходя изъ кабинета, мы столкнулись съ молодымъ военнымъ съ совершенно бѣлой головой. «Кто это?» спрашиваю я адъютанта. Онъ улыбается: «развѣ не знаете? Это — Бѣлый дьяволъ, сотникъ Грековъ. Генералъ узналъ, что онъ усердствуетъ въ арестахъ и разстрѣлахъ, и вызвалъ, кажется, на разносъ».

Пройдя блестящій залъ штаба, мы вышли. Корниловъ произвелъ на насъ большое впеча-

---

[1]) Позднѣе я узналъ, что генералъ требовалъ по этому поводу объясненій отъ начальника участка.

тлѣніе. Что пріятно поражало всякаго при встрѣчѣ съ Корниловымъ — это его необыкновенная простота. Въ Корниловѣ не было ни тѣни, ни намека на бурбонство, такъ часто встрѣчаемое въ арміи. Въ Корниловѣ не чувствовалось «Его Превосходительства», «генерала отъ инфантеріи». Простота, искренность, довѣрчивость сливались въ немъ съ желѣзной волей и это производило чарующее впечатлѣніе.

Въ Корниловѣ было «героическое». Это чувствовали всѣ и потому шли за нимъ слѣпо, съ восторгомъ, въ огонь и въ воду.

Казакъ Корниловъ казался «національнымъ героемъ». Кругомъ же были «просто генералы». И когда я узналъ отъ близкихъ къ Корнилову лицъ про интриги вокругъ него, я понялъ, что это происходитъ именно поэтому.

Чалтырь.

Мы съ княземъ возвращались на фронтъ. За нѣсколько дней положеніе на Таганрогскомъ фронтѣ измѣнилось. Поднялись казаки ближайшихъ станицъ (вѣрнѣе, ихъ искуственно подняли, такъ какъ настроеніе казаковъ было неувѣренное) и хорунжій Назаровъ, начальникъ партизанскаго отряда, рѣшилъ ударить съ ними на село Салы, гдѣ по свѣдѣніямъ находились большевики. Развѣдки достаточной не было. Хорунжій бросился «на ура» и налетѣлъ на значительныя силы большевиковъ съ артиллеріей.

Казаковъ разбили. Они въ безпорядкѣ бѣжали, оставивъ подъ Салами раненыхъ и убитыхъ. «Подъемъ» — упалъ, казаки замитинговали: «насъ продали», «насъ предали», «опять ахвицара!»

Подъѣзжая къ Хопрамъ мы застали такой митингъ. Казаковъ пробуетъ уговорить новый нач. участка ген. Череповъ, но безполезно: казаки рѣшили расходиться по домамъ. Пробуетъ уговорить ихъ и священникъ ст. Гниловской съ распятьемъ на груди[1]). Онъ поднималъ казаковъ, ходилъ съ ними въ бой, но теперь его не слушаютъ. «Чего намъ говорить!» «Сами знаемъ, что дѣлать!» «Идемъ по домамъ!» «Нѣтъ, гдѣ этотъ начальникъ нашъ, туды его мать? Гдѣ онъ мать его... Убѣжалъ сволочь!»[2])

Казаки разошлись. Ихъ выступленіе только обострило положеніе. Къ нашему отряду придана часть кавалерійскаго дивизіона полк. Гершельмана и мы двинулись къ селу Чалтырь, на окраинѣ котораго и расположились.

Село Чалтырь — очень богатое. Жители его — армяне. Мы ждали радушнаго пріема: но жители сторонятся насъ, стараются ничего не продавать, а что продаютъ, то по крайне дорогой цѣнѣ. Въ разговорахъ съ ними пытаешься разсѣять непріязненное отношеніе, но наталкиваешься на полное недовѣріе и злую подозрительность.

---

[1]) Священника ст. Гниловской, взявъ станицу, повѣсили большевики.

[2]) Это относилось къ Назарову, который дѣйствительно былъ уже въ Ростовѣ.

Стоимъ день. На другой, позднимъ вечеромъ, полученъ приказъ: отойти на Хопры.

Вышли въ степь. Морозъ, вѣтеръ, темь, мятель. Засыпаетъ снѣгомъ, трудно вытаскиваются ноги, колонна растянулась по одному... Идемъ, вязнемъ въ снѣгу; остановились — дороги нѣтъ. Вѣтеръ налетаетъ, гудитъ по винтовкамъ. — «Проводъ телефонный ищите! по нему пойдемъ!» кричитъ кто-то. Люди толпятся какъ стадо, мерзнутъ, ругаются, лѣзутъ по снѣгу искать дорогу. Слышны голоса: «руку отморозилъ», «давай сюда винтовку!», «оттирай, оттирай скорѣй!» Начинается легкая паника. Трутъ другъ другу руки, лицо. Болѣе слабые стонутъ.

Наконецъ нашли дорогу, опять поплелись по глубокому снѣгу. То и дѣло слышно: «пожалуйста, потри, потри, совсѣмъ замерзла, не слышу, ей-Богу . . .»

Кто-то ѣдетъ навстрѣчу, поровнялся съ головой колонны и всѣ остановились. По вѣтру доносится раздраженный голосъ полк. С.: «такъ чего же раньше не телефонировали! Я людей обморозилъ!» — «Генег'алъ отмѣнилъ пг'иказаніе», отвѣчаетъ лейбъ-уланъ полк. Гершельманъ, «вамъ надо возвг'атиться въ Чалтыг'ь».

Среди отряда ропотъ, ругань . . . «сволочи, это всегда у насъ такъ!», «сидѣть въ вагонѣ — не въ степи мерзнуть», «безобразіе, не могли раньше позвонить!»

«Я впег'едъ поѣду, полковникъ» говоритъ Гершельманъ, садится въ сани и скрывается въ холодной темнотѣ.

Повернули назадъ. Теперь еще холоднѣе, вѣтеръ бьетъ въ лицо. Люди торопятся, сбиваются съ дороги, еще чаще: «потрите, господа, ради Богу», «охъ, не могу идти». Останавливаются кучки, нѣкоторыхъ оттираютъ, другихъ еле-еле ведутъ подъ руки.

— «Господа, капитанъ въ полѣ остался» кричитъ кто то.

— «Ну, что же дѣлать, изъ села пошлемъ подводу» отвѣчаютъ другіе, торопясь впередъ.

Огоньки — пришли въ Чалтырь. Повѣрка людей — трехъ не достаетъ. Въ поле ѣдетъ подвода и два офицера: искать.

Изъ ста двухъ человѣкъ 60 обморозились. Тяжело обмороженныхъ отправляютъ на Хопры и въ Ростовъ.

Полк. С. доноситъ, требуетъ теплыхъ вещей. «Выслано, выслано» отвѣчаютъ изъ штаба и мы ничего не получаемъ попрежнему. Весь отрядъ обвязанъ бинтами, платками, тряпками...

Бой.

А раннимъ утромъ слѣдующаго дня въ хату вбѣжалъ офицеръ: «господинъ полковникъ! большевики наступаютъ!» — «Какъ, гдѣ?» — «Разъѣзды уже въ село въѣзжаютъ, а тамъ показались цѣпи...»

Въ ружье! всѣмъ строиться! выходить!

День зимній, яркій. Торопясь выбѣгаютъ изъ хатъ люди, поблескивая на солнцѣ штыками. Эта окраина села возвышеннѣй: видно какъ къ противоположной подъѣзжаютъ конные-

игрушечные солдатики, а на ярко-бѣлой линіи горизонта появились черныя, густыя цѣпи.

«Вторая рота построиться! будемъ залпами стрѣлять по разъѣздамъ», кричитъ полк. С.

Рота вытянулась сѣрой лентой. Лица напряженны, слегка блѣдны. Никто ничего не говоритъ. Щелкнули затворы, взлетѣли винтовки, шеренга ощетинилась.

«Ротта» — замерли — «пли». Гремитъ залпъ. Черненькія, игрушечныя фигурки-кавалеристы остановились, метнулись . . .

«Ротта — пли!» — Залпъ! Фигурки повернулись, вскачь несутся къ цѣпямъ.

«Скачутъ, сволочи» бросаетъ полковникъ — «рота — пли».

Вж . . . вж . . . шуршитъ въ отвѣтъ шелковой юбкой первая шрапнель и за нами вспыхиваетъ бѣлое, звонкое облачко.

«Перелетъ» говоритъ кто то . . .

На взмыленной, задохнувшейся лошади подскакалъ ординарецъ: приказано отойти къ Хопрамъ. Начали отступленіе. По бѣлому, топкому снѣгу, блестящему, милльонами цвѣтовъ и блестокъ, растянулись черными пятнами двѣ цѣпи, а сзади, застилая горизонтъ, густыми, черными полосами движутся на насъ большевики.

«Смотрите, у нихъ кавалерія на флангѣ» говоритъ кто то.

Видно какъ справа отъ пѣхотныхъ цѣпей, мѣшаясь, неровно колышется кавалерія.

Глухой выстрѣлъ! приближаясь свиститъ снарядъ . . . по насъ, по насъ . . . нѣтъ . . . перелетъ . . . по первой цѣпи . . . съ визгомъ и зво-

номъ взрываетъ бѣлый снѣгъ граната, оставляя черное пятно. Люди упали. Всѣ ли встануть? — нѣтъ, встали, цѣпь движется.

Чаще, чаще свистятъ, рвутся снаряды. Большевики движутся быстро, насѣдаютъ, насѣдаютъ . . .

Скачетъ второй ординарецъ: приказано занять позицію южнѣе станціи Хопры — станцію оставили.

Перелѣзли поросшій кустарникомъ оврагъ, разсыпались по возвышенности и залегли.

Впереди открытая бѣлая степь, по ней ползутъ черныя полосы-цѣпи, влѣво и вправо отъ нихъ уступами колышется кавалерія . . .

Надъ нами звонко рвутся бѣлыя облачка шрапнелей. Около насъ съ визгомъ роютъ землю гранаты . . .

Но вотъ и за нами пріятно громыхнуло: наша бьетъ. Еще, еще и черезъ головы съ воемъ уходятъ снаряды. Всѣ жадно ловятъ: какъ разрывы?

«Недолетъ» «Хорошъ» «Прямо по цѣпямъ» слышится возгласъ . . .

Артиллерія бьетъ часто и мѣтко. Въ цѣпяхъ большевиковъ замѣшательство. Залегла первая — остальныя остановились. Видно какъ смыкаются, толпятся . . . «Смотрите, смотрите, товарищи митингуютъ!»

Вмѣсто цѣпей на снѣгу уже пятна, неровныя колеблющіяся.

Вотъ опять медленно расходятся, передняя цѣпь двинулась впередъ, наступаютъ . . .

Рвутся ихъ снаряды и клокочутъ уходящіе наши. Пулеметчикъ прижался къ пулемету.

Пулеметъ, ожесточенно захлопалъ, дрожитъ, выбрасываетъ струйку бѣлаго дымка и рвется впередъ, какъ скаковая лошадь. Піу . . . піу . . . свистятъ, мягко тыкаясь, пули. Защелкали винтовки Сѣрыя фигуры вжались въ бѣлый снѣгъ. Лица блѣдны, серьезно-ожесточенны. Глаза выбираютъ черныя точки на противоположной дали, руки наводятъ на нихъ винтовки, глаза зорко цѣлятся . . .

Мы — горсточка. Единственная наша защита — артиллерійскій огонь. Полк. С. зоветъ меня: «сейчасъ же на будкѣ возьмите лошадь, скачите къ начальнику участка, доложите что на насъ наступаетъ два полка пѣхоты, охватываютъ фланги батальона по два, кромѣ того съ фланговъ кавалерія . . . Спросите приказаній и не будетъ ли подкрѣпленій . . .»

Я сажусь верхомъ. Усталая лошадь не хочетъ идти. Бью ее, скачу . . .

На крышѣ вагона офицеръ и генералъ Череповъ. Генералъ въ бинокль смотритъ въ даль — на бой. Сидя верхомъ, приложивъ руку къ козырьку, докладываю приказаніе полк. С. и прошу распоряженій.

Вдали слышатся разрывы снарядовъ, ружейная пальба и пулеметы . . .

Генералъ Череповъ секунду молчитъ. — «Голубчикъ, доложите всё это генералу Деникину, онъ здѣсь въ поѣздѣ, въ другомъ, сзади...»

Ѣду, ищу. «Вагонъ командующаго?» — «Вонъ, второй вагонъ-салонъ» . .

Спрыгиваю съ лошади — вхожу въ вагонъ. «Вамъ кого?» спрашиваетъ офицеръ въ крас-

вой бекешѣ и выходныхъ сапогахъ. «Генерала Деникина, съ донесеніемъ» — «сейчасъ»... Выходитъ Деникинъ. Въ зеленой бекешѣ, папахѣ, черныя брови сжаты, лицо озабочено, подаетъ руку ... «здраствуйте, съ донесеніемъ?» — «Такъ точно, Ваше Превосходительство».

Повторяю донесеніе... «полк. С. приказалъ спросить, не будетъ ли подкрѣпленія и не будетъ ли новыхъ приказаній?»

Лицо Деникина еще суровѣе, «подкрѣпленій не будетъ», отрѣзаетъ онъ.

«Что прикажете передать полк. С.?»

«Что же передать? Принять бой!» съ раздраженіемъ и рѣзко говоритъ генералъ.

Сажусь на лошадь. Проносится злобная мысль: хорошо тебѣ въ вагонѣ съ адъютантами «принимать бой». Ты бы тамъ «принялъ». И тутъ же: ну, что же Деникинъ могъ еще сказать? Отступать вѣдь некуда, подкрѣпленій нѣтъ. Стало быть всѣ ляжемъ...

«Ну, что?» кричитъ издалека полк. С. — «Подкрѣпленій не будетъ. Принять бой приказалъ ген. Деникинъ» отвѣчаю я, спрыгивая съ лошади. — «Деникинъ? онъ здѣсь? Вы ему всё сказали?» — «Всё». — «И принять бой?» — «Да». — «Стало быть всѣмъ лечь. Хорошо» говоритъ полк. С. и въ голосѣ его та же злоба.

Несутъ раненыхъ. — «Куда раненъ?». — «Въ животъ», тихо отвѣчаютъ несущіе.

Цѣпи наступаютъ. Съ ревомъ, визгомъ рвутся гранаты, трещатъ винтовки, залились пулеметы. Все смѣшалось въ одинъ перекатывающійся гулъ...

Но вотъ первая большевистская цѣпь не вы-

держала нашей артиллеріи, дрогнула, смѣшалась со второй.

По дрогнувшимъ цѣпямъ чаще затрещали винтовки, ожесточеннѣй захлопали пулеметы, безпрерывно ухаетъ артиллерія...

Большевики смѣшались, отступаютъ, побѣжали...

Отбили. И сразу тяжесть свалилась съ плечъ. Стало легко. «Слава Богу».

Смолкаютъ винтовки, пулеметы, рѣдко бьетъ артиллерія.

Полк. С. стоитъ около цѣпей на холмикѣ. Къ нему идетъ ген. Деникинъ съ адъютантомъ. Полковникъ рапортуетъ. Деникинъ сумрачно смотритъ на цѣпи. — «А это что у васъ за люди, полковникъ?» — «Это цѣпочка для связи, Ваше Превосходительство». — «Людей нѣтъ въ цѣпи, а вы столькихъ отвлекаете для связи? какъ же это, полковникъ? вѣдь вы же «необыкновенный»[1]) ...

Кончился бой. Смерклось. Въ тишинѣ вечера молчаливо сходятся усталые люди...

Ночью, на краю оврага заняли маленькую дачу изъ двухъ комнатъ. Всѣ повалились на полъ, заснули мертвымъ сномъ.

Изъ караула приходитъ офицеръ, расталкиваетъ смѣну: «вставай — смѣна!»

— «Сейчасъ, ладно», бормочетъ тотъ спросонья, лѣниво встаетъ, беретъ холодную винтовку и потягиваясь выходитъ на морозъ изъ душной, биткомъ набитой комнаты.

---

[1]) Полк. С. былъ очень близокъ къ ген. Корнилову, за что его не любили генералы штаба.

Всю ночь полк. С. посылаетъ рапорта ген. Черепову съ просьбой позаботиться о теплыхъ вещахъ и довольствіи, котораго за день не получали . . .

Разсвѣтъ чуть блѣднѣетъ. Люди на ногахъ. Внутри непріятно тянетъ, сосетъ: «сейчасъ опять наступленіе, бой».

Вчера измятый снѣгъ розовѣетъ. Выкатывается край багрянаго солнца. Люди лежатъ въ цѣпи часъ, два. Но большевики не наступаютъ, даже молчитъ артиллерія. Отъ взводовъ остаются дежурные — остальные уходятъ грѣться.

Такъ стоимъ на этой позиціи нѣсколько дней. Мы не отдыхали съ выхода на Сулинъ, почти всѣ обморожены, теплыхъ вещей — нѣтъ, довольствія — почти нѣтъ, многіе заболѣли — уѣхали въ Ростовъ.

Полк. С. проситъ о нашей смѣнѣ. Долго отказываютъ. Наконецъ насъ смѣняетъ отрядъ «Бѣлаго дьявола» въ 30 человѣкъ и кап. Черновъ съ 50-тью офицерами.

Мы ѣдемъ въ Ростовъ.

Опять у Корнилова.

Рано утромъ, съ вокзала полк. С. посылаетъ меня съ докладомъ къ ген. Корнилову.

Съ обвязаннымъ, обмороженнымъ лицомъ, въ холодныхъ сапогахъ, въ холодной шинели я пришелъ въ штабъ арміи. У дверей блестящій караульный офицеръ-кавалеристъ грубо спрашиваетъ: «вы кто? вамъ кого?» — «Я къ

ген. Корнилову». — «Подождите». — «Позовите адъютанта генерала, подпор. Долинскаго».

Вышелъ Долинскій, провелъ меня въ свою комнату, сосѣднюю съ кабинетомъ генерала. «Подождите немного, тамъ Романовскій и Деникинъ, я доложу тогда . . . Ну, какъ у васъ дѣла?» любезно спрашиваетъ адъютантъ. Я разсказываю: «. . . не ѣли почти три дня . . . обмерзли всѣ . . . подъ Хопрами пришлось туго . . . Корниловцы на станціи раненыхъ своихъ бросили . . .» Онъ смотритъ мимо меня: «да, да . . . ужасно, но знаете у насъ тоже здѣсь каторга . . .», въ чемъ-то оправдывается адъютантъ.

Въ кабинетѣ смолкли голоса, въ комнату вошелъ Корниловъ. Я передаю записку полк. С. и докладываю. «Столько обмороженныхъ!», «не получали консервовъ?!», «до сихъ поръ нѣтъ теплаго!», кричитъ Корниловъ, хватаясь за голову. «Идемте сейчасъ же за мной».

Быстрыми шагами, по діагонали, генералъ перерѣзаетъ залъ штаба, гдѣ всѣ съ шумомъ вскочили, вытянулись и замерли. Мы входимъ въ кабинетъ нач. снабженія — ген. Эльснера. — «Генералъ, выслушайте, что вамъ доложитъ офицеръ отряда полк. С.», грубо говоритъ Корниловъ, поворачивается и уходитъ.

Я докладываю. Эльснеръ нетерпѣливо морщится: «это невѣрно, все было выслано . . .» — «не могу знать, Ваше Превосходительство, мы не получали. Мнѣ приказано доложить вамъ». Онъ нетерпѣливо слушаетъ: «не знаю, этого не могло быть, ваша фамилія?»

Я вышелъ въ залъ. Нѣкоторые офицеры штаба безшумно скользятъ по паркету новы-

ми, казенными валенками, другіе шумно топаютъ новыми солдатскими сапогами, а у насъ на фронтѣ ни того, ни другого. И здѣсь, какъ всегда и вездѣ, фронтъ и штабъ жили разной жизнью, разными настроеніями.

Это ясно сказалось, когда полк. генеральнаго штаба К. перебилъ разсказъ полк. С. о тяжеломъ положеніи фронта своимъ возмущеніемъ: «нѣтъ, вы знаете! какое у меня кипроко вышло съ Романовскимъ! Вчера мнѣ замѣчаніе! да въ какой формѣ! въ какомъ тонѣ!.. Ну, сегодня онъ ко мнѣ обращается, а я такую морду сдѣлалъ! разъ, два, наконецъ очень любезенъ сталъ...»

Послѣдній день Ростова.

Въ этотъ пріѣздъ въ Ростовѣ ощущалась необыкновенная тревога. Обыватели взволнованы, чего-то ждутъ, по городу носятся жуткіе слухи о приближеніи большевиковъ, слышны глухіе удары артиллеріи. До Ростова уже начали долетать тяжелые снаряды изъ Батайска. На улицахъ появились странные, чего-то ждущіе люди, собираются кучками, что-то обсуждаютъ. Но штабъ арміи спокоенъ — и мы спокойно собираемся отдохнуть. Рано утромъ 9 февраля 1918 года, когда мы еще спали, въ казармы вбѣжалъ взволнованный полк. Назимовъ: «большевистскія цѣпи подъ Ростовомъ!» — «Какъ? Не можетъ быть?» — «Мои студенты и юнкера уже въ бой ушли»...

Приказъ: никому не отлучаться, — быть въ

полной боевой готовности. Вышли на дворъ (мы на краю города) — слышна артиллерійская, ружейная, пулеметная стрѣльба. Стоя здѣсь, мы очутились резервомъ.

Съ каждымъ часомъ стрѣльба близится. На дворѣ, около казармы уже рвутся снаряды. Артиллерія гудитъ кругомъ и въ три часа дня полученъ приказъ: оставляемъ городъ, уходимъ въ степи... мы назначены въ арріергардъ.

Офицеры бросаютъ свои вещи. Большая комната — складъ завалена бекешами, выходными сапогами, синими, зелеными галифе, шапками, бѣльемъ. Нѣкоторые торопливо переодѣваются въ лучшее — чужое. Нѣкоторые рубятъ вещи шашками и сыпятъ матерную брань.

Мы въ шинеляхъ, съ винтовками, патронташами, съ мѣшками на спинахъ ждемъ выступленія. Въ комнатахъ тихо. Всѣ молчатъ, думаютъ. Настроеніе тяжелое, почти безнадежное: городъ обложенъ, мы захвачены врасплохъ, куда мы идемъ? и сможемъ ли вырваться изъ города?

Откуда-то привели въ казармы арестованнаго, плохо одѣтаго человѣка. Арестовавшіе разсказываютъ, что онъ кричалъ имъ на улицѣ: «буржуи, пришелъ вамъ конецъ, убѣгаете, никуда не убѣжите, постойте!» Они повели его къ командующему участкомъ, молодому генералу Б. Генералъ — сильно выпивши. Выслушалъ и приказалъ: «отведите къ коменданту города, только такъ, чтобъ никуда не убѣжалъ, понимаете?»

На лицахъ приведшихъ легкая улыбка: «такъ точно, Ваше Превосходительство».

Повели . . . недалеко въ снѣгу разстрѣляли...

А въ маленькой, душной комнатѣ генералъ угощалъ полк. С. водкой. — «Полковникъ, ей-Богу, выпейте». — «Нѣтъ, Ваше Превосходительство, я въ такихъ дѣлахъ не пью». — «Воотъ, а я наоборотъ, въ такихъ дѣлахъ и люблю быть въ полъ-свиста», улыбался генералъ.

Темнѣло. Кругомъ гудѣла артиллерія. То тамъ, то сямъ стучалъ пулеметъ . . .

Вдругъ въ комнату вбѣжала обтрепанная женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Бросилась къ намъ. Лицо блѣдное, глаза черные, большіе, какъ безумные . . . «Голубчики! родненькіе! скажите мнѣ, правда, маво здѣсь убили?» — «Кого? Что вы?» — «Да нѣтъ! мужа маво два офицера заарестовали на улицѣ, вотъ мы здѣсь живемъ недалечека, сказалъ онъ имъ что-то . . . миленькіе, скажите, голубчики, гдѣ онъ?» Она лепетала какъ помѣшанная, черные, большіе глаза умоляли. Грудной ребенокъ плакалъ, испуганно-крѣпко обхвативъ ея шею ручонками . . . «миленькіе, они сказали, онъ бальшавикъ, да какой онъ бальшавикъ! голубчики, разстрѣляли его, мнѣ сказывалъ сейчасъ одинъ». — «Нѣтъ, что вы, — тутъ никого не разстрѣливали», попробовалъ успокоить ее я, но почувствовалъ, что это глупо и пошелъ прочь.

А она все твердила: «Господи! Да что же это? Да за что же это? Родненькіе, скажите, гдѣ онъ?»

Я подошелъ къ нашимъ сестрамъ: Танѣ и Варѣ. Онѣ стоятъ печальныя, задумчивыя. «Вотъ посовѣтуйте, идти намъ съ вами или оставаться», говоритъ Варя. «Мама умоляетъ не ходить, а я не могу и Таня тоже». — Совѣтую вамъ остаться: ну, куда мы идемъ? — Неизвѣстно. Можетъ быть насъ на первомъ переулкѣ пулеметомъ встрѣтятъ. За что вы погибнете? За что вы принесете такую боль мамѣ?» — «А вы?» — «Ну, что же мы, — мы пошли на это». Варя и Таня задумались.

Совсѣмъ стемнѣло. Утихла стрѣльба. Мы строимся. Всѣ тревожно молчатъ. На лѣвомъ флангѣ второй роты въ солдатскихъ шиненеляхъ, папахахъ, съ медицинскими сумками за плечами Таня и Варя.

«Сестры! А вы куда?» подходитъ къ нимъ полк. С. — «Мы съ вами». — «А взвѣсили ли вы все? Знаете ли, что васъ ждетъ? Не раскаетесь?» — «Нѣтъ, нѣтъ, мы все обдумали и рѣшили. Я уже послала письмо мамѣ», взволнованно-тихо отвѣчаютъ Таня и Варя.

Толпимся, выходимъ на дворъ. Въ дверяхъ прислуживавшія на кухнѣ женщины плачутъ въ голосъ: «Миленькіе, да куда же вы идете, — побьютъ васъ всѣхъ! Господи!»

Отступленіе арміи.

Тихій, синій вечеръ. Идемъ городомъ. Мигаютъ желтые фонари. На улицахъ — ни души. Негромко отбивается нога. Приказано не произносить ни звука. Попадаются темныя

фигуры, спрашиваютъ: «кто это?» — Молчаніе. — «Кто это идетъ?» — Молчаніе. — «Давно заждались васъ, товарищи», говоритъ кто-то изъ темныхъ воротъ. — Молчаніе . . .

Городъ кончился — свернули по желѣзной дорогѣ. Свистъ — дозоры остановились. Стали и всѣ, кто-то идетъ навстрѣчу.

«Кто идетъ?» — «Китайскій отрядъ сотника Хоперскаго». — Подошли: человѣкъ тридцать китайцевъ, вооруженныхъ по-русски. — «Куда идете?» — «Ростовъ, бальшевикъ стрѣляй». — «Да не ходите, городъ оставляемъ, куда вы?» говоримъ мы, идущему съ ними казаку. Казакъ путается: «мы не можемъ, намъ приказъ». — «Какой приказъ? Армія же уходитъ. А гдѣ сотникъ?» — «Сотника нѣтъ».

Китайцы ничего не хотятъ слушать, идутъ въ Ростовъ, скрылись въ узкой темнотѣ желѣзной дороги . . .

«И зачѣмъ эту сволочь набрали, вѣдь они грабить къ большевикамъ пошли», говоритъ кто-то. — «Это сотникъ Хоперскій, онъ самъ вывезенный китаецъ, вотъ и набралъ. Въ Корниловскій полкъ тоже персовъ какихъ-то наняли» . . .

Дошли до указанной въ приказѣ отступленія будки. Здѣсь мы должны пропустить армію и двигаться въ арріергардѣ.

Мимо будки въ темнотѣ снѣжной дороги торопится, тянется отступающая армія. Впереди главныхъ силъ, съ мѣшкомъ за плечами, прошелъ Корниловъ. Быстро прошли строевыя части, но обозъ безконеченъ.

Ѣдутъ подводы съ женщинами, съ какими-то

вещами. На одной везутъ ножную швейную машину, на другой торчитъ грамофонный рупоръ, чемоданы, ящики, узлы. Всѣ торопятся, говорятъ вполголоса, погоняютъ другъ друга. Одни подводы застреваютъ, другія съ удовольствіемъ обгоняютъ ихъ.

Арріергардъ волнуется. Хочется скорѣе уйти отъ Ростова: разсвѣтетъ, большевики займутъ городъ, бросятся въ погоню, — насъ всего 80 человѣкъ, а тутъ безконечно везутъ никому ненужную поклажу. Наконецъ обозъ кончился и мы отходимъ на станицу Александровскую. Въ Ростовѣ слышна стрѣльба, разъ долетѣло громовое ура. Въ Александровской на улицахъ казачьи патрули, казаки настроены тревожно. И не успѣли мы остановиться, какъ отъ станичнаго атамана принесли бумагу: немедленно уходите, казаки не хотятъ подвергать станицу бою.

Отступаемъ на Аксай. Уже день. Расположились по хатамъ. Опять отъ станичнаго атамана такая же бумага. Полк. С. рѣзко отвѣчаетъ.

Ночью аксайскіе казаки обстрѣливаютъ наши посты. Полк. С. грозитъ атаману вызвать артиллерію, «смести станицу».

Сутки охраняемъ мы переправу черезъ Донъ. Здѣсь сходятся части, отступающія изъ Новочеркаска и Ростова.

По льду ѣдутъ орудія, подводы, идутъ пѣшіе.

Кончилась переправа и мы уходимъ черезъ Донъ въ степи на ст. Ольгинскую...

Часть вторая.

Отъ Ростова до Екатеринодара.

Въ донскихъ степяхъ.

Въ Ольгинской расположилась вся армія. День солнечный, теплый, — таетъ снѣгъ, на улицахъ — черныя проталины, въ колеяхъ дорогъ — вода. По станицѣ снуютъ конные, пѣшіе; кучками ходятъ казаки, съ любопытствомъ смотря на ка́детовъ[1]) . . .

Здѣсь армія наскоро переформировывается. Пѣхота сводится въ три полка: офицерскій съ командиромъ ген. Марковымъ, партизанскій съ командиромъ ген. Богаевскимъ и Ударный Корниловскій съ командиромъ подполк. Нѣжинцевымъ.

Въ офицерскомъ полку — три роты по 250 человѣкъ.

Въ Корниловскомъ — три батальона, всего около 1000 человѣкъ[2]).

Въ Партизанскомъ — человѣкъ 800—1000.

Конные отряды: полк. Глазенапа, полк. Гершельмана, есаула Бокова, имени Бакланова — всего 800—1000 человѣкъ.

Артиллерія: пушекъ 10 легкихъ и къ нимъ немного снарядовъ.

Обозъ сократили.

---

[1]) Такъ называли насъ на Дону и Кубани.

[2]) Нашъ отрядъ влился въ Корниловскій полкъ тремя офицерскими ротами.

Штатскимъ Корниловъ приказалъ оставить армію.

Черезъ день выступаемъ въ степи на ст. Хомутовскую. Шумитъ, строится на талыхъ улицахъ пѣхота, скачутъ конные, раздаются команды, крики привѣтствія... Армія тронулась. Въ авангардѣ — ген. Марковъ, въ аріергардѣ — Корниловцы.

День весенній. Небо голубое. Большое блистающее солнце.

Прошли станицу — раскинулась бѣлая, тающая степь безъ конца и въ этомъ просторѣ изогнулась черной змѣйкой маленькая армія, растянулись пѣшіе, конные, обозы...

«Корниловъ ѣдетъ! Корниловъ ѣдетъ!» несется по рядамъ сзади.

«Полкъ смирно! равненіе направо!»

Все смолкло, выровнялись ряды, повернулись головы...

Быстро, крупной рысью ѣдетъ Корниловъ на свѣтло-буланомъ англійскомъ конѣ. Маленькая фигура генерала увѣренно и красиво сидитъ въ сѣдлѣ, кругомъ него толпой скачутъ текинцы въ громадныхъ черныхъ, бѣлыхъ папахахъ...

Генералъ поровнялся съ нами. Слегка откинувшись, сдерживая коня, кричитъ рѣзкимъ, неидущимъ къ его фигурѣ басомъ: «Здравствуйте, молодцы, корниловцы!» — «Здраемъ желаемъ Ваше Высок—дитс» на ходу, нестройно, но громко и восторженно отвѣчаютъ корниловцы.

Генералъ рысью пролетѣлъ, за нимъ перекатываются нестройныя привѣтствія.

Появленіе Корнилова, его видъ, его обращеніе вызываютъ во всѣхъ чувство приподнятости, готовности къ жертвѣ. Корнилова — любятъ, къ нему благоговѣютъ.

Останавливаясь, отдыхая тянется армія...

Въ бѣлой дали показался табунъ дикихъ коней. Пригнувшись, поскакали за нимъ кавалеристы...

«Пускай поймаютъ», иронически ухмыляется верховой казакъ.

Метнулся табунъ, въ стороны понеслись молодые кони. Кавалеристы гоняются за ними, носятся по степи, но не поймать дикихъ. На взмыленныхъ, тяжело-дышащихъ коняхъ возвращаются къ дорогѣ...

Къ вечеру пришли въ Хомутовскую. По улицамъ мечутся квартирьеры. Не хватаетъ хатъ. Люди разныхъ частей переругиваются изъ-за помѣщеній. Переночевали... Раннимъ утромъ торопятся, пьютъ чай, звенятъ, разбирая винтовки. «Та-та-та» протрещало гдѣ-то.

«Что это? пулеметъ?» — «Какой пулеметъ — на дворѣ что-то треснуло».

На минуту всѣ повѣрили. Но вотъ ясно затрещалъ пулеметъ, а за нимъ съ визгомъ разорвались на улицѣ двѣ гранаты.

«Въ ружье!» командуетъ полковникъ.

«Большевики нагоняютъ», думаетъ каждый.

По полосатымъ отъ тающаго снѣга улицамъ бѣгутъ взволнованные люди. Вылетаютъ изъ воротъ обозныя телѣги, безсмысленно несясь вскачь.

«Куда скачешь!..» кричатъ пѣхотницы.

«Эта обозная сволочь всегда панику дѣлаетъ!»

Быстро идемъ на край станицы. Мимо насъ скачетъ обозъ, вонъ коляска съ парой вороныхъ коней — въ ней генералы Эльснеръ и Деникинъ. А навстрѣчу идетъ Корниловъ съ адъютантами. «По обыкновенію наши разъѣзды прозѣвали, ничего серьезнаго, будьте спокойны, господа», говоритъ генералъ.

Мы разсыпались въ цѣпь за станицей. Рѣдкіе выстрѣлы винтовокъ, рѣдко бьетъ артиллерія. Большевики ушли. Все смолкло.

Опять идемъ по безкрайней бѣлой степи . . .

Одинъ день похожъ на другой. И не отличить ихъ, если бъ не весеннее солнце, начавшее замѣнять бѣлизну ея — черными проталинами и ржавой зеленью . . .

Прошли Кагальницкую, Мечетинскую, движемся въ главныхъ силахъ. Корниловъ идетъ вмѣстѣ съ нами. То тамъ, то сямъ запѣваютъ пѣсни. Кругомъ дымится, потягивается отъ солнца уже черно-пѣгая степь.

Пріостановилась колонна. Около нея стоитъ Корниловъ, въ зеленомъ полушубкѣ, въ солдатской папахѣ, въ солдатскихъ сапогахъ, — задумался, смотритъ вдаль, окруженный молодежью . . .

За войсками скрипитъ обозъ. На телѣгѣ — группа штатскихъ: братья Суворины съ какой-то дамой. Подвода текинцевъ съ Федоромъ Баткинымъ [1]). Трясется на подводѣ сотруд-

---

[1]) Баткина ненавидятъ гвардейцы, но онъ взятъ Корниловымъ и выступаетъ вмѣстѣ съ нимъ передъ казаками.

никъ «Русскаго слова» — Лембичъ. Въ маленькой коляскѣ — ген. Алексѣевъ съ сыномъ . . .

Ѣдутъ кругомъ подводъ прапорщики женщины.

Везутъ немногихъ раненыхъ, взятыхъ изъ Ростова, рядомъ идутъ сестры . . .

Въ Егорлыцкой — послѣдней донской станицѣ — дневка. Остановились у богатаго казака. Хозяйка напекла блиновъ, пьемъ чай, разговариваемъ съ хозяиномъ. — «А какой у васъ, пай хозяинъ?» — «У насъ, слава Богу», медленно отвѣчаетъ казакъ, «на казака пай 28 десятинъ пахоти, а луга общіе». — «Э, да вы буржуи настоящіе». — «Какіе тамъ буржуи . . . вотъ теперь расходъ большой», продолжаетъ хозяинъ, «снарядить двухъ меньшихъ пришлось, за коней по полтысячи отдалъ . . . кто знаетъ, время лихое — народъ молодой, можетъ еще воевать придется». Помолчали. — «Ну, говоритъ, у васъ генералъ Алексѣевъ-то», одобрительно покачиваетъ головой хозяинъ. — «А что? рѣчь что ли вамъ говорилъ?» — «Говорилъ . . . до слезъ довелъ, самъ плакалъ и казаки плакали, ей-Богу . . . — Началъ издалече, про нашу исторію говорилъ, потомъ про войну, про теперешнее... Да я и не перескажу всего — больно хорошо». — «А Корниловъ говорилъ?» — «Говорилъ, да онъ не красно, все ругался больше: мерзавцы, подлецы». — «Это кого же?» — «Кого? — извѣстно, кого — большевиковъ, сказывалъ, что самъ простой казакъ, ну да не красно онъ говоритъ . . . матросъ послѣ него говорилъ — хорошо, а лучше всѣхъ генералъ Алексѣевъ» . . .

Изъ станицы Егорлыцкой мы должны идти въ Ставропольскую губернію. Всѣхъ интересуетъ: какъ встрѣтятъ не казаки? Ходятъ разные слухи: встрѣтятъ съ боемъ, встрѣтятъ хлѣбомъ — солью. Стало извѣстно: къ Корнилову пріѣзжала депутація изъ села Лежанки. Корниловъ сказалъ ей: пропустите меня — будьте покойны, ничего плохого не сдѣлаю, не пропустите — огнемъ встрѣтите, за каждаго убитаго жестоко накажу.

Депутація изъявила свою лойяльность.

Казалось, что все обстоитъ благополучно.

Лежанка.

Мы выступили . . .

Тѣ же войска, тотъ же обозъ, потянулись по той же степи.

Въ авангардѣ ген. Марковъ. Въ главныхъ силахъ — мы.

День чудный! На небѣ ни облачка, солнце яркое, большое. По степи летаетъ теплый, тихій вѣтеръ.

Здѣсь степь слегка волнистая. Вотъ дойти до того гребня, — и будетъ видна Лежанка . . .

Приближаемся къ гребню.

Всѣ идутъ, весело разговаривая.

Вдругъ, среди говора людей, прожужжала шрапнель и высоко, впереди насъ, разорвалась бѣлымъ облачкомъ.

Всѣ смолкли, остановились . . .

Ясно доносилась частая стрѣльба, заливчато хлопалъ пулеметъ . . .

Авангардъ — встрѣченъ огнемъ.

За первой шрапнелью летитъ вторая, третья, но рвутся высоко и далеко отъ дороги.

Мимо войскъ рысью пролетѣлъ Корниловъ съ текинцами. Генералъ Алексѣевъ проѣхалъ впередъ.

Мы стоимъ недалеко отъ гребня, въ ожиданіи приказаній.

Ясно: сейчасъ бой. Чувствуется приподнятость. Всѣ толпятся, оживленно говорятъ, на лицахъ улыбки, отпускаются шутки . . .

Приказъ: Корниловскій полкъ пойдетъ на Лежанку вправо отъ дороги, Партизанскій — влѣво, въ лобъ ударитъ авангардъ ген. Маркова.

Мы идемъ цѣпью по черной пашнѣ. Чуть-чуть зеленѣютъ всходы. Солнце блеститъ на штыкахъ. Всѣ веселы, радостны — какъ будто не въ бой . . .

Расходились и сходились цѣпи,
И сіяло солнце на пути.
Было на смерть въ солнечныя степи
Весело идти . . .

бьется и безпрестанно повторяется у меня въ головѣ. Вдали стучатъ винтовки, трещатъ пулеметы, рвутся снаряды.

Недалеко отъ меня идетъ красивый князь Чичуа, въ шинели на распашку, слѣдитъ за цѣпью, командуетъ: «не забѣгайте вы тамъ! ровнѣе, господа».

Цѣпь ровно наступаетъ по зеленѣющей пашнѣ . . . вправо и влѣво фигуры людей уменьшаются, вдали доходя до черненькихъ точекъ.

Піу... піу... долетаютъ къ намъ рѣдкія пули.

Мы недалеко отъ края села...

Но вотъ выстрѣлы изъ Лежанки смолкли...

Далеко влѣво пронеслось «ура»...

Бѣгутъ! бѣгутъ! — пролетѣло по цѣпи, и у всѣхъ забила радостно-охотничья страсть: бѣгутъ! бѣгутъ!

Мы уже подошли къ навозной плотинѣ, вотъ оставленные, свѣже-вырытые окопы, валяются винтовки, патронташи, брошенное пулеметное гнѣздо...

Перешли плотину. Остановились на краю села, на зеленой лужайкѣ, около мельницы...

Куда-то поскакалъ подполк. Нѣжинцевъ.

Изъ-за хатъ ведутъ человѣкъ 50—60 пестро-одѣтыхъ людей, многіе въ защитномъ, безъ шапокъ, безъ поясовъ, головы и руки у всѣхъ опущены. —

Плѣнные.

Ихъ обгоняетъ подп. Нѣжинцевъ, скачетъ къ намъ, остановился — подъ нимъ танцуетъ мышинаго цвѣта кобыла.

«Желающіе на расправу!» кричитъ онъ.

Что такое? — думаю я. — Разстрѣлъ? Неужели?

Да, я понялъ: разстрѣлъ, вотъ этихъ 50—60 человѣкъ, съ опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своихъ офицеровъ.

Вдругъ никто не пойдетъ, — пронеслось у меня.

Нѣтъ, — выходятъ изъ рядовъ. Нѣкоторые смущенно улыбаясь, нѣкоторые съ ожесточенными лицами.

Вышли человѣкъ пятнадцать. Идутъ къ стоящимъ кучкой незнакомымъ людямъ и щелкаютъ затворами.

Прошла минута.

Долетѣло: пли:!... Сухой трескъ выстрѣловъ, — крики, — стоны...

Люди падали другъ на друга, а шаговъ съ 10-ти, плотно вжавшись въ винтовки и разставивъ ноги, по нимъ стрѣляли, торопливо щелкая затворами. Упали всѣ. Смолкли стоны. Смолкли выстрѣлы. Нѣкоторые разстрѣливавшіе отходили.

Нѣкоторые добивали штыками и прикладами еще живыхъ.

Вотъ она, гражданская война; — то, что мы шли цѣпью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не «война»... Вотъ она, подлинная гражданская война...

Около меня — кадровый капитанъ, лицо у него, какъ у побитаго: — «Ну, если такъ будемъ, на насъ всѣ встанутъ», тихо бормочетъ онъ.

Разстрѣливавшіе офицеры подошли.

Лица у нихъ — блѣдны. У многихъ бродятъ неестественныя улыбки, будто спрашивающія: ну, какъ послѣ этого вы на насъ смотрите? —

«А почемъ я знаю! Можетъ быть, эта сволочь моихъ близкихъ въ Ростовѣ перестрѣляла!» кричитъ, отвѣчая кому-то, разстрѣливавшій офицеръ.

Построиться! Колонной по отдѣленіямъ идемъ въ село. Кто-то дѣланно лихо запѣваетъ по-

хабную пѣсню, но не подтягиваютъ и пѣсня обрывается.

Вышли на широкую улицу. На дорогѣ, уткнувшись въ грязь, лежатъ нѣсколько убитыхъ людей. — Здѣсь всѣ расходятся по хатамъ. Ведутъ взятыхъ лошадей. — Раздаются выстрѣлы . . .

Подхожу къ хатѣ. Дверь отворена — ни души. Только на порогѣ, внизъ лицомъ, лежитъ большой человѣкъ въ защитной формѣ. Голова въ лужѣ крови, — черные волосы слиплись . . .

Идемъ по селу. Оно — какъ умерло: людей не видно. Показалась испуганная баба и спряталась . . .

На углу — кучка, человѣкъ 12. Подошли къ нимъ: плѣнные австрійцы. «Панъ! панъ! не стрѣлялъ! мы работалъ здѣсь!» торопливо, испуганно говоритъ одинъ. — «Не стрѣлялъ теперь! Знаю, сволочи!» кричитъ кто-то. Австрійцы испуганно протягиваютъ руки впередъ и лапочутъ ломанно по-русски: «не стрѣлялъ, не стрѣлялъ, работалъ».

— «Оставьте ихъ, господа, — это рабочіе».

Проходимъ дальше . . .

Начинаетъ смеркаться. Пришли на край села. Остановились. Площадь. Недалеко церковь. — Межъ синихъ тучъ медленно опускается красное солнце, обливая все багряными, алыми лучами . . .

Здѣсь стоятъ и другія части.

Кучка людей о чемъ-то кричитъ. Поймали нѣсколько человѣкъ. Собираются разстрѣлять.

«Ты солдатъ . . . твою мать?!» Кричитъ одинъ голосъ.

«Солдатъ, да я, ей Богу, не стрѣлялъ, помилуйте! невиновный я!» — почти плачетъ другой.

«Не стрѣлялъ . . . твою мать?!» Револьверный выстрѣлъ. Тяжело, со стономъ падаетъ тѣло. Еще выстрѣлъ.

Къ кучкѣ подошли наши офицеры.

Тотъ же голосъ спрашиваетъ пойманнаго мальчика лѣтъ 18-ти.

«Да, ей Богу, дяденька, не былъ я нигдѣ!» плачущимъ, срывающимся голосомъ кричитъ мальчикъ, сине-блѣдный отъ смертнаго страха. «Не убивайте! Не убивайте! Невинный я! Невинный!» истерически кричитъ онъ, видя поднимающуюся съ револьверомъ руку.

«Оставьте его, оставьте!» — вмѣшались подошедшіе офицеры. Кн. Чичуа идетъ къ разстрѣливающему: «перестаньте, оставьте его!» Тотъ торопится, стрѣляетъ. Осѣчка.

«Пустите, пустите его! Чего, онъ вѣдь мальчишка!»

«Бѣги . . . твою мать! Счастье твое!» кричитъ офицеръ съ револьверомъ.

Мальчишка опрометью бросился . . . Стремглавъ бѣжитъ. Топотъ его ногъ слышенъ въ темнотѣ.

Къ подп. К—ому подходитъ хор. М., тихо, быстро говоритъ: «пойдемъ . . . австріецъ . . . тамъ». — «Гдѣ? . . . Идемъ». Въ темнотѣ скрылись. — Слышатся: ихъ голоса . . . возня . . . выстрѣлъ . . . стонъ — еще выстрѣлъ . . .

Изъ темноты къ намъ идетъ подп. К—ой.

5*

Его догоняетъ хор. М. и опять быстро: «Кольцо, — нельзя только снять». — «Ну? ножъ у тебя?» . . . Опять скрылись... Вернулись. «Зажги спичку», говоритъ К—ой. Зажегъ. Оба, близко склонясь лицами, разсматриваютъ. «Мѣдное! . . его мать!» кричитъ К—ой, бросая кольцо — «зналъ бы, не ходилъ, мать его . . .»

Совсѣмъ темно. Чернымъ силуэтомъ съ крестомъ рисуется церковь. Ѣдетъ кавалерія.

Идемъ размѣщаться на ночь. Около хатъ споръ, ругань.

«Мы назначены сюда, — это нашъ районъ! Здѣсь корниловцы, а не артиллеристы!» — Артиллеристы не пускаютъ. Шумъ. Брань.

Все-таки корниловцы занимаютъ хаты. Артиллеристы, ругаясь, крича, уходятъ.

Хата брошена. Хозяева убѣжали. Раскрытъ сундукъ, въ немъ разноцвѣтныя кофты, юбки, тряпки. На стѣнахъ налѣплены цвѣтныя картинки, висятъ фотографіи солдатъ. Въ печкѣ нетронутая каша. Несутъ солому на полъ. Полѣзли въ печь, въ погребъ, на чердакъ. Достали кашу, сметану, хлѣбъ, масло. Ужинаютъ. Усталые засыпаютъ вповалку на соломѣ . . .

Утро. Кипятимъ чай. На дворѣ поймали куръ, щиплютъ ихъ, жарятъ.

Верхомъ подъѣхалъ знакомый офицеръ В—о. «Посмотри, нагайка-то, красненькая!» смѣется онъ. Смотрю: нагайка въ запекшейся крови. «Отчего это?» — «Вчера пороли тамъ, молодыхъ. Разстрѣлять хотѣли сначала, ну, а потомъ пороть приказали». — «Ты поролъ?» — «Здорово, прямо руки отнялись, кричатъ сволочи» — захохоталъ В—о. Онъ сталъ разсказы-

вать, какъ вступали въ Лежанку съ другой стороны.

«Мы черезъ главный мостъ вступили. Такъ, знаете, какъ пошли мы на нихъ, — они все побросали, бѣгутъ! А одинъ пулеметчикъ сидитъ, строчитъ по насъ и ни съ мѣста. Вплотную подпустилъ. Ну, его тутъ закололи . . . Захватили мы нѣсколько плѣнныхъ на улицѣ. Хотѣли къ полковнику вести. Подъѣхалъ капитанъ какой-то изъ обоза, вынулъ револьверъ . . . разъ . . . разъ . . . разъ — всѣхъ положилъ, и все приговариваетъ: «ну, дорого имъ моя жинка обойдется». У него жену, сестру милосердія, большевики убили . . .»

— «А какъ пороли? Разскажи!» спросилъ кто-то.

«Пороли какъ? — Это поймали молодыхъ солдатъ, человѣкъ двадцать, разстрѣлять хотѣли, ну, а полковникъ тутъ былъ, кричитъ: всыпать имъ по пятьдесятъ плетей!»

Выстроили ихъ въ шеренгу на площади. Снять штаны! Сняли. Командуютъ: ложись! Легли.

Начали ихъ пороть. А есаулъ подошелъ: что вы мажете? кричитъ, развѣ такъ порютъ! Вотъ какъ надо!

Взялъ плеть, да какъ началъ! Какъ разъ. Сразу до крови прошибаетъ! Ну, всѣ тоже подтянулись. Потомъ по командѣ: встать! Встали. Ихъ въ штабъ отправили.

А вотъ одного я совсѣмъ случайно на тотъ свѣтъ отправилъ. Уже совсѣмъ къ ночи. Пошелъ я за соломой въ сарай. Сталъ брать — что-то твердое, полѣзъ рукой — человѣкъ! . .

Вылѣзай, кричу. Не вылѣзаетъ. Стрѣлять буду! — Вылѣзъ. Мальчишка лѣтъ двадцати...

Ты кто, говорю, солдатъ? — Солдатъ. — А гдѣ винтовка? Я ее бросилъ. — А зачѣмъ ты стрѣлялъ въ насъ? — Да какъ же, всѣхъ насъ выгнали, приказали. — Идемъ къ полковнику. Привелъ. Разсказалъ. Полковникъ кричитъ: разстрѣлять его, мерзавца! Я говорю: онъ, господинъ полковникъ, безъ винтовки былъ. Ну, тогда, говоритъ, набейте ему морду и отпустите. Я его вывелъ. Иди, говорю, да не попадайся. Онъ пошелъ. Вдругъ выбѣгаетъ капитанъ И—евъ, съ револьверомъ. Я ему кричу: его отпустить господинъ полковникъ приказалъ! Онъ только рукой махнулъ, догналъ того... Вижу, стоятъ, мирно разговариваютъ, ничего. Потомъ вдругъ капитанъ разъ его! изъ револьвера. Повернулся и пошелъ... Утромъ смотрѣлъ я — прямо въ голову».

«Да», перебилъ другой офицеръ: «я забылъ сказать. Знаете, этихъ австрійцевъ, которыхъ мы не тронули-то, всѣхъ чехи перебили. Я видалъ, такъ и лежатъ всѣ, кучей».

Я вышелъ на улицу. Кое-гдѣ были видны жители: дѣти, бабы. Пошелъ къ церкви. На площади въ разныхъ вывернутыхъ позахъ лежали убитые... Налеталъ вѣтеръ, подымалъ ихъ волосы, шевелилъ ихъ одежды, а они лежали, какъ деревянные.

Къ убитымъ подъѣхала телѣга. Въ телѣгѣ — баба. Вылѣзла, подошла, стала ихъ разсматривать подрядъ... Кто лежалъ внизъ лицомъ, она приподнимала и опять осторожно

опускала, какъ будто боялась сдѣлать больно. Обходила всѣхъ, около одного упала, сначала на колѣни, потомъ на грудь убитаго и жалобно, громко заплакала: «Голубчикъ мой! Господи! Господи! . .»

Я видѣлъ, какъ она, плача, укладывала мертвое, непослушное тѣло на телѣгу, какъ ей помогала другая женщина. Телѣга, скрипя, тихо уѣхала . . .

Я подошелъ къ помогавшей женщинѣ . . .

«Что это, мужа нашла?»

Женщина посмотрѣла на меня тяжелымъ взглядомъ, «мужа», отвѣтила и пошла прочь . . .

Зашелъ въ лавку. Продавецъ — пожилой, благообразный старичокъ. Разговорился. — Да зачѣмъ же насъ огнемъ встрѣтили? Вѣдь ничего бы не было! Пропустили бы, и все. — Поди-жъ ты, — развелъ руками старичокъ . . . — все вѣдь эти пришлые виноваты, — Дербентскій полкъ, да артиллеристы. Сколько здѣсь митинговъ было. Старики говорятъ: пропустите, ребята, бѣду накликаете. А они все одно: уничтожимъ буржуевъ, не пропустимъ. Ихъ, говорятъ, мало, мы знаемъ. Корниловъ, говорятъ, съ киргизами, да буржуями. Ну, молодежь и смутили. Всѣхъ наблизовали, выгнали окопы рыть, винтовки пораздали . . .

А какъ увидѣли вашихъ, ваши какъ пошли на село, бѣжать. Артиллеристы первые, — на лошадей, да ходу. Всѣ бѣжать! Бабы! Дѣти!» старичокъ вздохнулъ.

«Что народу-то, народу побили . . . невинныхъ-то сколько . . . А изъ-за чего все? Спроси ты ихъ . . .»

Я прошелъ на главную площадь. По площади носился вихремъ, джигитовалъ текинецъ.

Какъ пуля, летала маленькая бѣлая лошадка, а на ней то вскакивала, то падала, то наскаку свѣшивалась до земли малиновая черкеска текинца.

Смотрѣвшіе текинцы одобрительно, шумно кричали . . .

Вечеромъ, въ присутствіи Корнилова, Алексѣева и другихъ генераловъ, хоронили нашихъ, убитыхъ въ бою.

Ихъ было трое.

Семнадцать было ранено.

Въ Лежанкѣ было 507 труповъ.

На Кубани.

Изъ Ставропольской губерніи мы свернули на Кубань.

Кубанскія степи не похожи на донскія, нѣтъ донского простора, шири, дали. Кубанская степь волнистая, холмистая, съ перелѣсками. Идемъ степями. Весна близится. Дорога сухая, зеленѣетъ трава, солнце теплое . . .

Пришли въ ст. Плотскую, маленькую, небогатую. Хозяинъ убогой хаты, гдѣ мы остановились — столяръ, иногородній. Видъ у него забитый, лицо недоброе, неоткрытое. Интересуется боемъ въ Лежанкѣ.

— «Здѣсь слыхать было, какъ палили . . . а чевой то палили то?»

— «Не пропустили они насъ, стрѣлять стали» . . .

По тону видно, что хозяинъ добровольцамъ не сочувствуетъ.

— «Вотъ вы образованный, такъ сказать, а скажите мнѣ вотъ: почему это другъ съ другомъ воевать стали? изъ чего это поднялось?» говоритъ хозяинъ и хитро смотритъ.

— «Изъ-за чего?.. Большевики разогнали Учредительное собраніе, избранное всѣмъ народомъ, силой власть захватили — вотъ и поднялось». Хозяинъ немного помолчалъ. — «Опять-вы не сказали... напримѣръ, вотъ скажемъ, за что, вотъ, вы воюете?»

— «Я воюю? — За Учредительное собраніе. Потому что думаю, что оно одно дастъ русскимъ людямъ свободу и спокойную трудовую жизнь».

Хозяинъ недовѣрчиво, хитро смотритъ на меня. — «Ну, оно конечно, можетъ вамъ и понятно, вы человѣкъ ученый».

— «А развѣ вамъ не понятно? Скажите что вамъ нужно? что бы вы хотѣли?» — «Чего?.. чтобы рабочему человѣку была свобода, жизнь настоящая и къ тому же земля...» — «Такъ кто же вамъ ее дастъ, какъ не Учредительное собраніе?»

Хозяинъ отрицательно качаетъ головой? — «Такъ какъ же? кто же?»

— «Въ это собраніе то нашего брата и не допустятъ».

— «Какъ не допустятъ? вѣдь всѣ же выбираютъ, вѣдь вы же выбирали?»

— «Выбирали, да какъ тамъ выбирали, у кого капиталы есть, тѣ и попадутъ», упрямо заявляетъ хозяинъ.

«Да вѣдь это же отъ васъ зависитъ!» — «Знамо отъ насъ, — только оно такъ выходитъ . . .»

Минутная пауза. — «А много набили народу то въ Лежанкѣ?» неожиданно спрашиваетъ хозяинъ.

— «Не знаю . . . много . . .» . . .

Идемъ изъ Плотской тихими, мягкими, зелеными степями. Въ ст. Ивановской — станичный атаманъ съ стариками встрѣчаютъ Корнилова хлѣбомъ — солью, подносятъ національный флагъ. День праздничный, оживленіе . . . Казаки, казачки высыпали на улицы, ходятъ, шелуша сѣмячки. Казаки — въ сѣрыхъ, малиновыхъ, коричневыхъ черкескахъ. Казачки въ красивыхъ, разноцвѣтныхъ платкахъ.

Насъ встрѣчаютъ радушно. Изъ хатъ несутъ молоко, сметану, хлѣбъ, тыквянныя сѣмячки.

На площади кучками толпятся войска: пѣшіе, конные. Бравурно разносятся военныя пѣсни. Въ кружкахъ танцуютъ наурскую лезгинку. Казаки, казачки, угощая кто чѣмъ, съ любопытствомъ разговариваютъ съ нами.

«Ну вотъ, я говорилъ вамъ, что на Кубани будетъ совсѣмъ другое отношеніе, видите», говоритъ кто-то.

Поднялись выступать. Шумными рядами строятся войска. Около насъ плачутъ двѣ старыя казачки, «молоденькіе-то какіе, батюшки . . . тоже поди родныхъ побросали . . .»

Мимо проходитъ юнкерскій батальонъ. Молодой, стройный юнкеръ речитативомъ-говоркомъ лихо запѣваетъ:

«Во селѣ Ивановкѣ случилась бѣда,
Молодая дѣвчоньчка сына родила»

И со смѣхомъ, гулко подхватывають всѣ экспромитъ юнкера:

Грай рап ра ап раааай
Молодая дѣвчоньчка сына родила . . .

На Кубани повѣяло традиціей старой Руси. Во всѣхъ станицахъ встрѣчаютъ радушно, присоединяются вооруженные казаки.

Въ ст. Веселой остановились отдохнуть. Въ нашей хатѣ — старый казакъ съ сѣдой бородой, въ малиновой черкескѣ, съ кинжаломъ, гозырями. Рядомъ съ нимъ его жена — пожилая, говорливая казачка. И мужъ и жена подвыпили.

— «Россію возстановимъ! порядокъ устроимъ! Такъ братцы, такъ или нѣтъ!?» кричитъ оглушительнымъ басомъ казакъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь.

— «А вы съ нами пойдете?» — «Пойду, провалиться — пойду . . . я ужъ записался. Старый пластунъ съ вами пойдетъ, понимаете?» и казакъ затянулъ:

«Поѣхалъ казакъ на чужбину далеку
На сѣверъ на славномъ конѣ вороном»

жена подхватила сильнымъ, визгливымъ голосомъ.

Изъ Веселой надо переходить желѣзную дорогу Ростовъ—Тихорѣцкая. Жел. дор. линія занята большевиками. Мы должны прорываться — и, чтобъ поспѣть на раннемъ разсвѣтѣ перейти, выступаемъ въ 8 часовъ вечера.

Приказано: не курить, не говорить, двигаться въ абсолютной тишинѣ. Моментъ серьезенъ.

Въ темнотѣ ночи тянутся темные ряды фигуръ, сталкиваются, цѣпляясь винтовками, звеня штыками.

Хочется спать. Холодно. Идемъ . . .

Черная темнота начинаетъ сѣрѣть. Съ края горизонта чуть лѣзетъ бѣло-синій разсвѣтъ. Уже можно разобрать лица.

Теперь — недалеко отъ жел. дороги.

Остановились. Холодъ сковываетъ тѣло. Люди опускаются на землю.

«Господа, кто хочетъ грѣться по способу Петра Великаго!» зоветъ капитанъ. Встаютъ, плотная куча людей качается, толкается, всѣ лѣзутъ въ середину.

Впереди ухнули взрывы — это наша конница рветъ мосты.

Встать! Шагомъ маршъ! Идемъ . . . Уже вдали виднѣются зданія, жел. дорога и станица — значитъ авангардъ прошелъ благополучно. Подходимъ къ Ново-Леушковской, наша рота заняла станцію.

Здѣсь мы охраняемъ переправу обоза.

Но черезъ полчаса летитъ съ подъѣхавшаго бронированнаго поѣзда и рвется на перронѣ большевистская граната. Снаряды рвутся кругомъ станціи, бьютъ по обозу. Видно какъ черненькія фигурки повозокъ поскакали рысью. Но обозъ уже переѣхалъ и мы уходимъ отъ Леушковской по гладкой дорогѣ межъ зелеными всходами. Прорвались.

До отдыха — Старо-Леушковской — верстъ 8.

Мы идемъ открытой степью, а вправо и влѣво отъ дороги рвутся посылаемыя съ бронированныхъ поѣздовъ гранаты, подымая землю черными столбами. Сейчасъ маленькій гребень и скроемся. Перешли его. Долетѣли два снаряда. Смолкло, стало легче, непріятное напряженіе упало. Зашагали быстрѣй.

— «Ну переходъ сегодня! Дойдемъ до Старо-Леушковской и 72 версты!»

— «А усталости почему-то не чувствуется». — «Когда гранатами кругомъ кроетъ — не почувствуешь, а вотъ приди въ станицу»...

Размѣстились въ Старо-Леушковской. Принесли въ хату соломы. Пристаютъ къ хозяйкѣ съ ужиномъ. — «Да, ей-Богу ничого нема», отговаривается недовольная хозяйка. Но достали и ужинъ, нашли и граммофонъ, захрипѣвшій «Дунайскія волны».

«Сестры, вальсъ génèrale! вальсъ!»

Два офицера закружились по комнатѣ съ Таней и Варей.

Березанская.

Стало совсѣмъ весенне. Степь изумрудна — на бархатѣ чернаго фона. Солнце сіяетъ. Вѣтеръ ласковый, трепетный.

Мы прошли Иркліевскую — идемъ на Березанскую.

По пути, по рядамъ пошелъ разговоръ: «станица занята большевиками — придется выбивать».

Долетѣли выстрѣлы. Авангардъ столкнулся — будетъ бой.

Остановились. Приказано: обойти станицу — ударить съ фланга.

Корниловскій полкъ уходитъ съ дороги влѣво, идетъ зеленой пашней.

Легли за складкой. Трещатъ винтовки въ сторонѣ авангарда.

Встали, двинулись густой цѣпью. Въ котловинѣ видна Березанская. Только вышли на гребень, по насъ засвистали пули, часто, ожесточенно. Упало нѣсколько раненыхъ, но цѣпь движется впередъ, оставивъ на мѣстѣ неподвижно-лежащихъ людей и склонившихся надъ ними сестеръ.

Опять залегли. Надъ головами посвистываютъ пули. Къ цѣпи подходитъ шт.-кап. Садовень. «Вторая рота снимите шапки... князь убитъ».

Не всѣ разслышали. «Что? что?» — «Князь убитъ», пролетѣло по цѣпи.

Всѣ сняли шапки, перекрестились.

«Господа, кому-нибудь надо сходить къ тѣлу князя. Нельзя же бросить», говоритъ Садовень.

Я всталъ, пошелъ впередъ по указанному направленію.

На зеленомъ полѣ, подъ голубымъ небомъ лежалъ красивый князь, немного блѣдный. Лѣвая рука откинута, лицо повернуто въ полоборота. Надъ нимъ склонилась сестра Дина Дюбуа.

«Убитъ», говоритъ она тихо.

«Куда?» — «Не могу найти — нигдѣ нѣтъ крови».

Я смотрю на блѣднаго князя и вспоминаю его радостнымъ, танцующимъ лезгинку.

А кругомъ, отовсюду трещитъ стрѣльба. Наши цѣпи вездѣ движутся впередъ. Въ станицѣ раздаются безпорядочные выстрѣлы. Большевики бѣжали. Далеко по полю лавой летитъ кавалерія . . .

Подвели княжева коня, съ трудомъ положили мы тѣло поперекъ сѣдла и, поддерживая его, я повелъ коня къ станицѣ.

У маленькаго хуторка думаю получить подводу. Встрѣтилъ товарища. Вошли во дворъ. Посреди стоитъ испуганная женщина . . .

«Хозяинъ дома?»

«Нема», лепечетъ она.

«Гдѣ же онъ?» — «Да хиба жъ я знаю, уихалъ». —

Объясняю, что мнѣ надо. Женщина отъ перепуга не понимаетъ.

«Коней моихъ возьмете . . . такъ что я дѣлать буду», вдругъ плачетъ она.

«Да не возьму я коней. Мнѣ довести убитаго надо. Давай телѣгу, сама садись, поѣдемъ съ нами . . .»

Вмѣстѣ запрягаемъ лошадей. На дворъ вбѣгаетъ другая женщина, рыдая и причитая: «та якъ же можно, усихъ коней забираютъ» . . .

Я пошелъ узнать въ чемъ дѣло. На сосѣднiй дворъ въѣхали кавалеристы, стоятъ у просторнаго сарая, выводятъ изъ него лошадей. Около нихъ плачетъ старуха, увѣряя, что это

кони не военные, не большевистскіе, а ихъ, крестьянскіе . . .

«Много не разговаривай!» кричитъ одинъ изъ кавалеристовъ.

Я пробую имъ сказать, что кони дѣйствительно крестьянскіе.

«Чортъ ихъ разберетъ! здѣсь всѣ большевики», отвѣчаетъ кавалеристъ.

Они сѣли на своихъ коней, захватили въ повода четырехъ хозяйскихъ и шумно, подымая пыль по дорогѣ, поѣхали къ станицѣ.

У воротъ, согнувшись, плакала старуха . . . «разорили, Господи, разорили, усихъ увели . . .»

Я уложилъ на телѣгу тѣло князя, взялъ съ собой хозяйку и поѣхалъ. При въѣздѣ въ станицу лежали зарубленные люди, всѣ въ длинныхъ красныхъ полосахъ. У одного голова разсѣчена на-двое.

Хозяйка смотритъ на нихъ вытаращенными, непонимающими глазами, что-то шепчетъ и торопливо дергаетъ возжами.

По улицамъ ѣдутъ конные, идутъ пѣшіе, скрипятъ обозныя телѣги. По дворамъ съ клохотаньемъ летаютъ куры, визжатъ поросята, спасаясь отъ рукъ побѣдителей.

Нашелъ свой раіонъ — въѣхалъ на широкій зеленый дворъ, обсаженный тополями. Навстрѣчу вышли Таня, Варя, офицеры. Осторожно сняли князя, положили на солому подъ деревомъ. Заплакали Таня, Варя и офицеры одинъ за другимъ.

Ушли въ хату, поставили часового.

Хата казачья. У печи готовитъ старая казачка, ей помогаетъ молодая. Лица обѣихъ за-

плаканы. Старая сдерживается, у молодой прорываются рыданія и она порывисто утираетъ лицо концомъ фартука. Трехлѣтній мальчикъ, крѣпко обхвативъ ея ногу, прижался и испуганно смотритъ на насъ.

«О чемъ плачешь, хозяйка?» Обѣ молчатъ, только молодая громко всхлипнула.

«Разскажи, можетъ чѣмъ поможемъ . . .»

Молодая бросила работу, уткнулась въ фартукъ, зарыдала. Старая со слезами начала разсказывать: «Сына маво, мужа ея вотъ наблизовали, а теперь вотъ изъ станицы ушли, кто знаетъ куды . . . можетъ и убили . . .

«Да кто его мобилизовалъ-то?»

«Кто, хиба жъ мы знаемъ, кто? Большевики что ли, такъ ихъ называютъ . . .»

— «Да зачѣмъ же онъ казакъ, а пошелъ? вѣдь не всѣ же пошли?»

— «Какъ не итти-то? На дворъ пришли за нимъ. Говорятъ, разстрѣляемъ . . . ну, и взяли, а теперь вотъ . . .»

Обѣ женщины плакали.

Вечеромъ ушли въ заставу. Ночь холодная, вѣтеръ сильный и злой, небо темное, ни зги не видно . . .

Разставили въ степи караулы. Вѣтеръ пронизываетъ насквозь. Нашли маленькій окопчикъ. Двѣ смѣны залѣзли туда, а часовой и подчасокъ ходятъ взадъ и впередъ въ темнотѣ большой дороги. Вѣтеръ гудитъ по проволокѣ и на штыкахъ . . .

Новая смѣна. Старая спряталась въ окопчикѣ. Четыре человѣка скорчились, плотно прижавшись. Тепло. Тихій разговоръ.

«Слыхали? Корниловъ приказалъ старымъ казакамъ на площади молодыхъ пороть?» — «Ну? за что?» — «За то, что съ большевиками вмѣстѣ противъ насъ сражались». — «И пороли?» — «Говорятъ, пороли».

На утро мы уходимъ на станцію Выселки. Укладываемъ на подводу тѣло князя, а въ дверяхъ хаты, жалко согнувшись, плачетъ старая хозяйка. — «Что ты, бабушка?»

— «Какъ что, — нашъ-то можетъ, тоже такъ гдѣ лежитъ», всхлипываетъ старуха . . .

Выселки.

Вся армія идетъ на Журавскую. Мы — на Выселки. Они заняты большевиками, и Корниловскому полку приказано: выбить.

Идемъ быстрымъ маршемъ. Всѣ знаютъ, что будетъ бой. Разговариваютъ мало, больше думаютъ.

Спустились въ котловину, поднялись къ гребню и осторожно остановились. Командиръ полка собралъ батальонныхъ и ротныхъ, отдаетъ приказанія . . .

Громыхая проѣхали на позицію орудія. Развели по батальонамъ, а командиръ полка съ штабомъ остался у холмика.

Мы вышли въ открытое поле. Видна станція Выселки, дома, трубы. Идемъ колонной. Высоко передъ нами звонко рвется бѣлое облачко шрапнели. «Замѣтили, началось», думаетъ каждый.

Въ цѣпь! раздается команда. Ухнули наши орудія. Съ хрипомъ, шуршаньемъ уходятъ сна-

ряды. Вдали поднялась воронкой земля. Звукъ. Разрывы удачны. «Смотрите, господа, тамъ цѣпи, вонъ движутся!»

Идемъ широко разомкнувшись — полкъ весь въ цѣпи. Визжатъ шрапнели, воютъ гранаты. Мы близимся . . .

Вотъ съ мягкимъ пѣньемъ долетаютъ пули. Чаще, чаще . . .

Залегли, открыли огонь . . .

«Варя! Таня! Идите сюда! Гдѣ вы легли! Ну, зачѣмъ вы пошли — говорили же вамъ!» слышу я сзади себя.

Во второй цѣпи лежатъ Варя и Таня въ солдатскихъ шинеляхъ съ медицинскими сумками . . .

«Цѣпь впередъ!» Поднялись. Наша артиллерія гудитъ, бьетъ прямо по виднѣющимся цѣпямъ противника.

«Смотрите! смотрите! отступаютъ!» несется по цѣпи.

Видно, какъ маленькія фигурки бѣгутъ къ станціи.

Ихъ артиллерія смолкла. Наша усиленно заревѣла.

«По отступающему — двѣнадцать!» Все затрещало. Заварилась стрѣльба. Чаще, чаще . . . Словъ команды не слышно . . .

Съ праваго фланга, изъ лощины вылетѣла лавой кавалерія, карьеромъ понеслась за отступающими, блестятъ на солнцѣ машущія шашки . . .

Мы идемъ быстро. Мы недалеко отъ станціи. Впереди, перебѣжавъ полотно, бѣгутъ уже безъ винтовокъ маленькія фигурки. Пулемет-

чикъ прилегъ къ пулемету, какъ застылъ. Пулеметъ захлопалъ, рвется впередъ. Маленькія фигурки падаютъ, бѣгутъ, ползутъ, остаются на мѣстѣ...

Мы на полотнѣ. Кругомъ безтолково трещатъ выстрѣлы. Впереди взяли плѣнныхъ. Подпор. К-ой стоитъ съ винтовкой на перевѣсъ — передъ нимъ молодой мальчишка кричитъ: «пожалѣйте! помилуйте!»

«А... твою мать! Куда тебѣ — въ животъ, въ грудь! говори...» бѣшенно-звѣрски кричитъ К-ой.

«Пожалѣйте, дяденька!»

Ах! Ах! слышны хриплые звуки, какъ дрова рубятъ, Ах! Ах! и въ тактъ съ ними подп. К-ой ударяетъ штыкомъ въ грудь, въ животъ стоящаго передъ нимъ мальчишку...

Стоны... тѣло упало...

На путяхъ около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущіе люди...

Еще поймали. И опять проситъ пощады. И опять звѣрскіе крики.

«Бѣги... твою мать!» Онъ не бѣжитъ, хватается за винтовку, онъ знаетъ это «бѣги»...

«Бѣги... а то!» — штыкъ около его тѣла, — инстинктивно отскакиваетъ, бѣжитъ, оглядываясь назадъ, и кричитъ дикимъ голосомъ. А по немъ трещатъ выстрѣлы изъ десятка винтовокъ, мимо, мимо, мимо... Онъ бѣжитъ... Крикъ. Упалъ, попробовалъ встать, упалъ и поползъ торопливо, торопливо, какъ кошка.

Уйдетъ! кричитъ кто-то, и подпор. Г-нь бѣжитъ къ нему съ насыпи.

«Я раненый! раненый!» дико кричитъ ползущій, а Г-нь въ упоръ стрѣляетъ ему въ голову. Изъ головы что-то летитъ высоко, высоко во всѣ стороны...

«Смотри, самые трусы въ бою, самые звѣри послѣ боя», говоритъ мой товарищъ.

Въ Выселкахъ на небольшой площади шумно галдятъ столпившіеся войска. Всѣ толкаясь лѣзутъ что-то смотрѣть въ центръ.

«Плѣнныхъ комиссаровъ видали?» бросаетъ проходящій офицеръ.

Въ центрѣ круга нашихъ солдатъ и офицеровъ стоятъ два человѣка, полувоенно, полуштатски одѣтые. Оба лѣтъ подъ сорокъ, оба типичные солдаты-комитетчики, у обоихъ растерянный, ничего не понимающій видъ, какъ будто не слышатъ они ни угрозъ, ни ругательствъ.

«Ты какой комиссаръ былъ?» спрашиваетъ офицеръ одного изъ нихъ.

— «Я, товарищъ...» — «Да, я тебѣ не товарищъ... твою мать!» оглушительно кричитъ офицеръ.

«Виноватъ, виноватъ, ваше благородіе...», и комиссаръ нелѣпо прикладываетъ руку къ козырьку.

— «А, честь научился отдавать!..»

«Знаете, какъ его поймали», разсказываетъ другой офицеръ, показывая на комиссара, «вся эта сволочь уже бѣжитъ, а онъ съ пулеметными лентами имъ навстрѣчу: куда вы, товарищи! что вы, товарищи! и прямо на насъ... А другой, тотъ ошалѣлъ и винтовку не отдаетъ, такъ ему полковникъ, какъ по мордѣ

стукнетъ... У него и нога одна штыкомъ проколота, когда брали — прокололи».

Вошли на отдыхъ въ угловой, большой домъ. Пожилая женщина вида городской мѣщанки, на смерть перепуганная, мечется по дому и всѣхъ умоляетъ ее пожалѣть.

«Батюшки! батюшки! бѣлье взяли. Да что же это такое! Я женщина бѣдная!»

«Какое бѣлье? что такое? кто взялъ?» вмѣшались офицеры.

Шт.-кап. Б. вытащилъ изъ сундука хозяйки пару мужскаго бѣлья и укладываетъ ее въ вещевой мѣшокъ. Межъ офицерами поднялся крикъ.

«Отдайте бѣлье! сейчасъ же!», «Какой вы офицеръ, послѣ этого!»

— «Не будь у васъ ни одной пары, вы бы другое заговорили!»

«У меня нѣтъ ни одной пары», «вы не офицеръ, а бандитъ», кричитъ молодой прапорщикъ. Бѣлье отдали...

Я вышелъ изъ дома. На дорогѣ стоятъ подводы. Прямо передо мной на одной изъ нихъ лежитъ кадетъ лѣтъ семнадцати. Лицо блѣдносинее, мертвенное. Черные, большіе глаза то широко открываются, то медленно опускаются вѣки. Воспаленный ротъ хватаетъ воздухъ. Онъ не стонетъ, не говоритъ.

Рядомъ съ подводой — сестра.

«Куда онъ раненъ, сестра?» Безнадежно махнула рукой:

«Въ животъ, шрапнелью».

Кадетъ закрылъ черные глаза, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, умираетъ.

Къ вечеру мы выходимъ за Выселки. Отошли версты четыре.

«Господа, большевики уже заняли Выселки. Смотрите, у завода какъ будто орудія», и не успѣлъ офицеръ сказать это, какъ блеснулъ огонекъ, ухнула пушка и возлѣ насъ рвется граната, другая, третья . . .

Обозныя телѣги метнулись, понеслись. Усталая за день пѣхота нервничаетъ, бѣжитъ къ насыпи жел. дороги — скрыться. Отступаемъ подъ взрывы, трескъ, вой гранатъ.

Въ восьми верстахъ, въ хуторѣ Малеванномъ расположились ночевать. Отъ нашей роты караулъ и секретъ въ степь. Усталые, ругая всѣхъ, идемъ. Темная ночь сровняла секретъ съ землей. Лежимъ. Тихо. Въ усталой головѣ бѣгутъ мысли о домѣ, воспоминанія о какихъ-то радостяхъ . . .

Но вотъ топотъ по дорогѣ. Силуэты конныхъ. По ночи ясно долетаетъ разговоръ . . . «Стой! кто идетъ?» — «Свой». — «Пропускъ?» — «Штыкъ». — «Проѣзжайте».

Кореновская.

Тихое, ясное утро. Мы вышли изъ Малеваннаго. Усталые отъ боевъ и переходовъ, всѣ хотятъ только одного: отдыха.

Идемъ степями. Скоро Кореновская. Гдѣ-то протрещали одинокіе выстрѣлы.

Къ командиру полка подъѣхали какіе-то конные, что-то докладываютъ. И сразу облетѣло

всѣхъ: Кореновская занята большевиками. Вмѣсто отдыха — опять бой.

Мы уже цѣпью идемъ по степи. Рвутся снаряды ихъ, уходятъ наши. Они пристрѣлялись, — шрапнель рвется на уровнѣ человѣческаго тѣла и немного впереди цѣпей. Лопнетъ бѣлое облачко и, какъ придавитъ цѣпь, — всѣ падаютъ. Сзади стонъ, кто-то раненъ. Сестра повела его подъ руку. Еще кто-то упалъ. Чаще съ злымъ визгомъ рвутся шрапнели, чаще падаютъ идущіе люди. Уже свистятъ пули, захлопали пулеметы. Мы залегли, наскоро окапываясь руками, а надъ нами низко, на аршинъ отъ земли, съ трескомъ, визгомъ лопаются шрапнели и маленькое, густое, бѣлое облачко расходится въ большое, легкое и подымается вверхъ.

Вотъ захлопалъ вдали пулеметъ. Вотъ снопомъ долетаютъ пули, визжатъ, визжатъ, ложатся впереди, ближе, ближе поднимается отъ нихъ пыль, какъ будто кто-то страшный съ воемъ дотягивается длинными щупальцами. Цѣпь прижимается, вжимается въ землю, «въ голову, въ голову, сейчасъ, сейчасъ . . .» Пулеметъ не дотянулся, пересталъ. Его смѣнилъ трескъ двухъ шрапнелей и вслѣдъ за нимъ изъ второй цѣпи донеслось жалобное «ой . . . ой . . . ой . . .»

Всѣ осторожно поворачиваютъ головы. Раненаго видно сразу: онъ уже не вжимается въ землю и лежитъ не такъ какъ всѣ . . .

Кто-то раненъ тамъ, гдѣ лежитъ братъ. Неужели онъ?

«Кравченко!» кричу я шопотомъ моему сосѣду, «узнай, ради Бога, кто раненъ и куда!» Кравченко не оборачивается. Мнѣ кажется, что онъ умышленно не слышитъ. «Кравченко!» кричу я громче. Онъ мотаетъ головой, спрашиваетъ слѣдующаго. — «Въ животъ», отвѣчаетъ мнѣ Кравченко.

«Кто, спроси, кто!» Доносятся жалобные стоны. Я оборачиваюсь. Да, конечно братъ лежалъ именно тамъ. Я увѣренъ. Въ животъ — стало быть смертельно. Чувствую, какъ кровь отливаетъ отъ головы. Путаясь летятъ мысли, громоздятся одна на другую картины... «вотъ я дома . . . вернулся одинъ . . . брата нѣтъ . . . встрѣчаетъ мать . . .» Та-та-та-та строчитъ пулеметъ, около меня тыкаются пули. Оглушительно рвется шрапнель, застилая облакомъ . . .

«Лойко раненъ!» кричитъ Кравченко.

Лойко — слава Богу, — стало легко . . . И тутъ же проносится: какая сволочь человѣкъ, радъ, что Лойко, а не братъ, а Лойко вѣдь сейчасъ умираетъ, а у него тоже и мать и семья . . .

«Тринадцать! часто!» кричитъ взводный Григорьевъ.

Я не понимаю. Въ чемъ дѣло? А онъ часто щелкаетъ затворомъ, стрѣляетъ, стрѣляетъ . . .

«Что же вы не стрѣляете! Наступаютъ же!» кричитъ Григорьевъ и лицо у него возбужденное, глаза большіе . . .

Я смотрю впередъ: далеко, колыхаясь, на насъ движутся густые цѣпи, идутъ и стрѣляютъ . . .

Какъ же я не замѣтилъ, проносится у меня... надо стрѣлять . . . затворъ плохо дѣйствуетъ... опять не почистилъ . . .

Кругомъ трещатъ винтовки . . .

«Отходить!» кричитъ кто-то по цѣпи . . . Что такое? Почему? . .

Всѣ встаютъ, отступаютъ, нѣкоторые побѣжали . . .

Отступленіе! Проиграли!

Но куда же отступать! Некуда вѣдь! Я иду, оборачиваюсь, стрѣляю въ черненькія фигурки, иду быстро, меня обгоняютъ . . .

Смѣшались! . . Какъ непріятно . . .

«Кучей не идите!» кричитъ кто-то . . . Сзади роемъ визжатъ, несутся пули, падаютъ кругомъ, шлепая по землѣ . . . Неужели ни одна не попадетъ въ меня? . . какъ странно, вѣдь я такой большой, а ихъ такъ много . . . Смотрю вправо, влѣво — всѣ отступаютъ . . . «Куда же вы, господа!» раздаются крики . . . «Стойте!» стойте! . .» раненаго Лойко бросили, онъ ползъ, но пересталъ . . . вотъ уже скоро наша артиллерія . . .

. . . Сзади черненькія фигурки что-то кричатъ . . . интересно: какія у нихъ лица . . ., вѣдь тоже — наши русскіе . . . навѣрно звѣри . . .

«Стойте же, господа!», «стойте... вашу мать!» кричатъ чаще . . . Кое-гдѣ останавливаются отдѣльные люди, около нихъ другіе, третьи . . .

Цѣпь неувѣренно замедляетъ шагъ . . . Все равно — вѣдь отступать некуда, лучше впередъ, будь что будетъ . . .

«Впередъ братцы! впередъ!» раздаются голоса. Двинулись впередъ одиночки, группами...

Крики ширятся, «впередъ! впередъ! . .» Вся цѣпь пошла. Даже далеко убѣжавшіе медленно возвращаются.

Что то мгновенно переломилось. Такъ же свистятъ пули, такъ же густо наступаютъ черненькія фигурки, но мы уже идемъ на нихъ, прямо на нихъ . . . ура! . . ура!

И вправо, и влѣво, вся цѣпь идетъ впередъ, выстрѣлы чаще, крики сильнѣй . . . «Ура! . .» «бей ихъ . . . мать!» «впередъ!»

Пошли, всѣ пошли — быстро. Лица другія — весело-звѣрскія, радостныя, раскраснѣвшіяся, глаза блестятъ. — Сходимся . . . Въ штыки . . . Все равно . . . впередъ! . . . ура! . . ура! . .

Почему же они не близятся? остановились?

Черненькія фигурки уже не кричатъ . . . стали . . . толпятся . . . дрогнули. «Отступаютъ! отступаютъ!» громово катится по цѣпи и всѣ бросились бѣгомъ . . . стрѣляютъ . . . бѣгутъ . . . штыки на перевѣсъ . . . лица радостныя . . . ура! . . ура! . . ура! . .

Вотъ пробѣжали наши окопчики. Бѣжимъ впередъ. Ничто не страшно. Вонъ лежитъ ихъ раненый въ синей курткѣ, навѣрное матросъ. Кто то стрѣляетъ ему въ голову, онъ дернулся и замеръ . . .

Впереди черненькія фигурки бѣгутъ, бѣгутъ, бросаютъ винтовки . . .

Вотъ уже ихъ окопы. Валяются винтовки, патронташи, хлѣбъ . . .

Какая стрѣльба! Ничего не слышно. Кричатъ прицѣлы! «Десять!» «Восемь!» «На мостъ! на мостъ!»

Мы бѣжимъ влѣво, на жел. дор. мостъ. Мостъ обстрѣливается пулеметомъ, но мы съ братомъ уже пробѣжали его, сбѣжали съ насыпи. Подъ ней вытянувшись лежитъ весь въ крови, черный, блѣдный солдатъ, широко открываетъ ротъ, какъ птица . . .

«А, сдыхаешь сволочь!» проносится у меня и тутъ же «Господи, что со мной?» Но это мгновенье. Все забылось. Мы бѣжимъ впередъ. Тррахъ! Что такое? Съ поѣзда бьютъ на картечь. Кто то упалъ и страшно закричалъ. Но это ничего. Надо только впередъ . . .

Впередъ некуда — уткнулись въ рѣку. Чортъ возьми! Зачѣмъ мы пошли на мостъ! Надо назадъ! Тррахъ! Взрывъ! Ударъ! Все кругомъ трещитъ. Съ поѣзда бьютъ на картечь! Опять упали раненые. Господа! Назадъ! Идти некуда! Бѣжимъ назадъ. Взрывы! Трескъ!

Съ поѣзда бьютъ часто, оглушительно . . .

На полотнѣ нашъ пулеметъ, за нимъ прапорщикъ-женщина Мерсье прижалась, стрѣляетъ по поѣзду и звонко кричитъ: «куда же вы?! зачѣмъ назадъ! . .»

Страшный ударъ. Убило бѣгущихъ пулеметчиковъ. Стонутъ лежащіе раненые: «возьмите, возьмите, ради Бога, господа, куда же вы??»

Одни быстро проходятъ мимо, какъ будто не замѣчая.

Другіе уговариваютъ: «ну, куда же мы возьмемъ? мы идемъ на новыя позиціи».

«Христіане что ль вы?!» надтреснуто кричитъ большой раненый корниловецъ.

«И правда? — возьмемъ, господа?» Беремъ вчетверомъ на жел. дор. щитъ, тяжело нести,

онъ стонетъ, нога у него раздроблена... «ой, братцы, осторожно, ой, ой!»

Отнесли къ будкѣ, сдали сестрѣ.

«Господа, надо найти кого-нибудь изъ начальниковъ». — «Здѣсь, на будкѣ ген. Марковъ, сходите». Иду.

На крыльцо выходитъ ген. Марковъ, въ желтой курткѣ по колѣно, въ большой текинской папахѣ, съ нагайкой.

«Въ чемъ дѣло?» Докладываю. «Зачѣмъ же вы зарывались, на мостъ лѣзть совсѣмъ не было надобности... Передайте, что положеніе прочное. Станица уже за нами. Бой идетъ по жел. дорогѣ. У васъ есть старшій, пусть ведетъ васъ къ вашимъ цѣпямъ. Догоняйте ихъ».

Мы перерѣзаемъ поле, идемъ по улицѣ станицы.

Вышли изъ боя — на душѣ стало мирно, хорошо. Возбужденность, подъемъ мгновенно исчезли. На смѣну имъ пришла мягкая, лѣнивая усталость, желаніе отдыха. Не хочется идти опять въ бой, въ шумы, въ крики, въ выстрѣлы...

Уже вечерѣетъ. За станицей молчаливо, понуро стоятъ наши баттареи. «Куда корниловцы пошли?» — «Вотъ такъ». Нашли свою роту. Она лежитъ въ цѣпи, примыкая флангомъ къ полотну жел. дороги. Легли и мы. Тяжелая, равнодушная усталость вяжетъ тѣло. Не хочется ни стрѣлять, ни наступать, ни окапываться. Хочется отдохнуть.

А пули свистятъ. Видны большевистскія цѣпи и далеко на полотнѣ ихъ бронированный

поѣздъ. Вяло трещатъ винтовки. Но вдругъ по цѣпи пролетѣла суета. Поѣздъ наступаетъ!

Съ бѣлымъ, вздрагивающимъ и расплывающимся надъ трубой дымкомъ поѣздъ увеличивается, увеличивается . . .

Цѣпь нервничаетъ. Люди встаютъ. Отступаютъ. Уже отошли за будку. А поѣздъ придвигается все ближе, ближе . . .

Приказъ: въ атаку на поѣздъ.

Усталость сковываетъ тѣло. Какъ не хочется идти въ атаку.

И что мы сдѣлаемъ.

А поѣздъ близится, съ него стрѣляетъ пулеметъ.

«Въ атаку!», «Ура!»

Цѣпь неувѣренно двинулась. Нѣсколько человѣкъ быстро идутъ впередъ, остальные вяло двигаются съ винтовками на перевѣсъ.

«Впередъ! впередъ!» Пошли быстрѣй. Выравниваются, кричатъ. Пошли . . .

Вотъ мы уже недалеко отъ поѣзда. Съ него вихремъ несутся пули . . . ура! . . ура! . . ура! . .

Что это!? Кто меня ударилъ по ногѣ. Какая боль! — я покачнулся, схватился за ногу... Кровь . . . Раненъ . . .

Недалеко, согнувшись, бѣжитъ братъ, кричитъ ура. Надо сказать ему.

«Сережа! Сережа!» — Не слышитъ . . .

Я опираюсь на винтовку, тихо иду назадъ къ будкѣ. Сзади летятъ, жужжатъ пули. «Сейчасъ еще разъ ранитъ, можетъ быть убьетъ», проносится въ головѣ. Нога ноетъ, какъ будто туго перетянута . . .

На будкѣ одна сестра. Около нея сидятъ, лежатъ, стоятъ раненые.

«Сестрица, перевяжите пожалуйста».

«Сейчасъ, сейчасъ, подождите, не всѣмъ сразу» спокойно отвѣчаетъ она.

«Вотъ видите, на позиціи я одна, а всѣ сестры гдѣ? имъ только на подводахъ съ офицерами кататься.»

Сестра перевязываетъ и ласково улыбается: «ну, счастливчикъ вы, еще бы полсантиметра и кость». Нога пріятно стягивается бинтомъ... Меня подъ руки ведутъ въ станицу. Уже легли сумерки. По обсаженной тополями дорогѣ ведутъ, несутъ раненыхъ. Вдали стучатъ винтовки, пулеметы, ухаетъ артиллерія . . .

На площади, въ училищѣ — лазаретъ. Помѣщеніе въ нѣсколько комнатъ завалено ранеными. Тускло свѣтятъ керосиновыя лампы. Въ воздухѣ виситъ непрекращающійся стонъ, нечеловѣческій, животный.

«Уууу-оой-аaaa . . .»

«Сестра, куда раненаго положить?» спрашиваютъ приведшіе меня.

«Ахъ, все равно, всѣ комнаты переполнены», отвѣчаетъ быстро проходящая сестра.

Я легъ. Полъ заваленъ людьми. Стоны не прекращаются. Тяжело. Болитъ нога. Засыпаю въ изнеможеніи . . .

Чуть брезжитъ свѣтъ, ползетъ въ окна. Въ комнатѣ тѣ же крики, стоны.

«Сестра, воды!», «Сестра, перевяжите!», сестра, я ничего не вижу! не вижу сестра! доктора позовите, умоляю!» кричитъ толстый ка-

питанъ. У него пуля прошла черезъ височныя кости и онъ ослѣпъ.

Двѣ сестры и плѣнный австріецъ вытаскиваютъ кого-то изъ комнаты. Руки волочатся по землѣ, голова свернулась. «Осторожнѣй, осторожнѣй» стонутъ раненые...

«Кого это?» — «Корнетъ Бухгольцъ — умеръ ночью...»

Умершихъ за ночь выносятъ, на ихъ мѣсто приносятъ новыхъ раненыхъ.

«Что же это такое... У меня шесть дней повязки не мѣняли! Сестра? Сестра!» полумычитъ раненый въ ротъ юнкеръ...

Рядомъ со мной лежитъ кадетъ лѣтъ шестнадцати. — У него разбита ключица, онъ тихо зоветъ доктора, сестру, но его никто не слышитъ за общимъ стономъ...

Три сестры не успѣваютъ ничего сдѣлать. Старыя раны гноятся, перевязки не перемѣнены, серьезныя раненія требуютъ доктора.

Докторовъ почему-то нѣтъ, а въ лазаретѣ ихъ 8 человѣкъ.

Кому же пожаловаться? — Только Корнилову.

Я пишу его адъютанту:

Любезный В. П.

«Я раненъ — лежу въ училищѣ. Считаю своимъ долгомъ просить Васъ обратить вниманіе генерала на хаосъ царящій съ лазаретѣ. Тяжело раненымъ недѣлями не мѣняютъ перевязокъ, раненые просятъ доктора — докторовъ нѣтъ...»

Раненый въ лицо прап. Крыловъ понесъ записку. Штабъ недалеко отъ училища, и не прошло 15 минутъ, какъ въ дверяхъ нашей

комнаты появилась гнѣвная фигура Корнилова. Около него: завѣдующій лазаретомъ, старшій врачъ . . .

Корниловъ что то говоритъ, рѣзко жестикулируя. Видно, что онъ негодуетъ.

Поднор. Долинскій подходитъ ко мнѣ: «я передалъ вашу записку и вотъ, видите, уже разноситъ . . .»

Усть-Лаба.

Въ Кореновской противъ насъ сражалось до 14 тысячъ большевиковъ, подъ командой извѣстнаго Сорокина. Выбитые изъ нея, они сосредоточились въ ст. Платнировской, слѣдующей по жел. дорогѣ, и ждали нашего наступленія. Неожиданно для нихъ мы свернули на Усть-Лабу. Съ ранняго утра на площади стоятъ запряженныя подводы. Около нихъ суетятся сестры. Выносятъ раненыхъ, укладываютъ, укрываютъ тряпками, одѣялами, купленными въ станицѣ.

Уже прошли строевыя части. Со скрипомъ тронулись одна за другой подводы. Стонутъ тяжело-раненые.

По степи, за станицей, лентой изогнулся обозъ. Тихо. Спокойно. Но вотъ сзади донесся далекій трескъ ружей, непріятно разорвавъ тишину степи. Смолкнетъ и опять затрещитъ.

Раненые волнуются. «Что такое въ арріергардѣ?», «Что такое?» спрашиваютъ блѣдныя взволнованныя лица, приподымаясь съ телѣгъ.

Обозъ тихо движется. Уже середина дня, а бой въ арьергардѣ не прекращается. Напро-

гивѣ, стрѣльба стала какъ будто ближе, чаще, настойчивѣе . . .

И впереди громыхнуло орудіе, вспыхнули дальніе разрывы, затрещали ружья и пулеметы.

Авангардъ столкнулся съ большевиками подъ Лабинской.

Обозъ сталъ. Раненые подымаются съ подводъ. «Сестра, узнайте, почему обозъ сталъ? сестра!» — «Развѣ вы не слышите, подъ Лабинской бой идетъ, вотъ и сталъ».

Впереди и сзади трещатъ выстрѣлы, ухаютъ орудія.

Обозъ волнуется. «Слышите, слышите, — приближается, слышите!» говоритъ молодому юнкеру съ раздробленной рукой капитанъ съ перебитыми ногами. Юнкеръ прислушивается: — «да, по-моему близится». Капитанъ нервно, безпомощно откинулся на подушку.

Впереди и сзади гудитъ раскатываясь артиллерія. Винтовки и пулеметы слились въ перекатывающійся трескъ. Зловѣщій гулъ близится къ обозу съ ранеными.

Подводы тронулись. «Что такое? Почему ѣдутъ?» стонутъ раненые.

Приказано по три повозки стать — сокращаютъ протяженность обоза. Стало быть, цѣпи отступаютъ. И тоска сжимаетъ сердце, тянетъ его глубоко, глубоко въ жуткую пропасть . . .

Изъ арріергарда идетъ небольшая часть вооруженныхъ людей. Лица озабоченныя, строгія.

«Ну что?», «какъ?» спрашиваютъ съ телѣгъ раненые.

«Ничего — насѣдаютъ, отбиваемъ», отвѣчаютъ спокойно идущіе.

Они отдѣлились отъ обоза и пошли влѣво, цѣпью по пашнѣ.

Глаза всѣхъ зорко слѣдятъ за ними. Вотъ они почти скрылись. Донеслось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ.

Стало быть и тамъ большевики. Обходятъ. Охватываютъ кольцомъ. Бой съ трехъ сторонъ. Впереди самый сильный. Тамъ не слышно перерывовъ — трескотня и гулъ сплошные.

Обозъ стоитъ на мѣстѣ нѣсколько часовъ и въ эти часы тысячи ушей напряженно прислушиваются къ гулу, вою, треску — впереди, съ боковъ, сзади; сотни блѣдныхъ лицъ приподымаются съ подводъ и большими, напряженными, тоскливыми глазами тревожно смотрятъ въ уходящую даль.

Вотъ впереди особенно ожесточенно затрещали выстрѣлы и трескъ сталъ постепенно, гулко удаляться, какъ будто волны уносили его.

«Слышите, слышите — удаляется! удаляется!» несется по подводамъ.

«Обозъ впередъ! обозъ впередъ!» послышались крики.

Тронули подводы, замахали кнутами возчики.

«Да скорѣй ты, скорѣй!» кричатъ раненые.

Но верховые не пускаютъ, машутъ нагайками, выравниваютъ обозъ въ одну линію.

Рысью ѣдетъ обозъ по мягкой дорогѣ. Впереди уносится вдаль гулъ выстрѣловъ, они уже не сплошные, съ перерывами.

Ясно: большевики отступили, наши занимаютъ станицу.

Вотъ уже и Усть-Лабинская. Громыхая пере-

ѣзжаемъ желѣзную дорогу, по ней разсыпалась наша цѣпь лицомъ къ тылу.

«Ну, какъ?!» спрашиваютъ съ подводъ.

«Какъ видите!» кричатъ изъ цѣпи, улыбаются, машутъ.

Некрасовская.

По зеленымъ, крутымъ холмамъ надъ рѣками Лабой и Кубанью раскинулась Усть-Лабинская бѣлыми хатами. На обрывистыхъ холмахъ повисли, вьются виноградники, мѣшаясь съ бѣлымъ цвѣтомъ вишень, яблонь, грушъ.

Въѣхали въ станицу. Остановились на улицахъ. Сестры бѣгутъ по хатамъ, покупаютъ молоко, сметану своимъ раненымъ.

Но здѣсь мы не останавливаемся — ѣдемъ дальше на Некрасовскую.

Поздній вечеръ. Подвода за подводой, скрипя, движутся въ темнотѣ. Раненые заснули тяжелымъ, нервнымъ сномъ. Изрѣдка тряхнетъ на выбоинѣ телѣгу, раздадутся стоны . . . и опять тихо . . .

Я проснулся. Темно. Тихо ползетъ подвода — по бокамъ черные силуэты домовъ. «Станичникъ, гдѣ мы?» — «Въ Некрасовскую пріѣхали», отвѣчаетъ старичокъ-казакъ.

Стало быть сейчасъ отдыхъ . . ., но меня что-то тяжело давитъ, какое-то тяжелое чувство... да, Сережа . . . гдѣ онъ? что съ нимъ?

Въѣхали на круглую площадь. Кучей столпились повозки. Шумъ. Крикъ. Распредѣляютъ раненыхъ по хатамъ. Въ темнотѣ межъ телѣгами ходятъ сестры. Снуютъ верховые...

«Да скоро что ли дадутъ хату!» кричитъ мой товарищъ по подводѣ.

«Борисъ Николаичъ! гдѣ вы?» отвѣчаетъ изъ темноты голосъ брата.

«Сережа, ты?!» — «Я!» — «Раненъ? куда?» — «Въ ногу, въ ступню, съ раздробленіемъ!»

Мы уже въ хатѣ. Нѣкоторые прыгаютъ на одной ногѣ. Другіе неподвижно сидятъ. З. хлопочетъ, устраиваетъ ужинъ. Пришли Варя и Таня, мѣняютъ перевязки.

Старуха хозяйка охаетъ, ворчитъ. «Что ты бабушка?» — «Охъ, да какъ что? Куда я васъ дѣну? Хата малàя, а вы всѣ перестрѣляны, какъ птицы какія».

«Ничего, бабушка, уляжемся».

Постелили соломы, шинели, улеглись и заснули.

На утро хозяйка успокоилась, разговорилась: «всякія я войны видала... помню еще какъ черкесовъ мирили, какъ на турку ходили...» — «А теперь вотъ, бабушка, своя на своихъ пошла». — «Поди жъ ты вотъ, пошла». — «Изъ-за чего жъ это, бабушка?» — «Да я жъ развѣ знаю, можетъ и есть изъ чего, а можетъ и нѣтъ — такъ все, зря».

Братъ разсказываетъ намъ о боѣ подъ Лабинской: «Насъ подъ самой станицей огнемъ встрѣтили. Мы въ атаку пошли, отбросили ихъ. Потомъ къ нимъ съ Тихорѣцкой эшелонъ подъѣхалъ — они опять на насъ. Тутъ вотъ бой здоровый былъ. Все-таки погнали ихъ и въ станицу ворвались. На улицахъ стали драться. Они частью къ заводу отступили, ча-

стью за станицу. Намъ было приказано за станицу не идти, а Нѣжинцевъ зарвался, повелъ, ну, которые на заводъ отступили и очутились у насъ въ тылу. Тутъ еще начали говорить, что обозъ съ ранеными отрѣзанъ. Мы бросились на заводъ — выбили. Они бѣжать въ станицу, а тамъ ихъ Марковскій полкъ штыками встрѣтилъ, перекололи. Здѣсь такая путаница была, чуть-чуть другъ друга не перестрѣляли . . . Изъ тюрьмы мы много казаковъ освободили. Часть большевики разстрѣляли передъ уходомъ, часть не успѣли». — «А плѣнныхъ много было?» — «Да не брали . . . Когда мы погнали ихъ за станицу, видимъ одинъ раненаго перевязываетъ . . . Капитанъ Ю. раненаго застрѣлилъ, а другого Ф. и Ш. взяли. Ведутъ — онъ имъ говоритъ, что мобилизованный, то, другое, а они спорятъ, кому послѣ разстрѣла штаны взять (штаны хорошіе были). Ф. кричитъ: смотрите, капитанъ, у меня совершенно рваные и ничего больше нѣтъ! А Ш. увѣряетъ, что его еще хуже . . . Ну, тутъ какъ разъ намъ приказъ на заводъ идти. Ш. застрѣлилъ его, бросилъ и штанами не воспользовались». — «Молодецъ, все-таки, Корниловъ!» перебиваетъ другой раненый, «еще станицу не заняли, а онъ уже влетѣлъ на станцію съ текинцами. Его казаки тамъ на ура подняли, качали». — «А въ Кореновской-то онъ что сдѣлалъ!» говоритъ кап. Р. «собственно и бой-то мы благодаря ему выиграли. Вѣдь когда наше дѣло было совсѣмъ дрянь, отступать начали, онъ цѣпи остановилъ, въ атаку двинулъ, а самъ съ текинцами и двумя орудіями

обскакалъ станицу и такой имъ огонь съ тыла открылъ, такую панику на «товарищей» навелъ, что они опрометью бѣжать кинулись . . .»

День мы отдыхаемъ въ Некрасовской. По станицѣ бьетъ большевистская артиллерія, по улицамъ во всѣхъ направленіяхъ свищутъ пули — это обстрѣливаютъ станицу выбитые изъ Некрасовской и Лабинской большевики, засѣвшіе подъ ней въ перелѣскахъ и болотахъ.

Нѣсколько разъ долеталъ похоронный маршъ. Хоронятъ убитыхъ и умершихъ. Похоронный маршъ звучитъ въ каждой станицѣ и на каждомъ кладбищѣ выростаютъ бѣлые кресты со свѣжими надписями.

Крестьянскими хуторами.

Еще съ вечера пошли строевыя части по выработанному маршруту. Но каждый шагъ надо брать съ боя.

Подъ Некрасовскую подошли сильныя части большевиковъ, поднялись крестьяне окрестныхъ хуторовъ.

Первый бой недалеко отъ Некрасовской, за переправу черезъ рѣку Лабу. Мосты разрушены. На противоположномъ берегу въ кустахъ засѣли большевики, не подпускаютъ добровольцевъ къ рѣкѣ, открывая частый, губительный огонь. А пробиться, уйти отъ Некрасовской — необходимо. Необходимо потому, что и сзади со стороны Усть-Лабинской давятъ большевики, подъѣзжая эшелонами изъ Екатеринодара.

Образуется кольцо и становится все уже.

Вечерѣетъ. Юнкерскій батальонъ пытается форсировать рѣку въ бродъ. Засѣвшіе въ кустахъ большевики отбиваютъ.

Уже ночь, темная, темная. Дорогъ каждый часъ, каждая минута. Добровольцы пускаются на хитрость. Нѣсколько смѣльчаковъ тихо крадутся къ темной, змѣящейся рѣкѣ. Булькнула вода, вошли, и тихо, тихо переходятъ. Берегъ. Условные выстрѣлы. Ура! Ура! побѣжали по берегу. Ура гремитъ съ другой стороны. Залпы! Залпы! Бѣгутъ къ рѣкѣ. — Большевики опѣшили, стрѣляютъ, смѣшались, побѣжали... Въ бродъ бросился батальонъ. Рѣка за добровольцами. Армія двинулась впередъ.

Утромъ тронулся обозъ изъ станицы... «Можно къ вамъ на телѣгу сѣсть», спрашиваетъ сестра и бѣжитъ около подводы. — «Садитесь, садитесь, сестрица». Она вскочила. «Охъ, устала, свою подводу потеряла».

Мы спускаемся съ крутого ската станицы. Догоняя насъ, рвутся послѣднія шрапнели. Но теперь всѣ спокойны — скоро не достанетъ. Вотъ одна близко лопнула. Вздрогнула сестра. — «Боитесь снарядовъ, сестра?» Она улыбается. — «Нѣтъ, снарядовъ я не боюсь», и немного помолчавъ, «а вотъ другого боюсь». — «Чего другого?» — «Не скажу», по лицу сестры пробѣгаетъ строгая тѣнь. — «Скажите, сестра». — «Вы были въ Журавской?» — «Нѣтъ». — «Ну, вотъ тамъ я испугалась, — тамъ комиссара повѣсили», сестра нервно дернула плечами, какъ отъ озноба, «я случайно увидѣла..., какъ его? Дорошенко что ли фамилія была?.. и главное онъ долго висѣлъ послѣ... и птицы

это вокругъ него . . . и вѣтромъ качаетъ . . . непріятно . . .»

По наскоро наведенному мосту переѣзжаютъ подводы Лабу и, переѣхавъ, несутся рысью по мягкой дорогѣ, догоняя голову обоза. Уже весь обозъ изогнулся по равнинѣ. Тихо ѣдемъ мимо большого пчельника. Съ подводъ спрыгиваютъ возчики, сестры, бѣгутъ за медомъ и вперегонку возвращаются на свои подводы. Зеленую степь накрыло голубое небо. Въ голубомъ просторѣ высоко, высоко, черными точками парятъ ястреба — плавно и безкрыло. Нѣтъ выстрѣловъ — не чувствуется войны.

Но вотъ впереди затрещало, бьетъ артиллерія. Подъ Киселевскими хуторами бой, долгій, упорный. Въ обозъ прибываютъ раненые — разсказываютъ: «здѣсь крестьянскіе хутора — такъ, всѣ встали, даже бабы стрѣляютъ; и чѣмъ объяснить? вѣдь пропусти они насъ — никого бы и не тронули, нѣтъ, поднялись всѣ».

Заняли хутора. Нигдѣ ни души. Валяются убитые. По улицамъ бродятъ, мыча, коровы, свиньи, летаютъ еще не пойманныя куры. Переночевали на подводахъ и утромъ выѣзжаемъ на Филипповскіе. Надъ селомъ подымается черными клубами дымъ, его лижетъ огонь красными языками. И скоро все село пылаетъ, разнося по степи сизыя тучи . . .

А впереди опять трескъ ружей, гулъ орудій. Опять мы въ кольцѣ. Идутъ мучительные часы ожиданій.

Изъ арріергарда требуютъ подкрѣпленій. Туда скачетъ текинскій конвой Корнилова — это

все, что можетъ дать главнокомандующій. Ушла въ бой музыкантская команда. Взяли всѣхъ способныхъ стрѣлять изъ обоза...

Только къ вечеру, вырвавшись изъ кольца, — заняли Филипповскіе. Здѣсь та же картина: Ни одного жителя, все какъ вымерло...

Свѣтятъ костры у телѣгъ, межъ нихъ ходятъ сестры, снуютъ верховые.

Какой-то крикъ! Кого-то хватаютъ, тащутъ. „Дай винтовку! винтовку!» дико кричитъ голосъ. Это казакъ-возчикъ сошелъ съ ума, его вяжутъ.

Ко мнѣ подходитъ полк. С., тихо разсказываетъ: «былъ я въ штабѣ — между Корниловымъ и Алексѣевымъ полный разладъ. Говорятъ, даже не здороваются. Слухи есть, что если придемъ въ Екатеринодаръ, армія распадется на двѣ: Корниловскую и Алексѣевскую». — «Изъ-за чего же это?» — «Все старое. Недавно Корниловъ отставилъ отъ командованія Гершельмана и другихъ еще. — Алексѣевъ и гвардейцы недовольны».

Собрались офицеры, обсуждаютъ: «Такъ кто же у Алексѣева останется, кучка гвардейцевъ? Всѣ же вѣдь уйдутъ къ Корнилову. Казаки всѣ до одного только за нимъ и пойдутъ».

Темно. Красными пятнами мерцаютъ костры, доносится тихая пѣсня:

«Мы дралися за Лабой
Бой былъ молодецкой...»

Раннимъ утромъ изъ Филипповскихъ выѣзжаютъ послѣднія подводы и опять все село застилается сизыми тучами. Сожгли. Недалеко

отъ него спустились въ лощину. Обозу приказано остановиться. Опять — бой кругомъ. Сегодня въ обозъ ведутъ, несутъ особенно много раненыхъ. Раненымъ на подводы раздаютъ винтовки.

Близится ружейный трескъ. Наши цѣпи отступаютъ.

Среди раненыхъ — паника. «Женя! Женя!» зоветъ хор. М., онъ раненъ въ шею, ноги и руки у него парализованы. «Застрѣли меня, если наши не выдержатъ, Женя, я прошу тебя, я знаю наше положеніе, а я ничѣмъ вѣдь пошевелить не могу».

Стрѣльба удаляется — наши цѣпи двинулись впередъ . . .

Изъ боя пришелъ Садовенъ. — «Ну, Корниловъ! что дѣлаетъ! Кругомъ пули свищутъ тучами, а онъ стоитъ на стогу сѣна, отдаетъ приказанія и никакихъ. Его адъютантъ, нач. штаба, текинцы просятъ сойти — онъ и не слушаетъ. Наши цѣпи отступать стали, онъ отъ себя всѣхъ текинцевъ послалъ остановить. Остановили — впередъ двинули . . . И Алексѣева видалъ, тоже совсѣмъ недалеко отъ цѣпей стоитъ. Его кучера сегодня убило . . .»

Раненые слушаютъ, перебивая нервными вопросами: «Ну, какъ теперь?», «наши не отступаютъ?» — «Нѣтъ, теперь ничего, двинулись впередъ, а было положеніе отчаянное. Ужъ больно ихъ много, тучи прямо . . .»

Разговоръ прерываютъ со свистомъ несущіеся надъ обозомъ шрапнели. Только къ вечеру вырывается обозъ изъ лощины, выѣзжаемъ въ степь, а вдали замолкаетъ стрѣльба.

Но что за шумъ впереди? что такое? Мгновенно нервное волненіе бѣжитъ по подводамъ, вытянулись лица, прислушиваются. Отъ головы обоза приближается, несется волной шумъ. Вотъ уже совсѣмъ близко — это ура. «Соединились съ Эрдели, съ Покровскимъ! [1]) передайте дальше», кричатъ съ передней подводы.

По обозу катится ура! . .

По ауламъ.

Мы ѣдемъ мимо какого-то селенія. «Что это такое, станичникъ? Аулъ что ли?» — «Аулъ».

Я смотрю на маленькія бѣлыя хатки и меня поражаетъ: почему не видно ни одного ни человѣка, ни животнаго. Замерли безжизненно дома. Вѣтеръ ударяетъ маленькими ставнями, подымаетъ солому на крышахъ.

Крошечный аулъ — мертвый.

«Станичникъ, аулъ брошенный что ли? Смотри, ни одного человѣка не видно». — «Перебитый», отвѣчаетъ казакъ, «большевики всѣхъ перебили . . .» — «Какъ такъ? Когда?» — «Да вотъ не больно давно. Напали на этотъ аулъ, всѣхъ вырѣзали. Тутъ народу мертваго что навалено было . . . и бабы и ребятишки и старики . . .» — «Да, за что же?» — «За что? У нихъ съ черкесами тоже война . . .»

---

[1]) Ген. Покровскій, бывшій шт.-кап., формировалъ съ Эрдели добровольческія части въ Екатеринодарѣ и, выбитый оттуда, соединился съ нами въ Кубанскихъ степяхъ.

— «Какія же это большевики, изъ Екатеринодара, иль мѣстные.» — «Всякіе были, больше съ хуторовъ — мѣстные . . .»

Мы проѣхали мертвый аулъ. Въ другомъ черкесъ разсказалъ, что изъ 300 съ лишнимъ жителей малаго аула болѣе 200 было убито большевиками. Оставшіеся въ живыхъ разбѣжались.

Уже темнѣетъ. Въѣзжаемъ на ночевку въ аулъ Нашухай. Расположились въ маленькой грязной саклѣ. Лежимъ на полу. Хозяинъ гостепріименъ, угощаетъ своими кушаньями, ставя ихъ на низкій, круглый столъ.

На утро, смѣнивъ казака-возчика черкесомъ, выѣзжаемъ дальше на низкорослыхъ, худыхъ черкесскихъ лошадяхъ.

Ѣдемъ по аулу. По холмамъ безпорядочно разбросаны сакли, крытыя соломой. Шпилемъ къ небу торчитъ старая, почернѣвшая мечеть. На улицахъ худой скотъ.

Бѣдная жизнь . . . бѣдная природа . . .

«И чего это большевики напали на черкесовъ? Народъ бѣдный, миролюбивый . . . А теперь черкесы имъ вѣдь не простятъ».

— «Да, черкесы поднялись теперь мстить. Изъ аула съ нами сколько поѣхало, на своихъ коняхъ, съ оружіемъ . . .»

Аулъ Гатлукай . . . тѣ же безпорядочно, безъ симметріи разбросанныя бѣдныя сакли, такая же рѣчужка бурливая и злая. Низкорослыя деревья. И старенькая мечеть . . .

Отдохнули немного и двинулись на ночевку въ Шенжи.

Шенжи больше другихъ напоминаетъ казачьи станицы. Дома просторнѣе, лучше. Улицы прямыя. Здѣсь размѣстился обозъ раненыхъ. Мы нашли просторную саклю: кое-какая городская обстановка, въ углу граммофонъ. Хозяева принимаютъ насъ радушно.

Пожилая черкешенка плача что-то разсказываетъ Танѣ и зоветъ ее посмотрѣть. «Что такое, Таня?» — «Проситъ сына перевязать, большевики штыками искололи».

Таня торопливо роется въ медицинской сумкѣ, что-то взяла и отправилась въ сосѣднюю комнату. Я пошелъ за ней.

Молодой черкесъ при видѣ ея завозился, приподнялся въ кровати. Мать заговорила съ нимъ по-черкесски. Онъ всталъ, поднялъ рубаху для перевязки.

Тѣло блѣдно-желтое. Во многихъ мѣстахъ черно-синія запекшіяся раны. Раны загноились.

Таня осторожно промываетъ ихъ, что-то шепча качаетъ головой и накладываетъ перевязки.

Четырнадцать ранъ и ни одной нѣтъ особенно большой. Кололи видимо, не убивая, а для удовольствія.

«За что же они васъ такъ?» невольно спрашиваю я.

«Бюржюй, говорятъ», отвѣтилъ черкесъ.

Его мать быстро, ломанно начала разсказывать, какъ большевики убивали и грабили въ аулѣ.

На другой день въ Шенжи — свиданье Корнилова съ генералами Эрдели и Покровскимъ.

На площади, около мечети гремитъ музыка, гудятъ войска.

Корниловъ говоритъ обращаясь къ черкесамъ. Черкесы стоятъ конной толпой съ развѣвающимся зеленымъ знаменемъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и звѣздой.

Внимательно слушаютъ они небольшого человѣка съ восточнымъ лицомъ. А когда Корниловъ кончилъ, раздались нестройные крики, подхваченные тушемъ оркестра . . .

Послѣ парада на вышкѣ минарета показался муэдзинъ, худой, черный. Долго слышались горловые выкрики его и отвѣтный гулъ черкесской толпы. Муэдзинъ призывалъ къ борьбѣ, къ оружію, къ мести за убитыхъ отцовъ и братьевъ.

Вечеромъ къ намъ зашелъ полк. С. «Корниловъ вамъ привѣтъ прислалъ». Я улыбнулся. «Нѣтъ серьезно. Я у него былъ сейчасъ. Спрашивалъ: какъ вашъ отрядъ? Весь, говорю, перебитъ, переранёнъ. А адъютантъ вашъ? — раненъ говорю. Передайте ему привѣтъ, скажите, буду въ лазаретѣ — разыщу».

Утромъ мы выѣхали изъ аула.

Ново-Дмитріевская.

Съ ночи погода измѣнилась. Пошелъ липкій, мокрый снѣгъ съ сильнымъ, колючимъ вѣтромъ. Стало холодно.

Вышли строевыя части. Растянулся по дорогѣ обозъ . . . Ѣхать долго. Только къ вечеру можемъ прибыть на ночевку въ ст. Калужскую.

Туда отправляютъ раненыхъ. Строевыя же части должны съ боемъ брать большую, богатую станицу Ново-Дмитріевскую.

Лепитъ мокрый снѣгъ. Дуетъ злой холодный вѣтеръ. Пѣхота идетъ вся бѣлая, сжавшаяся.

На подводахъ, — раненыхъ, кое-какъ прикрытыхъ разноцвѣтными тряпками, одѣялами, занесло снѣгомъ, онъ таетъ, течетъ вода . . . все мокрое . . . холодно.

Дорога испортилась. Подводы вязнутъ, застреваютъ. Худыя, слабосильныя лошади черкесовъ не въ силахъ вытянуть.

Къ вечеру морозитъ. Падающій снѣгъ замерзаетъ корой на одѣялахъ, перевязки промокли. Раненые лежатъ въ ледяной водѣ . . .

Упали первыя тѣни, тѣмнѣетъ, а Калужской не видно. Холодъ сковываетъ тѣло. Теплая хата кажется блаженствомъ . . .

Погода еще злѣе. Снѣгъ валитъ сизыми хлопьями... обозъ растянулся... въ темнотѣ нервныя крики: «да, подождите же!», «помогите подводу вытащить!» Но всѣ спѣшатъ. Никто не слышитъ. Никто не помогаетъ. Каждый погоняетъ своего возчика . . . скорѣе . . . до хаты . . . согрѣться.

Совсѣмъ темно. Мелькаютъ огоньки. Калужская. Подводы въѣхали въ станицу, размѣщаются сами, какъ попало. Нѣтъ ни начальниковъ, ни квартирьеровъ. Только сестры, грязныя, усталыя ходятъ по колѣна въ снѣгу по улицамъ, помогая раненымъ устроиться на ночлегъ.

Утромъ заговорили: подводы не всѣ! По-

ѣхали искать... Поздно. Восемнадцать раненыхъ замерзли...

Завязли подводы, упали слабыя лошади. Никто не помогъ: всѣ торопились.

А строевыя части свернули на Ново-Дмитріевскую. Мокрые до нитки, замерзшіе, продрогшіе — идутъ въ бой.

Темная ночь. Добровольцы обхватили станицу кольцомъ, наступаютъ. Летитъ снѣгъ, дуетъ вѣтеръ, хлюпаютъ промокшія ноги...

Марковскій полкъ уткнулся въ рѣку. Замялись. Но медлить нельзя — проиграется дѣло. А на рѣкѣ ледяная кора...

«Полкъ впередъ!» и ген. Марковъ первымъ шагаетъ въ бродъ. Идутъ въ бой черезъ ледяную рѣку, высоко въ темнотѣ держатъ винтовки...[1])

Перешли. Ударили. Во главѣ съ Корниловымъ ворвалась армія въ станицу. Сонные большевики, захваченные врасплохъ — взяты въ плѣнъ.

На другой день на площади строятъ семь громадныхъ висѣлицъ. На нихъ повѣсили семь захваченныхъ комиссаровъ.

Къ вечеру по Ново-Дмитріевской бьетъ сильная артиллерія. На станицу идутъ густыя, рѣшительныя цѣпи большевиковъ.

Темная ночь. Бой отчаянный. Мигаютъ ленты огней, трещатъ винтовки, гулко хлопаютъ пулеметы, зловѣще ухаетъ въ темнотѣ артиллерія.

---

[1]) Этотъ эпизодъ, какъ и нѣкоторые другіе, дали поводъ г. Маркову въ публичной лекціи въ Новочеркаскѣ назвать походъ Корнилова «ледянымъ», послѣ чего на Дону и Кубани это названіе утвердилось за походомъ.

Противники сходятся на сто шаговъ. Слышны команды обѣихъ сторонъ. Даже перекрикиваются:

«Ну, буржуи, сейчасъ васъ осѣдлаемъ!»

«Подождите, краснодранцы!..»

Большевики ведутъ отчаянныя атаки: Ново-Дмитріевскую имъ надо взять.

Добровольцы не сходятъ съ мѣста: Ново-Дмитріевскую имъ нельзя отдать.

Уже разсвѣтаетъ — большевики отбиты. Разсказываютъ, что красноармейцы закололи своихъ начальниковъ, уговорившихъ ихъ идти на Ново-Дмитріевскую.

Въ станицу пріѣхалъ обозъ, а строевыя части движутся дальше. Всѣхъ интересуетъ куда? Мнѣнія генераловъ раскололись. Корниловъ хочетъ брать Екатеринодаръ. Алексѣевъ — противъ этого. Но Корниловъ главнокомандующій и онъ ведетъ: къ Екатеринодару.

Вечеръ въ Ново-Дмитріевской. Въ дымной, маленькой хатѣ лежатъ раненые. Разговоры одни и тѣ же: кто убитъ? кто куда раненъ? вспоминаются бои, эпизоды.

Кто-то досталъ засаленную книжку Дюма «Chevalier de maison rouge», читаетъ вслухъ. Тускло горитъ свѣча, всѣ, слушая, задумались...

Входитъ Варя. Сапоги, платье — грязныя, видъ усталый, лицо заплаканное. «Варя, что съ вами? Варя?» Она падаетъ на столъ, громко рыдая. «Эрастъ убитъ! Эрастъ убитъ!» — «Быть не можетъ? Гдѣ?» — «Въ слободѣ Григорьевской». Варя плачетъ. Тихо, незамѣтно вытираютъ слезы раненые.

Немного успокоившись. Она разсказываетъ: «Они въ цѣпи лежали. Минервинъ раненъ былъ въ ногу, проситъ его вынести, а большевистскія цѣпи совсѣмъ близко. Говорятъ, подождите капитанъ, а онъ все проситъ... Эрастъ, вы его вѣдь знаете, съ Дрейманомъ взяли — понесли. Ихъ одной пулей, въ животъ обоихъ. Дреймана навылетъ, у Эраста застряла въ мочевомъ пузырѣ... Какъ онъ страдалъ». Варя опять заплакала. «Его въ хату принесли. Хата скверная, кровати даже нѣтъ. На столъ положили. Онъ все время о матери... кричитъ: мамочка милая, прости меня, мамочка помолись за меня... мамочка неужели ты не видишь — твой сынъ умираетъ... Меня вызвали изъ хаты. Я вернулась, а онъ уже умеръ... такъ, на столѣ...»

Эрастъ Ващенко. Мы вмѣстѣ учились, вмѣстѣ пріѣхали на Донъ. Онъ единственный сынъ. Одинокая мать — жила только его любовью.

Вспомнилась послѣдняя встрѣча съ нимъ въ аулѣ. Эрастъ былъ усталый, измученный: «какъ это все тяжело, какъ хочется отдохнуть», говорилъ онъ, «мнѣ кажется иногда, что я не выдержу больше...»

Теперь онъ зарытъ, какъ тысячи другихъ...

Подъ Екатеринодаромъ.

Части добровольческой арміи по нѣсколькимъ направленіямъ движутся къ Екатеринодару. На пути съ боемъ берутся станицы и

станціи. Прошли Георгіе-афинскую, какой-то аулъ. — Переправились черезъ Кубань, взяли Елизаветинскую и кольцомъ обложили столицу кубанскихъ казаковъ.

Обозъ подъѣхалъ къ Кубани. Не переправляется — расположился таборомъ по широкому, зеленому лугу. Дымятся костры. Пасутся лошади. Межъ телѣгъ ходятъ сестры: перевязываютъ, кормятъ раненыхъ.

На землѣ лежитъ группа штатскихъ. Къ ней подъѣзжаетъ на большомъ ворономъ конѣ М. В. Родзянко.

— «Что это за трупы?.. А! Родзянко и прочіе контръ-революціонеры...» Смѣется онъ густымъ, сильнымъ басомъ...

Издалека доносится гулъ боя.

Начался штурмъ Екатеринодара.

Весь день проходитъ въ ожиданьи. Вѣсти изъ боя какія-то странныя. Пріѣдетъ верховый, сообщитъ: Екатеринодаръ взятъ. По обозу несется ура. Ѣдетъ второй: не взятъ, наши отбиты съ большими потерями. Томительно тянется день, другой... Отъ Екатеринодара катится безпрерывный гулъ: штурмуютъ. Къ вечеру второго дня, по наведенному парому, обозъ медленно переправляется черезъ Кубань. Три подводы становятся на поромъ. Переплыли. И тихо ѣдутъ по узкой дамбѣ до дороги въ Елизаветинскую, отстоящую въ восьми верстахъ отъ Екатеринодара...

Обозъ раненыхъ размѣстился по станицѣ. Мы устроились въ церковной сторожкѣ, въ оградѣ церкви.

Большая комната застлана соломой. Подрядъ лежатъ раненые...

Утро. Третій день штурма. День голубой, теплый. Артиллерія гудитъ безъ всякаго перерыва. Ружья и пулеметы слились въ безпрестанный, перекатывающійся трескъ.

Раненые сидятъ на паперти церкви. Прислушиваются къ гулу боя, стараясь опредѣлить: близится иль нѣтъ? Ничего не поймешь. Какъ будто все на одномъ мѣстѣ...

Красная каменная церковь вся изстрѣляна снарядами. Старенькій сторожъ-казакъ показываетъ въ окнѣ церкви небольшой, написанный на стеклѣ, образъ Христа. Окно выбито снарядомъ. Кругомъ иконы — осколки гранаты и стекла, а образъ стоитъ нетронутымъ, прислонившись къ желѣзной рѣшеткѣ.

Вечерѣетъ. Гулъ не стихаетъ. Еще ожесточеннѣе, страшнѣе реветъ артиллерія. Какъ будто клокочетъ вуканъ...

— «Я Львовъ, Перемышль бралъ, — но такого боя не слыхалъ», — говоритъ раненый полковникъ. — «Они изъ Новороссійска 35 тяжелыхъ орудій подвезли и палятъ. Слышите... Залпами...» Артиллерія ухала тяжелыми, страшными залпами, какъ будто что-то громадное обрывалось и падало...

Старенькій священникъ прошелъ въ церковь. Великопостная всенощная. Полумракъ. Пахнетъ свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и ладаномъ. Мерцаютъ желтые огоньки тонкихъ свѣчей. Священникъ читаетъ тихимъ голосомъ. Поютъ. Молятся раненые. Плачутъ склонившіяся женщины-казачки.

А со стороны Екатеринодара реветъ артиллерія... Ухнетъ страшный залпъ. Содрогнется маленькая церковка и всѣ люди въ ней.

Темнѣетъ. Раненые въ сторожкѣ укладываются спать. Изъ боя пришли Варя и Таня. Варя упала на солому. Обѣ плачутъ. «Рота разбита, Саша убитъ, Ежовъ убитъ, Мошковъ умираетъ. Ходили въ атаку наши, но ихъ отбили, всю роту перебили. Изъ-за каждаго шага бьются, то наши займутъ ихъ окопы, то они — наши. Вчера, во время боя, мы своихъ раненыхъ все подъ стога сѣна складывали, а къ вечеру насъ отбили, раненые остались между линіями, ближе къ нимъ. Ночью видимъ — стога пылаютъ. Стоны, крики слышны. Сожгли нашихъ раненыхъ».

Тяжелая ночь — почти безъ сна. Прибываютъ, прибываютъ раненые. Мѣста нѣтъ нигдѣ. Сторожка завалена. Кладутъ снаружи. Одолѣваетъ дремота. Но нѣтъ силъ уснуть. Раненая въ грудь сестра задыхается, кричитъ: «воздуха! воздуха! не могу! не могу!» Ее понесли изъ комнаты... Стоны, стоны, и опять крики сестры...

Голубое утро. Опять всѣ лежатъ, сидятъ въ оградѣ. Бой реветъ по-прежнему. Четвертый день штурмуютъ городъ. Большевики сопротивляются, какъ нигдѣ. Укрѣпились, окопались, засыпаютъ снарядами. Наша артиллерія молчитъ. Почти нѣтъ снарядовъ. Подымаются цѣпи за цѣпями. Идутъ атаки за атаками. Пѣхоту смѣняетъ кавалерія. Отчаянно дерутся за каждый шагъ.

Ѣдутъ верховые, сообщаютъ новости. Добро-

вольцы заняли часть города, дошли почти до центра. Бой идетъ на улицахъ. Мобилизованные казаки — плохо дерутся. У нихъ матросы и тоже пластуны-казаки сопротивляются отчаянно.

Привезли раненую сестру, большевистскую. Положили на крыльцѣ. Красивая дѣвушка съ распущенными, подстриженными волосами. Она ранена въ тазъ. Сильно мучится. За ней ухаживаютъ наши сестры. Отъ нея узнали, что въ Екатеринодарѣ женщины и дѣвушки пошли въ бой, желая помогать всѣмъ раненымъ. И наши видали, какъ эта дѣвушка была ранена, перевязывая въ окопѣ и большевиковъ и добровольцевъ.

Опять вечеромъ тихая великопостная служба. Опять тихо читаетъ Евангеліе старенькій священникъ, а церковь вздрагиваетъ отъ залповъ артиллеріи... Всѣ молятся, можетъ быть, какъ никогда.

31 марта. Пятый день безпрерывнаго гула, треска, взрывовъ.

Потери добровольцевъ стали громадны. Снарядовъ нѣтъ. Обозъ раненыхъ удвоился. Подъ Екатеринодаромъ легли тысячи. Мобилизованные казаки сражаются плохо, нехотя. А сопротивленіе большевиковъ превосходитъ всякія ожиданія. Сдѣланныя ими укрѣпленія — сильны. Ихъ артиллерія засыпаетъ тяжелыми снарядами. Они бьются за каждый шагъ, отвѣчая на атаки контръ-атаками . . .

Добровольцы охватили городъ кольцомъ, оставивъ большевикамъ лишь узкій проходъ. Но теперь, на пятый день боя, кольцо добро-

вольцевъ охватывается наступающими съ разныхъ сторонъ войсками большевиковъ, спѣшащими на выручку Екатеринодара.

Бой съ фронта. Бой съ тыла.

Каждый часъ несетъ громадныя потери. Подкрѣпленій ждать неоткуда. Положеніе добровольцевъ грозитъ катастрофой.

Яркое солнце. Веселое утро. Но сегодня всѣ особенно тревожны. Что-то носится неріятное, страшное. Какъ будто каждый что-то скрываетъ...

Знакомый текинецъ понесъ изъ церкви аналой... Подходитъ блѣдный, взволнованный капитанъ Ростомовъ. — «Ты ничего не знаешь?» — «Нѣтъ. Что?» — «Корниловъ убитъ», глухо говоритъ онъ: «но, ради Бога, никому не говори, просятъ скрывать...»

Куда-то оборвалось, покатилось сердце, отлила кровь отъ головы. Нельзя повѣрить!..

Около церкви, возлѣ маленькой хаты — текинскій караулъ. Входятъ и выходятъ немногія фигуры. Въ хатѣ въ простомъ гробу лежитъ блѣдный трупъ Л. Г. Корнилова. Кругомъ немного людей...

«Лавръ Георгіевичъ! Лавръ Георгіевичъ!» грузно упавъ на колѣно рыдаетъ Родзянко. Плачутъ немногіе раненые, часовые текинцы. Вдали грохочутъ, гремятъ раскаты артиллеріи, стучатъ пулеметы...

На улицѣ — адъютантъ Корнилова, подпоручикъ Долинскій — «Викторъ Ивановичъ! Скажите... когда же это?.. какъ?..» Онъ разсказываетъ: — «Вы знаете — штабъ былъ въ хатѣ на открытомъ полѣ. Ужъ нѣсколько

дней онъ велъ пристрѣлку, и довольно удачно... Мы говорили генералу. Онъ не обращалъ никакого вниманія... «Хорошо, послѣ». Послѣдній день кругомъ все изрылъ снарядами... поняли, что здѣсь штабъ, подъѣзжаютъ вѣдь конные, съ донесеніями, толпятся люди. Ну, вотъ одинъ изъ такихъ снарядовъ и ударилъ прямо въ хату, въ комнату, гдѣ былъ генералъ. Его отбросило объ печь. Переломило ногу, руку. Мы съ Хаджіевымъ вынесли на воздухъ. Но ничего ужъ сдѣлать нельзя было. Умеръ, ни слова не сказалъ, только стоналъ»...

— «Кто же замѣнитъ?» — «Деникинъ принялъ командованіе. Вечеромъ отступаемъ отъ Екатеринодара».

Страшная новость облетѣла обозъ. У всѣхъ вырвала изъ души послѣднюю надежду. Опустились руки. Послѣ такихъ потерь. Почти въ кольцѣ. Безъ Корнилова. Смерть командующаго стараются скрыть отъ строевыхъ частей. Боятся разложенія, паники, разгрома...

Вечеръ пятаго дня. Въ дымную, заваленную ранеными сторожку входитъ обозный офицеръ. — «Господа! Укладываться на подводы. Только тяжело-раненыхъ просятъ сначала не ложиться. Легко-раненыхъ нагрузятъ, отвезутъ, переложатъ на артиллерійскія повозки, тогда пріѣдутъ за тяжело-ранеными»... Сестра почему-то настаиваетъ скорѣе укладываться и уѣзжать...

Вышли въ ограду. На паперти — священникъ. — «Батюшка, вы отпѣвали Корнилова?» — Онъ замялся, и лицо у него жалкое.

— «Я . . . я . . . не говорите вы только никому объ этомъ . . . скрывайте . . . Узнаютъ войска, вѣдь не дай Богъ, что можетъ быть. Ахъ, горе, горе, человѣкъ-то какой былъ, необыкновенный . . . Онъ жилъ у меня нѣсколько дней, удивительный прямо. Много вы потеряли, много. Теперь уйдете, съ нами что будетъ . . . Господи . . . придутъ они, завтра же, разорятъ станицу . . .»

Мнѣ показалось въ темнотѣ, что священникъ заплакалъ. — «Благословите, батюшка»... — «Богъ васъ храни, дорогой мой», благословилъ и обнялъ меня священникъ.

Въ темнотѣ на улицѣ укладываютъ раненыхъ. Шумъ. Говоръ. Издалека доносится гулъ боя, то стихая, то разразстаясь . . .

Легли всемеромъ на подводу. Сестра шепчетъ: «Тяжело-раненыхъ бросаютъ вѣдь въ Елизаветинской. Это нарочно говорятъ про артиллерійскія повозки, ихъ оставляютъ здѣсь, обозъ сокращаютъ . . .»

Я забылъ въ сторожкѣ поясъ. Тихо слѣзъ съ подводы, вошелъ въ комнату. Слабый свѣтъ. Маленькая лампа коптитъ. На смятой соломѣ, кажется, никого, — нѣтъ, въ углу кто-то стонетъ, тихо, тихо. Подошелъ. Кто-то лежитъ навзничь, вытянувшись. Желтый свѣтъ тускло скользитъ по блѣдному лицу, оттѣненному черными волосами. Это кадетъ. Я его знаю. Онъ раненъ въ грудь . . . «Всѣ уѣхали... бросили... За нами пріѣдутъ?» черезъ силу застоналъ раненый . . . — «Пріѣдутъ, пріѣдутъ», вылетаетъ у меня: «насъ переложатъ на артиллерійскія»... — «Ооохъ... ооой...» Тихо стонетъ кадетъ...

Лампа догорала. Въ комнату ползли жуткія, черныя тѣни. Кадетъ оставался въ темнотѣ, ждать расправы.

Всѣ улицы запружены подводами. Скрипятъ телѣги. Фыркаютъ лошади. Запрещено курить и говорить. Ѣхать приказано рысью.

Выѣхали за станицу. Обозъ быстро, торопливо движется въ темнотѣ.

— «Триста раненыхъ бросили, большевикамъ на расправу. Нѣтъ, при Корниловѣ этого никогда бы не было», говоритъ раненый капитанъ: «вѣдь это на вѣрное истязаніе».

— «Заложниковъ взяли, говорятъ. И съ ними докторъ и сестры остались», отвѣчаетъ Таня . . .

Ѣдемъ въ темнотѣ . . .

Часть третья.

Отъ Екатеринодара до Новочеркасска.

Колонка.

Всю ночь ѣдетъ рысью обозъ. Надо быстрѣе и дальше отступить отъ Екатеринодара, можетъ быть погоня.

Свѣтаетъ. Проѣзжаемъ какую-то станицу. Мимо, обгоняя обозъ, на легкой телѣжкѣ ѣдетъ ген. Алексѣевъ, видъ усталый, склонился на мѣшокъ, спитъ.

Только къ вечеру останавливаемся мы на опушкѣ лѣса. Здѣсь идетъ переправа черезъ рѣку. И недалеко за ней въѣзжаемъ въ нѣмецкую колонію . . . Бѣлые, крытые черепицей домики, чистыя улицы, пивоваренный заводъ, Bierhalle, люди хорошо одѣты . . .

Вошли въ домъ, биткомъ набились въ маленькую комнату. Усталые, голодные, нервноизмученные. Впереди — никакой надежды: строевыя части уменьшились до смѣшного, корниловскій полкъ сведенъ въ одну роту; съ другими полками почти тоже; снарядовъ нѣтъ, патроновъ нѣтъ; казаки разбѣгаются по домамъ, не желая уходить отъ своихъ хатъ. Настроеніе тревожное, тяжелое . . .

«Господа! выстрѣлы! слышите!» говоритъ кто-то. И всѣ вышли изъ хаты.

Донеслись выстрѣлы. Прожужжала и лопнула надъ улицей шрапнель.

Нагнали насъ. Наступаютъ.

Всѣхъ могущихъ собираютъ въ бой. Люди — какъ тѣни. Ни спали, ни ѣли, въ безпрестанномъ нервномъ напряженіи. Лѣниво, устало идутъ въ бой и каждый знаетъ: тяжело ранятъ — не возьмутъ, бросятъ.

Трещитъ стрѣльба, рвутся снаряды.

Колонка малая. Всѣ скучились на главной улицѣ. Все лишнее приказано уничтожить, обозъ сократить до минимума.

Къ рѣкѣ везутъ орудія, ломаютъ ихъ, топятъ. Въ пыли на дорогѣ валяются изломанные, смятые духовые инструменты. Разбиваютъ повозки. Выбрасываютъ вещи . . .

А стрѣльба охватываетъ Колонку кольцомъ.

Прислушиваясь къ гулу боя, сидимъ въ хатѣ. На душѣ тяжелая тревога. Входитъ матросъ Баткинъ, блѣдный, возбужденный, съ нимъ — докторъ французъ. О чемъ-то оживленно говорили съ сестрой Дюбуа и ушли . . .

«Діана Романовна! что говорилъ Баткинъ?» спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ. Она взволнована: «господа, положеніе отчаянное; большевики охватили насъ, снарядовъ нѣтъ, патроновъ нѣтъ, ген. Романовскій говорилъ, что посылаютъ къ большевикамъ делегацію». — «Сдаваться?!» — «Да что же дѣлать? Баткина, кажется, посылаютъ... деньги вѣдь есть большія, золотой запасъ . . . имъ отдадутъ — будутъ говорить о пропускѣ». — «О пропускѣ? Да о чемъ они съ нами будутъ говорить, когда они сейчасъ же возьмутъ насъ голыми руками и всѣхъ перерѣжутъ . . .»

Бой идетъ совсѣмъ близко. Паника разра-

стается. Уже всѣ говорятъ о сдачѣ, передаются нелѣпые слухи. Раненые срываютъ кокарды, погоны, покупаютъ, крадутъ у нѣмцевъ штатское платье, переодѣваются, хотятъ бѣжать, и всѣ понимаютъ, что бѣжать некуда и что большевики никого не пощадятъ.

Трогаются безъ приказанія подводы. Лица взволнованныя, вытянутыя, блѣдныя. «Да подождите же! куда вы поѣхали!» кричитъ раненый, ослѣпшій капитанъ. Онъ побѣжалъ за подводой, споткнулся о бревно, съ размаха падаетъ, застоналъ. Его подымаютъ: «вставайте, капитанъ». Не встаетъ, молчитъ... «Разрывъ сердца», говоритъ подошедшій докторъ.

Стемнѣло. Паника какъ будто уменьшилась — всѣ примирились съ неизбѣжнымъ концомъ...

«Обозъ впередъ!» вдругъ раздаются крики.

Куда? — Неужели пробились? Быть не можетъ?

Но мы уже выѣхали за Колонку и за бугромъ на мягкой дорогѣ обозъ вытянулся въ линію.

Артиллерія замѣтила — бьетъ залпами.

Въ темнотѣ, бороздя черное небо, со свистомъ, шуршаньемъ летятъ, близятся и высоко рвутся семь огней шрапнели.

«А красиво, все-таки», тихо говоритъ товарищамъ по подводѣ раненый.

Старый возчикъ обернулся: «какая тутъ красота — страхъ одинъ».

Всѣ смолкли.

Далекій выстрѣлъ... летитъ... летитъ... по насъ... нѣтъ, впереди... черезъ подводу...

трраxъ! взрывъ! и кто-то жалобно, жалобно стонетъ.

Капитанъ слѣзъ посмотрѣть: разбило подводу, упали лошади, казаку-возчику оторвало ноги.

«Да приколите же его!» нервно кричитъ раненый съ сосѣдней телѣги.

«Сами приколите!» раздраженно и зло отвѣчаетъ другой голосъ.

«Тише, господа, не шумите! вѣдь приказано не говорить!»

Всѣ замолчали, только возчикъ съ оторванными ногами стонетъ по прежнему...

Вдругъ артиллерія смолкла. Изъ далекой темноты донеслись дикіе, неясные крики. «Ура! слышите, Ура! Атака! Атака!» взволнованно заговорили на подводахъ, завозились, подымаются.

«Не волнуйтесь, господа, это наши черкесы атаковали артиллерію», вполголоса говоритъ проѣзжающій верховой.

Ура оборвалось. Стало тихо. Какъ будто ничего и не было. Въ степи, далеко трещатъ кузнечики. Съ черно-синяго купола неба прямо въ глаза глядятъ золотыя звѣзды. На подводахъ тихій разговоръ: «Сережа! видишь Большую медвѣдицу?» — «Вижу..., а вонъ Геркулесъ». — «Геркулесъ, а я вотъ возчика вспомнилъ», говоритъ, сворачиваясь подъ одѣяломъ Крыловъ, «вѣдь всего на одну подводу насъ-то пролетѣла». — «Да... на одну..., онъ уже не стонетъ, должно быть умеръ».

Обозъ тронулся. Дуетъ вѣтерокъ, то теплый, то холодноватый.

Медвѣдовская.

Ночь темная. Тихо поскрипывая, черной лентой движется въ темнотѣ обозъ. Рядомъ проѣзжаютъ верховые, — вполголоса, взволнованно говорятъ: «господа, приказано — ни одного слова, и не курить ни подъ какимъ видомъ — будемъ пробиваться черезъ желѣзную дорогу».

Въ эту ночь подъ Медвѣдовской рѣшится судьба. Вырвемся изъ кольца желѣзныхъ дорогъ — будетъ хоть маленькая надежда куда-нибудь уйти. Не вырвемся — конецъ.

Обозъ ѣдетъ, молчитъ, притаился. Только поскрипываютъ телѣги, да изрѣдка фыркаютъ усталыя лошади . . .

Далеко на востокѣ темноту неба начали разрѣзать сѣро-синія полосы.

Идетъ разсвѣтъ. Вдругъ тишину разорвалъ испуганный выстрѣлъ и всѣ остановились. Смолкло . . . другой . . . третій . . . Стрѣльба. Сначала неувѣренная, но вотъ чаще, чаще. Трескъ ширится. Громыхнула артиллерія, гдѣ-то закричали ура, съ остервѣненіемъ сорвались и захлопали пулеметы . . .

Всѣ приподнялись съ подводъ, глаза впились въ близкую темноту, разрѣзаемую огненными цѣпочками и вспышками, холодная, нервная дрожь бѣжитъ по тѣлу, стучатъ зубы . . .

Прорвемся или нѣтъ?

«Артиллерія впередъ! Передайте живѣй!» кричатъ спереди.

«Артиллерія впередъ!» несется по обозу и орудія карьеромъ несутся по пашнѣ . . .

Бой гремитъ. Взрывы, — что-то вспыхнуло, загорѣлось, затрещало. Это взорвались вагоны съ патронами — горятъ сильнымъ пламенемъ, трещатъ, заглушая стрѣльбу.

«Господа! ради Бога, скорѣй! снаряды изъ вагоновъ вытаскивать! Кто можетъ! бѣгите! вѣдь это наше спасеніе! господа, ради Бога!» кричитъ по обозу полковникъ Кунъ.

Раненые зашевелились, кто можетъ, спускаются съ телѣгъ, хромаютъ, ковыляютъ, бѣгутъ впередъ — вытаскиваютъ снаряды.

Уже свѣтаетъ. Ясно видны горящіе пламенной лентой вагоны. Кругомъ нихъ суетятся люди, отцѣпляютъ, вытаскиваютъ снаряды. И тутъ же трещатъ винтовки, клокочутъ пулеметы . . .

Вдали ухнули сильные взрывы — кавалерія взорвала пути.

Обозъ впередъ! рысью!

Обозъ загалдѣлъ, зашумѣлъ, двинулся . . .

Прорываемся.

Вотъ уже мы рысью подлетѣли къ желѣзной дорогѣ. Здѣсь лежатъ наши цѣпи, отстрѣливаются направо и налѣво. Стучатъ пулеметы. Наши орудія бьютъ захваченными снарядами. А обозъ летитъ въ открытыя маленькія воротца, вырываясь изъ страшнаго кольца . . .

Свищутъ пули, падаютъ раненые люди и лошади. На путяхъ толпятся, кричатъ, бѣгутъ.

По обѣимъ сторонамъ лежатъ убитые. Вонъ лошадь и возлѣ нея, раскинувши руки и ноги, офицеръ во френчѣ и галифе.

Но на мертвыхъ не обращаютъ вниманія. Еле-еле успѣваютъ подхватить раненыхъ. Подъ

взрывы снарядовъ, свистъ дождя пуль, съ крикомъ, гикомъ перелѣтаетъ желѣзную дорогу обозъ и карьеромъ мчится къ станицѣ.

Уже въѣхали въ Медвѣдовскую. Заполонили улицы, бѣгутъ по дворамъ за ѣдой, и съ молокомъ, сметаной, хлѣбомъ догоняютъ свои подводы.

Сзади стрѣльба утихаетъ. — Быстро ѣдетъ обозъ по полю на Дядьковскую. Уже не молчатъ, а шумно разговариваютъ раненые. Но скоро усталые, мечтая объ отдыхѣ, дремлютъ, засыпаютъ на подводахъ.

Степь далекая, далекая, зеленая . . .

Откуда-то пробуетъ догнать насъ артиллерія, взрывая землю черными воронками, но далеко, не достать.

Дремлется. На подводѣ Таня разсказываетъ о религіозныхъ праздникахъ въ Персіи . . .

Въѣхали въ Дядьковскую. Оказывается сегодня праздникъ. Народъ нарядный. На окрапну высыпали ребятишки. Мальчики въ разноцвѣтныхъ бешметахъ, дѣвочки въ яркихъ платкахъ. Смотрятъ на насъ удивленными большими глазами, потомъ что-то кричатъ намъ и бѣгутъ вприпрыжку за подводами . . .

Нашли хорошую бѣлую хату. Вся въ саду. А садъ цвѣтетъ бѣло-розовымъ, пышнымъ цвѣтомъ. Лежимъ подъ яблонями около низенькаго столика. На столѣ шипитъ самоваръ . . .

«Ну, Таня, продолжайте о Персіи. Какъ этотъ праздникъ-то называется?»

Таня разсказываетъ. Солнце льется сквозь листву. Хорошо. Отдыхаемъ . . .

Изъ боя пришелъ товарищъ, его обступили:

«разскажи, какъ это мы вырвались то?» — «Самъ не знаю. Марковъ все дѣло сдѣлалъ. Онъ съ своимъ полкомъ вплотную подошелъ къ станціи, пути разобрали, орудіе прямо къ полотну подвезли. Ихъ войска въ поѣздахъ были. Подъѣхалъ такой поѣздъ, наши по нему прямой наводкой какъ дадутъ! Огонь открыли и на ура пошли. Марковъ первый на паровозъ вскочилъ — къ машинисту. Тотъ: товарищъ, товарищъ! а онъ, коли, кричитъ, его въ пузо . . . его мать! Тутъ ихъ стали потрошить, бабы съ ними въ поѣздѣ были, перебили ихъ здорово. Они отъ станціи побѣжали, но скоро оправились, недалеко засѣли, огонь открыли. Тутъ вотъ долго мы съ ними возились. А обозъ тѣмъ временемъ проскочилъ . . . У нашихъ тоже потери большія. А Алексѣева видали? Прямо у полотна стоялъ подъ пулями . . . Ну, хорошо, что подъ Медвѣдовской хоть снарядовъ и патроновъ захватили, а то совсѣмъ бы былъ конецъ».

Рядъ станицъ.

Ѣдемъ степями изъ Дядьковской. Выстрѣловъ нѣтъ, тихо. Обозъ пріостановится, отдохнетъ и снова ѣдемъ рысью по мягкой дорогѣ.

Люди перебѣгаютъ съ подводы на подводу, разсказываютъ новости . . .

«Корнилова здѣсь похоронили». — «Гдѣ?» — «Въ степи, между Дядьковской и Медвѣдовской. Хоронили тайно, всего пять человѣкъ было. Рыли могилу, говорятъ, плѣнные

красноармейцы. И ихъ разстрѣляли, чтобы никто не зналъ».

— «А въ Дядьковской опять раненыхъ оставили. Около двухсотъ человѣкъ, говорятъ. И опять съ докторомъ, сестрами». — «За нихъ заложниковъ взяли съ собой». — «Для раненыхъ не знаю что лучше», перебиваетъ сестра, «вѣдь нѣтъ же бинтовъ совсѣмъ, іоду нѣтъ, ничего... Ну, легкія раны можно всякими платками перевязывать, а что вы будете дѣлать съ тяжелыми? Итакъ уже газовая гангрена началась». — «Это что за штука, сестра?» — «Ужасная... Она и была-то, кажется, только въ средніе вѣка». —

— «А въ Елизаветинской, мнѣ фельдшеръ разсказывалъ, когда раненые узнали, что ихъ бросили, одинъ чуть доктора не убилъ. Фельдшеръ въ послѣдній моментъ оттуда уѣхалъ съ двумя брошенными, такъ говоритъ: тамъ такая паника была среди раненыхъ...»

— «Здѣсь съ ранеными матросъ Баткинъ остался». — «Не остался собственно, а ему командованіе приказало въ 24 часа покинуть «предѣлы» арміи». — «За что это?» — «За лѣвость очевидно. Вѣдь его ненавидѣли гвардейцы. Онъ при Корниловѣ только и держался...»

Ѣдемъ. Все та же степь безъ конца, зеленая, зеленая...

Три вооруженныхъ казака ведутъ мимо обоза человѣкъ 20 заложниковъ, видъ у нихъ оборванный, головы опущены.

«А, комыссары!» кричитъ кто-то съ подводы. «Смотрите-ка, среди нихъ попъ!» — «Это не

попъ — это дьяконъ, кажется изъ Георге-Афипской. У него интересное дѣло. Онъ обвинилъ священника передъ «товарищами» въ контръ-революціонности. Священника повѣсили, а его произвели въ священники и одновременно онъ комиссаромъ какимъ-то былъ. Когда наши взяли станицу, его повѣсить хотѣли, а потомъ почему-то съ собой взяли . . .»

— «А, слыхали, что ген. Марковъ нашему начальнику отдѣленія[1]) сказалъ? Мы выѣзжаемъ изъ станицы, а онъ кричитъ: нач. 3 отдѣленія! почему у васъ такое отдѣленіе большое? — не могу знать, говоритъ, — сколько раненыхъ оставили въ станицѣ? — тридцать, говоритъ, — почему не сто тридцать! кричитъ . . .»

Уже вечерѣетъ . . . Знаемъ, что сегодня ночью должны переѣзжать жел. дорогу, но никто не знаетъ: куда мы ѣдемъ? Одни говорятъ въ Тиберду, другіе въ Терскую область. Ѣдемъ — куда пустятъ . . .

Желѣзную дорогу переѣхали, обманувъ большевиковъ. Они ждали насъ въ одномъ мѣстѣ. Мы переѣхали въ другомъ. Ген. Марковъ внезапно захватилъ переправу и съ ж. д. будки въ присутствіи сторожа, которому было приказано въ случаѣ появленія кадетовъ, дать знать, — самъ телефонировалъ комиссару: «все спокойно, товарищъ».

А потомъ сѣлъ на коня и приказалъ сторожу передать, что кадеты благополучно переѣхали жел. дорогу . . .

---

[1]) Обозъ съ ранеными былъ раздѣленъ на отдѣленія.

Ѣдемъ зелеными степями. Цвѣтущими бѣлыми станицами. Берегами стеклянной рѣки.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ — маленькій отдыхъ и опять армія трогается въ путь. Пѣшихъ — нѣтъ. Всѣ на подводахъ. И раненые, и строевые.

Проѣхали Бекетовскую, Бейсугскую.

Въ Ильинской отдыхаемъ въ хатѣ рослаго, рыжаго казака-конвойца. Живетъ онъ богато. Хата изъ нѣсколькихъ комнатъ. Лучшая — зала увѣшана портретами царской семьи, виситъ картина дѣла конвойцевъ подъ Лейпцигомъ, портретъ командира — бар. Мейендорфа. Конвоецъ — монархистъ. Не нравится ему «все это новое». «То ли дѣло раньше», и казакъ сочно разсказываетъ про прежнее конвойское, казацкое житье.

Изъ Ильинской переѣхали въ Успенскую. Здѣсь хозяинъ-казакъ — бѣдный. Онъ гостепріименъ, угощаетъ, разговариваетъ, но никакъ не можетъ понять зачѣмъ мы пошли воевать... «А земля-то у васъ есть?» спрашиваетъ онъ. — «Есть . . . была». — «Аа, ну понятно, свое добро всякому жаль», наконецъ понимаетъ казакъ.

Жена его — иногородняя. Она готовитъ намъ, тоже угощаетъ, но смотритъ на насъ со страхомъ и все спрашиваетъ: «А ничего не будетъ тѣмъ вотъ, кто изъ станицы убѣжалъ, когда вы пришли?!»

«Не знаю, думаю — ничего, а чего же они убѣжали-то?» — «Да кто ихъ знаетъ, побоялись васъ, вѣдь народъ все говорилъ, что иногороднихъ вѣшать будете . . .» Наконецъ она

не выдержала и со слезами разсказала, что ея два брата — иногородніе бѣжали, что ихъ комисаръ смутилъ, а теперь сказываютъ, что бѣжавшихъ ловятъ и разстрѣливаютъ...

Въ Успенской встрѣчаемъ мы вербное воскресенье. Въ большой церкви — служба. Всѣ — съ вербами и свѣчами. Храмъ полонъ, больше раненыхъ. Впереди, къ алтарю — Деникинъ съ бѣлымъ Георгіемъ на шеѣ, Марковъ, Романовскій, Филимоновъ, Родзянко.

Въ разговорахъ на паперти узнаемъ, что пріѣхала съ Дону делегація, зовутъ туда, что донскіе казаки возстали противъ большевиковъ и уже очистили часть области.

Всѣ радостны. Неожиданный просвѣтъ! Ѣдемъ на Донъ, а тамъ теперь сами казаки поднялись! какая сила!

По станицѣ расклеены воззванія Деникина о борьбѣ за Учредительное Собраніе.

Горькая балка.

Раннимъ утромъ выѣзжаемъ изъ Успенской. Рядомъ съ обозомъ идутъ, ѣдутъ мобилизованные въ станицѣ казаки. Теперь въ каждой станицѣ кубанскій атаманъ полк. Филимоновъ и Кубанская Краевая Рада мобилизуютъ ихъ и беретъ въ походъ съ арміей. Но винтовокъ нѣтъ, а потому они въ обозѣ.

Выѣхали въ широкую, изумрудную степь. Рысью обгоняетъ обозъ кавалькада. Въ центрѣ на массивномъ, гнѣдомъ конѣ — ген. Деникинъ, въ формѣ, съ погонами; лицо сурово-

озабоченное; кругомъ него — офицеры и корниловскіе текинцы. Немного сзади строемъ ѣдетъ Кубанская рада, выдѣляется характерная фигура Быча, съ нимъ рядомъ Макаренко.

Весь день и всю ночь ѣдетъ обозъ по степи. Подъ утро должны переѣхать жел. дорогу подъ большой станціей Бѣло-Глинской.

Разсвѣтаетъ, ѣдутъ шагомъ — пылятъ подводы. Впереди затрещали выстрѣлы, сильнѣй, сильнѣй, ударила артиллерія.

Бой на жел. дорогѣ.

Командуютъ: рысью! Понесся обозъ, уже ясно видна станція, жел. дор. путь, поѣзда.

Впереди лежатъ цѣпи, отъ нихъ долетаетъ трескъ выстрѣловъ, видны вспыхивающіе дымки.

Мчится обозъ по дорогѣ, мимо лежащихъ цѣпей. Онѣ отстрѣливаются — передъ ними чернѣютъ большевистскія цѣпи.

Подъ грохотъ гранатъ, свистъ пуль прорвался обозъ черезъ жел. дор. линію и подъѣзжаетъ къ слободѣ Горькой балкѣ.

Скачутъ подводы съ крутого ската и, перелетѣвъ мостъ, тихо подымаются въ гору, въ село. У первой хаты лежитъ мертвая женщина, вверхъ лицомъ, согнулись въ колѣняхъ ноги, вѣтеръ раздуваетъ синюю съ цвѣтами юбку . . .

Рядомъ съ обозомъ — верховые. «Что это за женщина, не знаете?», спрашиваю я одного. Верховый тронулъ коня, ѣдетъ съ подводой и разсказываетъ, перегнувшись съ сѣдла: «эта, сволочь, выдала нашъ первый разъѣздъ; они у нея остановились — она ихъ приняла хо-

рошо, а сама къ комиссару послала; ихъ захватили, перестрѣляли, топорами перерубили; а когда второй разъѣздъ утромъ пріѣхалъ — опять къ ней заѣхали, большевиками прикинулись, она и разсказала, какъ кàдетовъ выдала . . . ну, вотъ и валяется . . .»

Зашли въ хату. У стола красивая, смуглая женщина, съ ребенкомъ.

«Нѣтъ ли чего поѣсть, молодая?» — «Да чего же поѣсть-то? молочка только».

«Давай молока, не бойся, за все заплатимъ».

Она посадила на скамью толстаго мальчика, принесла изъ сѣней черный, глиняный горшокъ молока, нарѣзала мягкаго, душистаго хлѣба.

Мы ѣдимъ — женщина взяла на руки ребенка, что-то шепчетъ ему, боязливо, украдкой взглядывая на насъ.

«А, гдѣ мужъ-то, молодая?» — Она встрепенулась, испуганно уставилась.

«Мужъ-то? .. въ полѣ . . .» Помолчала . . . и вдругъ быстро начала: «спросить я васъ хотѣла вотъ, боюсь я больно, не захватятъ его тамъ ваши-то?»

— «Зачѣмъ же захватятъ? Онъ работаетъ?»

— «Знамо, работаетъ, да я слышу, стрѣляютъ-то вонъ въ той сторонѣ . . ., а у насъ допреже сказывали, ваши всѣхъ солдатъ разстрѣливаютъ». — «Это врали у васъ». — «То-то и я говорю, врали», повторяетъ женщина, а въ глазахъ, въ лицѣ — страхъ, недовѣріе.

Вышли изъ хаты. Отъ повозки къ повозкѣ ходятъ по площади люди, незамѣтно перешагивая черезъ валяющихся, зарубленныхъ людей.

«Кто это ихъ зарубилъ?» — «Черкесы. Тутъ вѣдь когда наши разъѣзды показались, комиссаръ вооружать всѣхъ сталъ. Ну вотъ ихъ и порубили. Тамъ, на дорогѣ еще валяются».

Недалеко отъ площади — кладбище. У ограды лежитъ навзничь рыженькій мужиченка — голова свернулась на сторону, грудь въ крови, руки вытянулись по землѣ, правая твердо сжала крестное знаменіе. Съ краю — свѣжія могилы, бѣлые кресты . . . На одномъ, на желѣзной, крашеной дощечкѣ выведено четкимъ писарскимъ подчеркомъ:

> Товарищъ Андрей Головановъ
> храбро палъ въ борьбѣ съ врагами
> народа, въ рядахъ красной арміи
> защищая революцію 1918 г. Подъ
> станціей Энемъ.

Вечерѣетъ. Смолкли выстрѣлы. Тронулся обозъ по узкой улицѣ, а Горькая балка заклубилась чернымъ дымомъ.

«Зажгли Балку», говоритъ казакъ-возчикъ. — «Черкесы это», отвѣчаетъ раненый, «они не щадятъ крестьянъ; раньше крестьяне ихъ вырѣзали, а теперь они вотъ ни одной слободы не оставляютъ . . .»

На край темно-зеленой степи оперлось красное солнце. По травѣ бѣгутъ плоскіе лучи, зажигая ее алымъ цвѣтомъ. Бирюзово-желтое небо темнѣетъ . . .

Опять Лежанка.

Нашъ путь лежитъ: опять на Лежанку. Передъ ней мы заѣхали въ ст. Плотскую, въ ко-

торой уже были въ февралѣ. Я иду къ знакомому плотнику, такъ недовѣрчиво говорившему въ прошлый разъ объ Учредительномъ собраніи.

Вошелъ — плотникъ узналъ меня: «Садитесь, садитесь, опять пріѣхали». — «Пріѣхали, ну какъ живете?» — «Да мы что», тянетъ плотникъ, «вотъ какъ вы? . . говорятъ, вашего главнаго-то убили, правда это?» На лицѣ его нехорошая улыбка. — «Кого, главнаго?» — «Да, Корнилова-то», улыбается плотникъ. — «Нѣтъ, не убили», лгу я помимо воли. — «Не убили? а у насъ слыхать было, что убили». Плотникъ помолчалъ. «Гдѣ вы остановились-то?» — «Здѣсь, въ угловой хатѣ». — «А, у Калистратовой . . .» Пауза. «У нея сынъ казакъ, а въ красную армію ушелъ», смѣется плотникъ, «вы ее спросите, гдѣ молъ у тебя сынъ-то? что она скажетъ, она поди васъ боится . . .»

Къ вечеру мы въѣхали въ Лежанку и остановились на площади.

Ночь свѣжая, холодная. Черный куполъ неба блещетъ золотомъ звѣздъ. Обозъ ночуетъ здѣсь. Поскрипываютъ телѣги, фыркаютъ жуя сѣно лошади, изрѣдка кто-нибудь простонетъ и опять тихо. Небо чуть синѣетъ, разсвѣтаетъ. Обозъ зашевелился, ругаются: «Да, гдѣ же это начальство! . . .»

Уже свѣтло. Раненые сползаютъ съ телѣгъ, идутъ по хатамъ пить чай. На дорогѣ обступили кого-то, стоятъ кучкой. Въ серединѣ, держа въ рукахъ коней, — три запыленныхъ донца-казака. Въ синихъ полуподдевкахъ, шаровары съ красными лампасами, фуражки лихо

сбиты на бекрень, изъ-подъ нихъ торчатъ громадные вихры волосъ.

«Всѣ встали, чисто какъ одинъ», говоритъ широкоплечій, рослый казакъ, «изъ половины области ихъ ужъ выгнали, теперь васъ только ждемъ, насъ за вами депутатами послали». — «Какой вы станицы?» — «Егорлыцкой». — «Ну, а теперь насъ обстрѣливать не будете сами?» спрашиваетъ худенькій раненый юнкеръ.

Казакъ засмѣялся и махнулъ рукой. «Да рази мы кады обстрѣливали! Теперь не безпокойтесь, и старъ и малъ за винтовку схватились, на себѣ испытали . . .»

Идемъ въ первую хату. Кухня, у печи — женщина. — «Здраствуйте, хозяйка, не найдется ли чего закусить или чайку попить?» — «Охъ, были ваши здѣсь, все забрали». — «Можетъ что и найдется». — «Сѣдайте, вонъ за столъ», показываетъ рукой она, не глядя на насъ . . .

Сѣли. На столѣ позеленѣвшій самоваръ. Кое-что нашлось, ѣдимъ, а хозяйка стоитъ у стѣны, подпершись рукой . . . «А, вы въ прошлый-то разъ были, что ль?» спрашиваетъ она. — «Въ февралѣ-то? — были, а что?» — «Ничего, народу много тогда побили», спокойно говоритъ она. — «У васъ кого-нибудь убили?» — «Мужа убили», отвѣчаетъ хозяйка какимъ-то безразличнымъ голосомъ. «Мужа? гдѣ же его?» — «Вышелъ онъ изъ хаты вотъ недалечека, его бонбой вашей и убило...» — «Снарядомъ?» — «Снарядомъ, чи бонбой, рази я знаю . . .» Хозяйка помолчала.

«А сегодня васъ комиссаръ хлѣбомъ-солью встрѣчалъ, все народъ уговаривалъ не бѣжать, такъ, говоритъ, лучше: не тронутъ. Съ хлѣбомъ-солью къ вашему начальнику выходилъ».

— «Да чего бѣгутъ-то?» — «Чего? Боятся — вотъ и бѣгутъ . . .»

Съ площади обозъ разъѣзжается.

Наша подвода ѣдетъ на край села, къ рѣкѣ. Во дворѣ, у хаты — бабы, ребятишки, всѣ тупо-испуганными лицами уставились на насъ.

«Хозяйка, мы у васъ встанемъ!» Она молчитъ, какъ будто не понимаетъ. Идемъ въ хату — метнулась къ намъ, заговорила: «да мы сами на фатерѣ стоимъ, нѣтъ у насъ ничего и хата малая». — «Что же дѣлать-то, хозяйка — не на улицѣ же намъ оставаться. Всѣ хаты заняты. А вы не бойтесь — мы народъ смирный, всѣ перераненны». «Охъ, не знаю же я какъ, хозяина-то нѣтъ», охаетъ баба.

Скоро помирились. Хозяйка сварила яицъ, поставила самоваръ . . .

Я вышелъ на крыльцо. За огородомъ синѣетъ рѣка, змѣйками блестя на солнцѣ, за ней начались, ушли въ даль безконечныя, донскія степи.

«Заходите къ намъ!» зоветъ Таня изъ крошечнаго оконца бѣлой хаты. Зашелъ. — «Вы у квартирантовъ остановились, а мы у самой хозяйки», смѣется она, «только хозяйка-то что-то сердитая. Мы ужъ на кухнѣ устроились, а она тамъ», показываетъ Таня на комнату, отгороженную мазанной стѣнкой, «навѣрное у нея прошлый разъ кого-нибудь убили. Пойдите къ ней, поговорите».

Я вошелъ. Въ комнатѣ у окна сидитъ старуха и молодая женщина. Молодая, увидѣвъ меня, отвернулась недовольнымъ лицомъ и вышла изъ хаты, шлепая босыми ногами.

«Здравствуйте, бабушка! Вы ужъ насъ простите, что поселились здѣсь, ничего не подѣлаешь, не наша воля». Старуха непонимающе посмотрѣла.

«Не сердитесь, бабушка!» весело кричитъ изъ-за перегородки Таня.

«Чего тамъ сердиться-то», шамкаетъ старуха, «только, говорю, праздникъ большой скоро . . .»

Таня позвала меня къ себѣ, а вечеромъ я снова зашелъ къ старухѣ.

Теперь она смотрѣла на меня уже какъ на знакомаго. Сѣлъ у стола. Надъ нимъ карточка лихого пограничника унтеръ-офицера, размахивающаго на конѣ шашкой.

«Это сынъ вашъ?» — «Сынъ», шамкаетъ старуха. — «Гдѣ онъ?» Старуха помолчала, глухо отвѣтила: «ваши прошлый разъ убили».

Я не зналъ, что сказать. «Что же онъ стрѣлялъ въ насъ?»

— «Какой тамъ стрѣлялъ». Старуха пристально посмотрѣла на меня и, очевидно увидѣвъ участіе, отложила работу и заговорила:

«Онъ на хронтѣ былъ, на турецкимъ . . . въ стражѣ служилъ, съ самой двиститеьной ушелъ . . . ждали мы его, ждали . . . онъ только вотъ передъ вами вернулся . . . день прошелъ — къ нему товарищи, говорятъ: наблизація вышла, надо къ комиссару идти . . ., а онъ мнѣ говоритъ, не хочу я, мама, никакой наблизаціи,

не навоевался что ль я за четыре года..., не пошелъ значитъ..., къ нему опять пришли, онъ имъ говоритъ: я въ кавареліи служилъ, я безъ коня не могу, а они все свое — иди, да иди..., пошелъ онъ ранехонько — приноситъ винтовку домой. ... Ваня, говорю, ты съ войны пришелъ, на что она тебѣ? брось ты ее, не ходи никуда..., что Богъ дастъ — то и будетъ..., и вѣрно говоритъ, взялъ, да въ огородѣ ее и закопалъ... закопалъ, а тутъ ваши на село идутъ, бой начался..., онъ сидитъ тутъ, а я вотъ вся дрожу, сама не знаю, словно сердце что чуетъ... Ваня, говорю, нѣтъ ли у тебя чего еще, выкини ты, поди, лучше будетъ..., нѣтъ, говоритъ, ничего..., а патроны-то эти проклятые остались, его баба-то увидала ихъ... Ванюша, выброси, говоритъ..., взялъ онъ, пошелъ..., а тутъ трескъ такой, прямо гулъ стоитъ..., вышелъ онъ на крыльцо, и ваши во дворъ бѣгутъ... почуяла я недоброе, бѣгу къ нему, а они его ужъ схватили, ты, кричатъ, въ насъ стрѣлялъ!.., онъ обомлѣлъ сердешный (старуха заплакала), нѣтъ, говоритъ, не стрѣлялъ я въ васъ..., я къ нимъ, не былъ онъ, говорю нигдѣ..., а съ ними баба была — доброволица, та прямо на него накинулась..., сволочь! кричитъ, большевикъ! да какъ въ него выстрѣлитъ..., онъ крикнулъ только, упалъ..., я къ нему, Ваня, кричу, а онъ только поглядѣлъ и вытянулся... Плачу я надъ нимъ, а они всѣ въ хату..., къ женѣ его пристаютъ..., оружіе, говорятъ, давай, сундуки пооткрывали, тащатъ все..., внесли мы его, вонь въ ту комнату, положили,

а они сидятъ здѣсь вотъ, кричатъ... молока давай! хлѣба давай!.. А я какъ помѣшанная — до молока мнѣ тутъ, сына послѣдняго ни за что убили...» — Старуха заплакала, закрывая лицо заскорузлыми, жилистыми руками...

«Онъ одинъ у васъ былъ?» — «Другой на астрійскомъ хронтѣ убитый, давно ужъ», всхлипываетъ старуха, утирается и опять говоритъ сквозь слезы... «А какой парень-то былъ, ужъ такой смирный, такой смирный», близко наклонившись ко мнѣ, она зашептала, показывая на трехлѣтнюю дѣвочку, притаившуюся въ углу хаты, «дѣвчонка-то безъ него прижита.., другой попрекалъ, билъ бы, а онъ пришелъ — ну, говоритъ, ничего..., не виню я тебя..., только смотри, чтобъ при мнѣ этого не было...»

Старуха замолчала. Я посмотрѣлъ на лихого пограничника и ушелъ къ своимъ раненымъ...

Сегодня великій четвергъ, мы идемъ къ двѣнадцати евангеліямъ...

Церковь полна ранеными. Хромаютъ, ноги обвязаны разноцвѣтными тряпками. Осторожно носятъ подвязанныя платками руки.

Пламя желтыхъ свѣчей мерцаетъ по блѣднымъ, усталымъ лицамъ. Церковь загорѣлась огнями. Священникъ читаетъ евангеліе. Кончилъ — потухли свѣчи. Поютъ. Далеко ухаетъ артиллерія, какъ будто кто-то большой, страшный тяжело вздыхаетъ.

Вышли въ садъ, на паперть. Ночь синяя, весенняя. Свѣжо. Сильно пахнетъ распустившаяся сирень. Изъ церкви круглыми, нѣжны-

ми звуками вылетаетъ пѣнье и замираетъ въ весеннемъ воздухѣ.

«Тутъ служба, а на площади повѣшенные», тихо говоритъ товарищъ.

«Кто?» — «Да сегодня повѣсили комиссаровъ плѣнныхъ».

Въ церкви тухнутъ огни. Служба кончилась. Всѣ выходятъ, столпившись на темной паперти. Въ мракѣ улицъ, дрожа, плывутъ огоньки свѣчей — отъ евангелій. Кое-гдѣ въ маленькихъ слѣпыхъ оконцахъ вздрагиваетъ свѣтъ, а далеко гдѣ-то ухаетъ, вздыхаетъ артиллерія . . .

Слѣдующій день лежимъ въ хатѣ. Полусонно. Маша, хозяйская дочка, держитъ въ рукахъ бумажку и поетъ что-то, заглядывая въ нее, на мотивъ Стеньки Разина. Она уже съ нами освоилась, разговариваетъ, смѣется... «Ты что поешь, Маша?» — Смутилась, прячетъ лицо, закрывается бумажкой . . . «Что поешь-то?» — «Пѣсню», тихо отвѣчаетъ она. — «Какую?» Мать улыбается. «Это она поетъ, здѣсь пѣсню сложили, про бой, про первый». — Ну-ка, покажи мнѣ, Маша». Подбѣжала съ протянутой въ рукѣ бумажкой и, отбѣжавъ, опять сѣла у стѣны. На бумажкѣ каракулями написана «Пѣсня».

Долго, долго мы слушали
Этихъ частныхъ телеграммъ
Наконецъ мы порѣшили
Защищать Лежанскій планъ

И вступивши мы въ Лежанку
Не слыхали ничего.
А на утро только встали
Говорятъ намъ всѣ одно.

Что кадеты идутъ въ Лежанку
Не боятся ничего
И одно они твердятъ
Заберемъ всѣхъ до одного.

Лишь кадеты выступали
Выходили изъ горы
То мы всѣ пріободрились
Взявъ винтовочки свои.

Положились мы въ окопы
Дожидались мы врага
И мы ихъ сперва пустили
До карантирскаго моста

Тутъ же храбрый нашъ товарищъ
Романъ Никифоровичъ Бабинъ
Своимъ храбрымъ пулеметомъ
Этихъ сволочей косилъ

Онъ косилъ изъ пулемета
Какъ хорошъ косарь траву
Крикнемъ братцы мы всѣ громко
Ура товарищу Бабину.

Пулеметы помогали
Пѣхотинцамъ хорошо.
Батерея жъ разбѣжалась
Не оставивъ никого

И орудья побросали
По Лежанскому шляху
А затворы поснимали
Все спѣшили ко двору.

А пѣхота дострѣлялась
Что патроновъ уже нѣтъ
Хоть она и утеряла
240 человѣкъ

Жаль товарищей попавшихъ
Въ руки кадетамъ врагамъ
Они надъ ними издѣвались
И рубили по кускамъ

Я спою, спою вамъ братцы
Показалъ вамъ свой итогъ
Но у кого легло два сына —
Того жалко, не дай Богъ.

«Это у насъ въ училищѣ играютъ», говоритъ Маша.

«А кто этотъ Бабинъ?» спрашиваю я хозяйку. — «Солдатъ былъ... На площади вотъ, его хата». — «Его убили?» — «Убили, сказываютъ, на пулеметѣ закололи».

Въ великую субботу выѣзжаемъ на Егорлыцкую. Ѣдемъ долго. Ночь. Темно. Степь покрыли черныя тучи. Носится злой вѣтеръ. Брызжетъ мелкій, колючій дождь. Подводы тихо ползутъ по черной степи. Оттуда, гдѣ перекатывались выстрѣлы, донеслись гулкіе, неясные крики, — это кавалерія пошла въ ночную атаку.

«Что, двѣнадцать уже есть?» — «Есть, первый». — «Встрѣтили заутреню».

Опять на Дону.

Мелькаютъ огни станицы. Егорлыцкая. По темной улицѣ ѣдетъ подвода— ищемъ квартиру, останавливаясь у каждой хаты.

З. вошелъ въ одну. — «Ну, что?» — «Нѣтъ, сынъ у хозяина убитъ, только-что привезли изъ боя».

Нашли небольшую хатку. Впустили. Казакъ и жена радушные. На столѣ пасха, куличъ, самоваръ. Хозяева угощаютъ.

— «Ну, пришли вы, слава Богу, а то прямо силъ нѣтъ... со всѣхъ концовъ насѣдаютъ», говоритъ казакъ: «и старые и малые въ бой ходили, самъ пошелъ на старости лѣтъ. Всю станицу окопами обрыли. Сегодня отобьемъ

ихъ — назавтра, гляди, опять прутъ, да еще больше, съ артиллеріей. Послѣдній разъ, когда это? въ четвергъ что ли? весь день пробились, видимъ — не отбить. До ночи дрались, а ночью собрали бабъ, ребятишекъ, и айда, въ степь уѣхали.

На утро они станицу заняли, давай все наше добро дѣлить, дома, скотину всякую. А тутъ ваши съ Лежанки идутъ, на нихъ ударили. Мы услышали — тоже изъ степи на станицу пошли. Они бѣжать... Комиссара ихняго захватили. Ихъ перебили. Опять въ свои хаты пришли. Теперь съ вами-то полегче, а то прямо край, гонятъ изъ послѣдней хаты и на поди»...

Казакъ укладываетъ насъ. Ухаживаетъ за нами.

Раннее утро. Первый день Пасхи. Пошли по станицѣ. Попадаются пѣшіе, вооруженные казаки, въ синихъ кафтанахъ, въ шароварахъ съ лампасами. Ѣдутъ верховые на рыжихъ коняхъ. Но народу въ станицѣ мало. Не попраздничному. Недалеко отъ Егорлыцкой — бой. И казаки вмѣстѣ съ добровольцами — тамъ.

Идемъ широкой улицей.

Деревянные, чистые, просторные дома, съ занавѣсками на окнахъ. Кругомъ сады, въ цвѣту. Поперекъ улицъ носятся вихремъ — играютъ здоровые, ловкіе казачата. Гдѣ-то перебираетъ гармоника. Проскакали верховые. Вѣтеръ поднялъ по улицѣ пыль и несетъ ее облакомъ... «Слыхали, завтра на Новочеркасскъ всѣхъ раненыхъ отправляютъ!» высунувшись изъ окна кричитъ знакомый.

Утромъ, обозу приказано построиться. Опять донскими, безкрайними степями ѣдетъ обозъ. Но теперь степь не снѣжная, а зеленая, какъ изумрудъ. На зелени кое-гдѣ алѣютъ кровавыми пятнами — воронцы. Дымится пыль надъ обозомъ. Одна верста похожа на другую. Степь . . . степь . . . безъ конца . . .

Прошлый разъ, въ февралѣ, въ Мечетинской, армія тонула въ грязи. Теперь — дорога сухая, станица — зеленая. Остановились у иногороднихъ. Хозяева не любезны. Отворачиваются и ворчатъ что-то подъ носъ. На стѣнахъ фотографіи матросовъ. — «Что это у васъ все матросы?» спрашиваю я хозяйскую дочь, намазанную, городскую проститутку. — «А чиво жъ имъ не висѣть-то? народъ веселый», хихикаетъ она . . .

Опять чай, молоко, разговоры о Новочеркасскѣ . . .

«Неужели поѣдемъ?» — «Чортъ возьми, хоть отъ вшей освободиться, да снарядовъ не услышишь». — «А знаете? полк. Корниловъ съ 19 офицерами изъ арміи убѣжалъ». — «Ну? куда?» — «Не знаю. Ночью на подводахъ, съ пулеметами куда-то свистнули. Офицеры всѣ — изъ штаба, изъ контръ-развѣдки. Ихъ догоняли, ловили — не поймали». — «А многіе бѣгутъ изъ арміи, прямо на Ростовъ, на Новочеркасскъ». — «Да . . . А я вотъ вамъ штуку разскажу. Здѣсь на площади бабъ какъ пороли, интересно. Когда большевики пришли, онѣ вмѣстѣ съ ними потребительскую лавку разграбили. Ну, а послѣ, у кого какую

вещь найдутъ — на площадь, заголяютъ, сами казаки порютъ, а кругомъ хохочутъ».

На улицахъ Мечетинской также ходятъ вооруженные казаки. И старые и малые — всѣ поднялись. Нѣсколько разъ выбивали они большевиковъ изъ станицы и опять отдавали. Но теперь положеніе крѣпнетъ. Весь Донъ всколыхнулся. Освобождается округъ за округомъ. Казаки гонятъ красныхъ изъ станицъ. Комиссаровъ смѣняютъ атаманы.

Ѣдемъ на Маныцкую. Всѣ знаютъ, что изъ нея на пароходѣ по Манычу и Дону въ Новочеркасскъ. Чувствуется близость отдыха, всѣ мечтаютъ, что не услышатъ больше приближающагося свиста снарядовъ, трещащаго переката ружей, стоновъ и перемѣнятъ одежду сплошь покрытую вшами.

День прожили въ Маныцкой. На другой — погрузка.

У берега Маныча — большой, бѣлый пароходъ, къ нему прицѣплена баржа. Раненыхъ несутъ на рукахъ, на носилкахъ. Больные, легко-раненые сами ковыляютъ, хромаютъ. Пароходъ — погруженъ, засвистѣлъ, выпустилъ клубы чернаго дыма, поплылъ . . .

Раненые сидятъ, лежатъ на палубѣ; блѣдныизмученныя лица; усталые глаза; шинели и разныя шапки — все рваное, грязное, измятое; ноги нѣкоторыхъ обвязаны тряпками вмѣсто обуви.

Пароходъ выходитъ изъ желто-грязноватаго Маныча въ сине-голубой Донъ. Донъ сильнымъ разливомъ затопилъ луга, лѣса. Рѣчной просторъ его такъ широкъ, что глазомъ не оки-

нешь. Плывемъ мимо древней столицы казаковъ — станицы Старо-Черкасской. Здѣсь хранятся цѣпи Степана Разина.

Бѣгутъ берега, посвистываетъ пароходъ — подходимъ къ Аксаю.

— «Господа, нѣмцы! Смотрите, нѣмцы!» кричитъ раненый. Всѣ метнулись къ борту. Рядомъ съ пароходомъ, на его волнахъ — плыветъ, качается лодка. На веслахъ, въ сѣрой формѣ съ красными околышами — два нѣмца. На рулѣ — барышня въ бѣломъ.

— «Вотъ сволочь!» качаетъ головой раненый . . .

— «Какъ непріятно все-таки. На Дону — нѣмцы!» говоритъ другой. «Это что же, союзники, иль побѣдители?» криво усмѣхается старый капитанъ.

Пароходъ свиститъ, причаливая къ Аксаю. На берегу — нѣмецкіе часовые. Офицеръ въ свѣтло-сѣромъ, почти голубомъ мундирѣ, съ моноклемъ въ глазу, отдаетъ имъ какія-то приказанія. Часовые стоятъ, какъ деревянные, съ откинутыми назадъ руками. На берегу гуляютъ чистенькіе, блестящіе нѣмцы.

Рваные, грязные, вшивые, хромые, безрукіе раненые выползли на берегъ. Смотрятъ на нихъ. Нѣмцы тоже смотрятъ, и чему-то смѣются межъ собой.

Пароходъ плыветъ дальше. Разговоры на палубѣ смолкли. Всѣ притихли.

Далеко, на горѣ, горитъ золотомъ куполъ Новочеркасскаго собора. Уже виденъ городъ. Подплываемъ къ Новочеркасску. Причалили къ берегу — улицѣ . . .

Шедшій народъ останавливается. Смотрятъ на насъ. Съ палубы кто-то махнулъ платкомъ. Но толпа — случайная. Расходятся по своимъ дѣламъ.

На берегъ никого не пускаютъ. — «Почему?!» — «Да что это такое!!» — волнуются раненые.

— «Господа, оказывается, насъ не ждали здѣсь. И потому намъ, по крайней мѣрѣ, день придется пробыть на пароходѣ. Докторъ Родзянко поѣхалъ къ атаману поговорить о насъ», заявляетъ офицеръ изъ начальства.

Одни злобно ругаются. Другіе — молчаливо задумались. Но раненыхъ, могущихъ идти, удержать нельзя.

Обвязанные грязными бинтами, хромые, рваные, съ тряпками, мѣшочками, съ палочками они уже сошли съ парохода и ковыляютъ, идутъ въ городъ.

На улицахъ прохожіе останавливаются, удивленно смотрятъ на оборванцевъ и осторожно спрашиваютъ: «вы кто такіе? откуда?» — «Корниловцы, изъ похода вернулись». — «Ааа!» тянутъ прохожіе, спокойно ускоряя шагъ.

Мы дошли до той же грязной гостинницы «Лондонъ», гдѣ останавливались, пріѣхавъ въ Новочеркасскъ. Сняли тотъ же скверный номеръ. Въ комодѣ, въ столѣ — бумаги. Читаю — бумаги красноармейцевъ, какіе-то рапорта, условія службы . . . «Что это за бумаги? Большевики что ли жили?» спрашиваю я вошедшаго лакея. «Да . . . жили здѣсь два командира ихніе», нехотя отвѣчаетъ онъ.

«Что же, убѣжали?» — «Нѣтъ, не успѣли.

На крыльцѣ ихъ, вотъ тутъ убили, у гостиницы». — «Кто?» — «Казаки, когда возстали».

Въ Новочеркасскѣ какъ будто ничто не мѣнялось. Опять на чистенькихъ улицахъ мелькаютъ разноцвѣтныя формы военныхъ, красивыя костюмы женщинъ, несутся автомобили, идутъ казачьи части. Только рваные корниловцы явились диссонансомъ. Хромые, безрукіе, обвязанные, съ блѣдными лицами идутъ они по шумящимъ, блестящимъ улицамъ . . .

Въ лазаретѣ.

Для раненыхъ отвели лазареты въ городѣ и мы легли въ Епархіальное училище. Большое зданіе, почти на краю города все въ зелени. Вдали виднѣется безконечная степь.

Всѣ комнаты-палаты полны ранеными, больными. Въ палатахъ, корридорахъ суетятся изящныя сестры и волонтерки.

Въ зеленомъ саду въ синихъ, бѣлыхъ халатахъ раненые лежатъ, читаютъ ростовскіе, новочеркасскіе газеты. Во всѣхъ одно и то же: «вернулись герои духа», «титаны воли», «горсть безумно-храбрыхъ», «воодушевленныхъ любовью къ Родинѣ» . . .

Но въ лазаретѣ бѣлья не хватаетъ, нѣкоторые спятъ безъ простынь и одѣялъ. Какія-то дамы, дѣвушки, дѣвочки хлопочутъ о питаніи, но до сихъ поръ вмѣсто хлѣба за обѣдомъ даютъ хлѣбныя крошки.

Въ Ростовѣ пущенъ листъ сбора пожертвованій въ пользу «героевъ», отъ ростовскаго ку-

нечества собрано ... 470 рублей, а раненыхъ прибыло всего тысячи двѣ.

Чаще, чаще у дверей Епархіальнаго училища появляются женщины съ взволнованными лицами. Онѣ останавливаютъ встрѣчныхъ раненыхъ, спрашивая дрожащимъ голосомъ: «Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы N, онъ маленькій такой, брюнетъ ... не здѣсь ли онъ? . .»

Лица у нихъ изстрадавшіеся, въ глазахъ слезы, губы дергаются. Это матери разыскиваютъ своихъ дѣтей.

Однѣ изъ нихъ находятъ, другія узнаютъ о смерти, третьи ничего не могутъ узнать. И всѣ онѣ плачутъ, не въ силахъ сдержать ни своей радости, ни горя, ни страшной неизвѣстности...

Подошла красивая дѣвушка: «Господа, не знали вы корнета Штейна?» — «Нѣтъ, простите, одну минуту, я сейчасъ спрошу. Господинъ ротмистръ! подите сюда пожалуйста!»

Подходитъ ротмистръ. Она спрашиваетъ, а онъ неловко мнется.

«Я невѣста корнета Штейнъ, вы не бойтесь, я знаю, что онъ убитъ, но я хочу все, все о немъ узнать..., если можете, разскажите пожалуйста все, какъ было, пожалуйста . . .»

Ротмистръ разсказываетъ красивой дѣвушкѣ, какъ женихъ ея съ другими офицерами поѣхалъ въ разъѣздъ, какъ ихъ захватили въ хатѣ крестьяне и изрубили топорами, какъ потомъ, взявъ слободу, кавалеристы мстили за изуродованные трупы.

А дѣвушка слушаетъ, строгимъ, красивымъ лицомъ глядя на ротмистра. Онъ кончилъ.

«Спасибо», говоритъ она, протягивая руку.

На Донцѣ.

Мы съ братомъ переѣхали изъ лазарета къ знакомымъ въ ст. Каменскую. Живемъ на берегу Донца.

За зеленымъ садомъ — желтый, песочный берегъ, змѣится синій Донецъ, за нимъ — старая станица съ пирамидальными, серебристыми тополями, бѣлыми хатами; говорливыя, бойкія казачки быстро сбѣгаютъ съ ведрами съ кручи къ рѣкѣ; по рѣкѣ скользятъ лодки...

Мы плывемъ. Вечерѣетъ. Закатное солнце бросаетъ въ воду послѣдніе лучи, преломляющіеся тысячами цвѣтовъ. Тишина, — будто все къ чему-то прислушивается. Булькнули брошенные весла. Скользитъ лодка, прижимаясь къ темно-зеленому ивовому берегу. Только изъ станицы слабо долетаетъ пѣсня съ гармоникой.

Вмѣсто пушекъ — заквакали лягушки.

Вмѣсто пулеметовъ — трещатъ кузнечики.

Отъ воды поднимается прохладный туманъ.

Сгущаются тѣни. Лодка причалила.

. . . .

Вскорѣ мы съ братомъ вышли изъ арміи.

Оглавленіе

Стр.

Часть первая

Съ фронта — до Ростова

Часть вторая

Отъ Ростова до Екатеринодара

Часть третья

Отъ Екатеринодара до Новочеркасска